
БРИТ БИЛЬДЁЭН
ЖЕЛТЫЙ УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ
РОМАН
CORPUS
18+
Невозможно оторваться... Постепенно возникающий детективный элемент делает роман особенно притягательным. DAG OG TID

Желтый уровень опасности

Брит Бильдёэн

Аннотация
Брит Бильдёэн. Желтый уровень опасности
пятница
суббота
воскресенье

Аннотация

Когда Дорте приезжает в роскошный гостевой дом на природе, над окрестностями уже сгущается буря. Вся семья соберется здесь на выходные, чтобы отметить золотую свадьбу родителей: ожидается и брат Дорте, и сестра с мужем и собакой. Но Дорте почти сразу начинает сожалеть о своем решении собрать всю семью в таком уединенном месте. Разразившаяся буря отрезает дом от внешнего мира: оползень блокирует дорогу, и семья оказывается заперта внутри вместе с двумя незнакомыми охотниками, случайно нашедшими здесь убежище. Дорте еще не знает, что оползень – лишь начало цепи событий, которые навсегда изменят жизнь каждого из них.

“Желтый уровень опасности” – роман о людях и животных, о страхе и близости, о том, как мы воспринимаем друг друга и природу, частью которой неизбежно остаемся.

Брит Бильдёэн
Желтый уровень опасности

Brit Bildøen
Gult farevarsel

Published in agreement with Stilton Literary Agency

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Перевод с норвежского Александры Ливановой

© Brit Bildøen, Det Norske Samlaget, 2023
© А. Ливанова, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

пятница

Дорте

На последнем взгорке машина забуксовала, и Дорте ужаснулась при мысли, что всего через пару часов тем же путем поедет отец. Дорога грунтовая, ее развезло почти на всем пути, под колесами глина. От шоссе до горного хутора всего-то несколько километров. Но этого точно более чем достаточно. Ели по сторонам раскисшей дороги с каким-то осуждением опустили насквозь промокшие ветви: *это ты придумала.* Именно эта мысль придет в голову каждому, подъезжающему к Иннсетре. *Это Дорте придумала.*

Дорте в своем репертуаре, скажет Анетте Яну Инге, когда их машина застрянет и колеса будут всё глубже погружаться в грязь. Дорте в своем репертуаре, приспичило же ей вытащить нас сюда на выходные в этот мрачный и промозглый октябрь.

Так ведь родители поженились в октябре, и на эти выходные тому стукнет как раз пятьдесят лет. Отмечать-то приличествует день в день, думает Дорте, приближаясь к двум толстым обрубкам

бревна, покрашенным в темно-коричневый цвет. Видимо, они служат воротами. Дорте сворачивает с грунтовой дороги в эти ворота. Проехав немного вниз по неровному склону, она наконец видит хутор.

Дорте как наяву слышит, как будет брюзжать Анетте: ну да, но можно же было отпраздновать юбилей в гостинице рядом с домом. И отец скорее всего ее поддержит. Ведь тогда бы не пришлось тащиться в такую даль. Не пришлось бы паковать чемоданы, запирать дом на все замки, перенастраивать термостаты, чтобы температура в доме была пониже, выдергивать электроприборы из розеток, просить соседей доставать газеты из почтового ящика; заботы, сплошные заботы.

А Карл, интересно, что думает он? Ее брат-близнец держит свое мнение при себе, сидит себе, ухмыляется, будто все, что говорится и делается вокруг, пустое. Карл рано отдалился от них. Окончив школу, он не находил нужным ставить их в известность о том, где он, чем занимается. Но ему и добираться сюда дольше всех — из Марокко, куда он ездил на серфинг. Прислал ей только сообщение: окей, буду. Куда больше артачились все остальные — непонятно почему, им сюда езды меньше двух часов, даже полезно немного

проветриться.

На первый взгляд тутошние строения кажутся маленькими и какими-то линялыми. Но что в такую погоду не выглядит серым и унылым? Ее коллега, вот только что отметившая здесь, на Иннсетре, свое пятидесятилетие, на все лады расхваливала атмосферу, обслуживание, еду и упирала еще на то, что хозяин хорошо разбирается в винах. В гостинице, где их семья обычно отмечает важные события, их ждало бы то же, что и всегда, и белое вино — полусухое — подали бы неохлажденным. Разве люди, прожившие в браке пятьдесят лет, не заслуживают чего-нибудь менее рутинного?

Дорте паркуется рядом с единственным на площадке автомобилем — не слишком чистым серебристо-серым фургоном. Осторожно спускает ноги на грязную землю. Белые кроссовки здесь определенно не к месту. Вытянув шею, Дорте пытается сопоставить окружающее с картинкой, которую ей показывали в городе. На ней хутор в освещении факелов выглядел колдовским и манящим. Но конечно же, ближе к вечеру хозяева зажгут факелы.

Небольшой двор хутора образован тремя зданиями. Двухэтажный бревенчатый дом за-

стекленной галереей соединяется с деревянной пристройкой пониже. Прямо напротив деревянного домика стоит слегка покосившийся старинный амбар. В амбаре расположен дорогой номер, где она предполагала разместить родителей. Но Дорте сразу видит, что старая каменная лестница слишком крута для отца. Тогда, пожалуй, пусть родители лучше разместятся в главном здании, чтобы им не нужно было под дождем, если он не перестанет, таскаться через двор. А прогноз обещает затяжные дожди. Сильные ливни не прекращаются в Южной Норвегии уж скоро неделю. Вздохнув, Дорте поднимает глаза к небу. В какой-то момент казалось, что вот-вот развиднеется, но тучи над ее головой стянулись в мрачный сжатый кулак. На лоб падает несколько легких капель. Ну ладно, с погодой никто ничего поделать не может. А вот дорогой номер… Может быть, Анетте и Ян Инге более одобрительно отнесутся к этой поездке, если им достанутся кровать с балдахином и деревянный мини-бассейн?

Хлопает дверь, и Дорте оборачивается на этот звук. Из здания, которое, как ей думается, главное здесь, вышел мужчина. Стоит, вытирает руки о передник. В темноте крыльца яркими пятнами выделяются красный передник и белозубая

улыбка.

— Не надо там стоять, промокнете! — кричит он.

Дорте достает из машины сумочку и шагает ко входу.

— Я так рано никого не ждал, — говорит мужчина, протягивая ей необсохшую пятерню. — Уле — это я. Как раз нарезаю овощи к сегодняшнему ужину.

— А я Дорте. Извините, что так рано заявилась. Мне хотелось немного обвыкнуться, пока не приехали остальные.

Уле придержал для Дорте дверь, и она прошла по короткому коридорчику к приемной. Там темно; хозяин зажигает свечи, приговаривая:

— Знал бы я, что вы приедете, разумеется, затопил бы камин.

— Да все хорошо.

Дорте плотнее запахивается в пальто. Перед большим белым камином расставлены столики и плетеные кресла, накрытые серыми и белыми овчинными ковриками. Приемная явно служит еще и баром. Зайдя за тяжелую сосновую стойку, Уле нажимает на какие-то кнопки. На полках за его спиной высвечиваются ряд за рядом разноцветные бутылки.

— Наверное, рановато для бокальчика за приезд? — смеется он, но не успевает она ответить, как он открывает лежащую на стойке папку. — Мы ведь договаривались, чтобы ужин подать в девятнадцать часов, да?

Его взлохмаченные волосы чуть длинноваты; когда он наклоняется над бумагами, прядь спадает на лоб. Он убирает прядку за ухо и вскидывает глаза на Дорте.

— Да, я всем сказала, чтобы были здесь не позже шести.

— Вам сразу номер показать?

— Да, но я тут засомневалась немножко… Я сначала планировала, чтобы лучший номер достался юбилярам. Но у отца была операция на бедре, и…

Глаза Уле светло-карие, бархатистые. Когда задумывается, морщит лоб. Потом опять улыбается.

— Пожалуй, ты права. Лестница там крутовата. Хочешь посмотреть?

Он берет ключ с прикрепленной к нему деревянной биркой. И ключ, и бирка непривычно большого размера. Снова придерживает для нее дверь. Спешит вместе с Дорте через двор. Теперь дождь стоит стеной, и ей приходится скакать зигзагами, чтобы миновать самые глубокие лужи.

Уле уже скрылся в доме, а она только еще добралась до лестницы. Четыре высокие и неровные ступени, потом маленький темный коридор. Первое, что она видит, зайдя в комнату, — огромная кровать с балдахином. Каркас кровати покрашен в красный цвет и украшен тюлевым пологом. Рука Дорте так и тянется пощупать матрас, это не остается незамеченным Уле.

— Этой кровати двести лет, но матрас новый, гарантирую, что без блох!

Обойдя кровать, Дорте идет вслед за ним вглубь помещения. На небольшом возвышении оборудован мини-бассейн, она уже видела его на тщательно изученной странице интернета. Бассейн в форме бочки наполнен водой. Уле нажимает на кнопку, загорается красная лампочка.

— Я пораньше сегодня набрал воды. Целый час уже нагревается. Я правильно понимаю, что тебе с дороги хочется согреться?

Дорте взглядывает на него с удивлением.

— Ну не знаю… может быть, и не я здесь буду жить.

— Ну ты-то первая приехала! Конечно же лучший номер должен достаться тебе.

Дорте думает о сестре. Пожалуй, амбар покажется Анетте слишком деревенским. Как же

соблазнительно сходить за сумками да и расположиться здесь!

— Я, пожалуй, лучше подожду, послушаю, что скажут остальные.

Дорте замечает, что вцепилась рукой в бортик бассейна. А Уле стоит так близко, что она ощущает исходящее от него тепло.

— Извини, — говорит он, и она спохватывается, что, стоя тут, мешает ему пройти. Дорте торопится убрать руку с бортика. Торопливо и неуклюже шагает назад, покачивается. Уле реагирует мгновенно, подхватывает ее под локоть и не дает упасть.

— Чуть не считается! — Приобняв ее и другой рукой тоже, он разглядывает ее с озабоченным выражением лица. — Все в порядке?

— Да-да, — бормочет она, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

Он осторожно ведет ее вокруг кровати.

— Этот номер мы часто сдаем молодоженам. А иностранные туристы видят тут экзотику.

— Здесь очень красиво, — говорит Дорте. — Романтично.

После полутьмы амбара дневной свет режет глаза, хотя небо над хутором накрыло тучами еще плотнее. Остановившись в дверях, Дорте вгляды-

вается в серую пелену дождя, скрывающую и вид, и те осенние краски, которые еще должны бы оставаться в природе. Не так она представляла себе празднование юбилея, планируя его. Сейчас же дождь будто пронизывает ее всю и смывает все, что она себе нафантазировала, думая об этой поездке; неспешные прогулки среди желто-красного великолепия, вылазку в горы с Карлом, шезлонги на террасе. Устроившись там, они наслаждались бы теплыми лучами солнца, видом на долину, бокалом терпкого сухого белого вина.

Уле остановился рядом с ней. Они стоят и молчат. Ему тоже несладко, конечно, принимать клиентов в такую погоду. Он моложе, чем Дорте представляла себе. Или моложавее, кто знает. Здесь, в горах, неплохо им живется, наверное. Свежий воздух, походы, местные продукты. Да еще и покой. Покой. Она глубоко вздыхает.

— Если хочешь, идем со мной на кухню, составишь мне компанию, — говорит Уле. — А то мне пора уже заняться ужином. Могу налить тебе бокальчик, пока ты ждешь приезда остальных.

Кухня на удивление индустриальная, строгая и аккуратная: много блестящих стальных поверхностей и две огромные плиты. На одном из столов высятся горы моркови, картошки и лука.

Меню они подробно обсуждали по телефону и электронной почте. Договорились, что в первый вечер будет подано фирменное блюдо — рагу из лосятины с домашними лепешками и органической сметаной с одного из хуторов в долине.

Уле достает из холодильника початую бутылку белого и наполняет два бокала. Бутылка тут же возвращается в холодильник, и Дорте не успевает разглядеть этикетку. Может быть, он хочет меня проверить, думает она, слегка вращая вино в бокале. Приближает бокал к носу. Сплошь цветочный луг. Что бы это могло быть? Хозяин подмигивает ей и принимается за овощи.

— Бери стул, садись, — говорит он, взмахнув ножом. Дорте подвигает к столу высокий табурет и садится, пристроив пальто на второй табурет.

— Прямо как в баре, — смеется она, устраиваясь поудобнее. Снова принюхивается к вину, потом осторожно пригубливает. Вкус менее цветочный, чем запах, но в носу ощущается легкий сладковатый аромат. Дорте ставит бокал на стол, смотрит, как сноровисто работает хозяин.

— Может, я помогу, раз уж все равно здесь сижу?

— Нет-нет, мне просто в компании веселее работается.

— Но разве ты тут совсем один?

— Элисабет надо было съездить в Осло. Так что сегодня вечером мне придется справляться в одиночку. Но завтра, к счастью, нас будет двое.

Уле вываливает в большую кастрюлю целый поднос порезанной моркови. Потом поднимает свой бокал, слегка кивает Дорте и отпивает глоток. И она тоже поднимает бокал; перекатывает вино во рту, прежде чем проглотить.

— Пытаюсь понять, что это такое мы пьем.

— Да ничего особенного. А ты пишешь о вине, да ведь?

— Да, в разные журналы.

— Впечатляет!

— Да нет, вовсе нет. Я только недавно начала. Хорошо, что вообще что-то нашла, когда рекламное бюро, где я работаю, вынуждено было нас распустить на время.

— Ах ты черт. Из-за пандемии?

— Да. — Дорте крутит бокал в руке. — Теперь я вернулась туда на полставки, и в общем-то меня это устраивает. Мне всегда хотелось писать, ну вот и…

— Может быть, я читал что-то твое? Мы выписываем несколько журналов о кулинарии и винах.

— Я постоянно пишу в один женский журнал. И еще время от времени для пары сетевых ресурсов.

Дорте спохватывается, что давно не проверяла мобильный. Сумка-то где? А, вот она, под пальто. Порывшись среди чеков и косметики, она нащупывает гладкий твердый гаджет. Два сообщения. Одно от Карла. Сразу забилось сердце. Все время опасаешься, что он откажется приехать. Так многое может ему помешать. Рейс отменят. Карл заболеет. Автомобиль сломается. Как же без Карла, он нужен тут. Дорте читает текст. По телу прокатывается волна облегчения, неся с собой едва заметные пузырьки алкоголя.

Дорте смотрит на спину Уле, открывающего холодильник. На его волосы, слегка вьющиеся на затылке. Они сразу и седые, и черные. Соль с перцем. Уле оборачивается и взглядывает на нее.

— Все в порядке?

Дорте отодвигает телефон.

— К счастью, да. Я боялась, что брат все-таки не сможет приехать. Но он только припоздает немного.

Уле включает газ, она не может отвести глаз от пляски синих языков пламени, пока он не закрывает их от нее, поставив на огонь сковороду.

Не стоит Дорте больше пить. Нехорошо, если она будет под мухой, когда подъедут остальные. Но она уже распробовала вино. Просто не сразу. Оно больше не отдает цветами, но вкус у него по-прежнему богатый и свежий. Может, новозеландское какое-нибудь?

Еще по крайней мере час до приезда остальных. Карл пишет, что стоит в очереди на зарядку; неужели и правда завел электромобиль? Последней его машиной был битый фургон. Дорте предлагала подвезти брата, но он предпочел приехать на своей машине. Все предпочитают ездить на своих машинах. И зачем нам здесь столько машин, думает Дорте, четыре машины на шесть человек? Анетте с Яном Инге могли заехать за отцом с матерью, им по пути, но родители настояли на том, чтобы ехать на своей машине. Они вечно боятся оказаться обузой для кого-нибудь. Особенно для собственных детей.

— Как дожарю мясо, могу тебе и другие номера показать. А потом затоплю камин.

Дорте кивает и отпивает еще вина. Она вдруг осознает, в каком она была напряжении. И как хорошо отогреться, почувствовать, что постепенно скованность отпускает. Вот теперь она на самом деле начинает радоваться встрече с родными.

Анетте

— Почему в номере норвежской гостиницы не бывает больше двух вешалок? — вопрошает Ян Инге. Он стоит перед узким платяным шкафом и держит в руках две белые рубашки.

— Кто его знает, может, крадут, — говорит Анетте. — Но мы-то мотаем на ус? — И она с улыбкой извлекает из своего чемодана четыре вешалки. Просияв, Ян Инге тянется за ними.

— Ну ты молодчина.

— Не забыть бы только забрать их потом домой. Ты ведь не расстроился, что я отказалась от большого номера, правда?

— Да нет, меня все устраивает. Особенно если подумать о Лабане. Нехорошо было бы оставлять его там одного.

Два легких удара хвостом по краю собачьей лежанки показывают, что лабрадор услышал свою кличку. Он взглядывает на них, не поднимая головы. Два черных блестящих глаза среди черной шерсти.

— Прогулочка та еще у нас с тобой получилась, Лабанюшка, — говорит Ян Инге, тяжело плюхаясь на кровать. Хвост принимается вилять быстрее. Ян Инге наклоняется погладить пса по голове, потом со вздохом и пристаныванием стягивает

с себя брюки.

— Мы с Лабаном минут пять были на воздухе, не больше, а вымокли насквозь. А у меня с собой только эти брюки, да еще костюмные.

Закончив распаковывать чемодан, Анетте задвигает его под кровать.

— Неужели так уж сильно промокли?

— А ты потрогай! Не хватало снова простудиться.

— Может, я попробую высушить твои брюки феном?

— Не получится. Вот смотри, штанины снизу сплошь заляпаны. Нет, придется надеть костюмные брюки со свитером.

Он берет мокрые брюки и скрывается в ванной. Анетте вздыхает и садится на кровать, на то место, где сидел муж. Наклоняется почесать животик псу. Красавчик наш. Лабан покряхтывает и ворочается, подставляя пузо. Запах теплого и влажного собачьего живота даже приятен. Она снова вздыхает. Гостиница производит вполне приятное впечатление, хозяин тоже, но в такую мерзкую погоду проведенные тут дни покажутся нескончаемыми.

— А ты обратил внимание на Дорте? Когда она вышла нас встретить. Глазки-то блестели, —

громко говорит она.

— Да? Я не заметил, — доносится из ванной.

Ян Инге открывает кран, пускает воду. Чистит зубы, слышит Анетте.

Они договорились, что постараются видеть в этой истории хорошее. Дорте хочет как лучше, просто она привыкла всеми распоряжаться. Командует, указывает, вечно придумывает что-то новое. Вот как теперь, вытащила их сюда, не подумав, что пожилые люди не так уж любят сюрпризы. Родители чувствуют себя лучше всего в привычной обстановке, вылазки вроде этой — ненужная встряска для них. Видно было, как устал отец в дороге. А кому пришлось бежать к машине с зонтиком, чтобы они не промочили ноги? О подобных вещах Дорте не думает. Ян Инге тоже подскочил, помочь с чемоданом. Неудивительно, что промок.

Вот он появляется из ванной в семейных трусах и майке.

— Жду не дождусь посмотреть на новую машину Карла. Вроде он стоял в очереди на зарядку, как сказала Дорте. У него что, есть деньги на электромобиль?

— Что-то не верится. Может быть, он его арендовал.

— Он же вечно был помешан на экологии. Но поехать на электромобиле сюда?

Анетте пожимает плечами. Лабан издает недовольный звук, как бы привлекая внимание к тому, что почесывание живота прекратилось. Анетте еще пару раз проводит ладонью по гладкому меху и поднимается. Переодеваться в номере вдвоем тесно, но в конце концов дело сделано. На нем костюмные брюки и синий джемпер, на ней видавшая виды черная юбка-колокол и широкая цветастая блузка, скрывающая расплывшуюся талию. Анетте расползлась за последний год, в такт с приливами и перепадами настроения. Она всматривается в свое и мужа отражение в темной поверхности окна. Снаружи по стеклу стекают потоки воды, из-за этого их фигуры выглядят странно искаженными, как на слишком ярко освещенной сцене.

— Я сейчас, — говорит она, берет косметичку и уходит в ванную.

Когда она возвращается в комнату, Ян Инге стоит там, засунув руки в карманы. Прямой как шпала. Ее муж. Она почти уже и не замечает его, а он совсем не замечает ее. Она могла бы выйти с тушью, полосками размазанной по щекам, он бы и не пикнул. Она берет его под руку.

— Ну пойдем. Придется выгулять Лабана после ужина.

Она старается не смотреть на собаку, но, когда они выходят из номера, спиной чувствует разочарованный взгляд лабрадора. Коридор освещен плохо. Если у входа все выглядит притягательным, светлым, современным, то в этой части комплекса с восемью-десятью номерами обстановка попроще. Номер, который достался им, расположен вплотную к застекленной галерее, ведущей к приемной. Два удобных кресла в галерее повернуты в сторону темноты за окнами. Раздвижная дверь ведет на террасу, покрытую кучками мокрой пожухлой листвы. Насладиться пребыванием на открытом воздухе не получится. Но в фонарях, двойники которых полыхают в оконном стекле, теплым светом горят стеариновые свечи. Из приемной доносится негромкая джазовая музыка. У стойки притулился Карл, на плече у него висит огромная сумка. Ярко-желтая, на боку угловатые черные буквы. Какая-то спортивная марка, не знакомая ей.

— Сеструха! — восклицает он, спуская сумку на пол. Он выше и ее, и Яна Инге, и когда обнимает их, они носом утыкаются ему в грудь.

— Я так рад, что добрался наконец! Все уже тут?

Я чуть не застрял по дороге…

Ян Инге вышел на крыльцо и приоткрыл входную дверь. Площадку между домами освещают только пара слабых лампочек, от факелов хозяину пришлось отказаться, слишком уж ветрено, и дождь льет как из ведра.

Ян Инге осматривается.

— А где твоя машина? У тебя ведь новая?

Карл расплывается в улыбке.

— Новехонькая. Это наш фирменный автомобиль!

— Фирменный? — спрашивает Анетте.

Мужчины топчутся на крыльце, Анетте довольствуется тем, что выглядывает в дверь. Рядом с их черным “гольфом” стоит маленький зеленый грузовичок. Она пытается разобрать логотип.

– *Call of — “Call of the Wild”*[1], — сияя улыбкой, оборачивается к ней Карл. Зубы у него невероятно белые. Наверное, кажутся еще белее из-за того, что он так загорел. Его жизнь проходит под солнцем. Когда люди спрашивают, чем занимается ее брат, Анетте толком не знает, что ответить. А, мой младший брат, он занимается серфингом. Нет, он не какой-нибудь лоботряс, он инструктор.

---

[1] Примечания: 1

Книга Джека Лондона “Зов дикой природы”, в русском переводе “Зов предков”. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

А еще он катается на сноуборде. Иногда он учит людей кататься на лыжах. В семье давно уже не пытаются отслеживать, где он находится в то или другое время. Вот теперь он, значит, приехал из Марокко. Прошлым летом он ошивался на западной окраине Норвегии, на полуострове Стад; они узнали об этом из присланного Дорте отцу с матерью репортажа о тамошних серфингистах. Мать глаз не могла оторвать от фотографии сына, красующегося под гребнем мощной волны. Какой же он сильный.

Вот так он и живет. Анетте щурится, пытаясь сквозь дождь получше разглядеть в темноте машину. Так теперь, значит, у него своя фирма?

Анетте возвращается в дом, а следом за ней и Карл с Яном Инге. Говорят о машинах. Яна Инге хлебом не корми, дай поговорить о машинах. Больше никому в семье это не интересно. Но сейчас и у Карла в голосе звенит восторг. Наверняка он пытается убедить Яна Инге в преимуществах электромобиля. Ну-ну, это будет непросто.

— Ага, вот и наши юбиляры! — радостно восклицает Анетте. И действительно, вот они. Отец, как обычно, на шаг впереди. Хотя у него имплант бедра. Отец высок и сутул, пресловутая несгибаемая береза в шторм, символ силы духа

норвежцев[2]. На лице у матери, увидевшей торопящегося обнять их Карла, расцветает лучезарная улыбка. Подхватив мать под руку, Карл ведет ее к креслу возле камина. Анетте спешит убрать с дороги тяжелую сумку брата.

— Как хорошо, что мы тут все вместе, — говорит мать, гладя Карла по щеке, и усаживается в кресло.

— А где же Дорте? — спрашивает отец. Он так и стоит посреди комнаты.

— Небось нежится в бассейне, — улыбается Анетте. — Мне кажется, она была рада, что больше никто не захотел поселиться в дорогом номере.

— Да уж нет, фу. В такую погоду лучше нос из дому не высовывать.

— А меня никто не спрашивал, не хочу ли я номер с бассейном, — говорит Карл.

— Раньше приезжать надо, — усмехается Ян Инге. — Не терять время в очереди на заправку.

— Ладно, пойду распакуюсь.

Повесив сумку на плечо, Карл забирает со стойки ключи.

— Смотри не копайся, — кричит мать ему

---

[2] Примечания: 2

“Береза в шторм” (1849) — картина художника Юхана Кристиана Дала, известная в Норвегии каждому школьнику.

вслед. — Ведь мы сейчас садимся за стол? — обращается она к Анетте, устроившейся на соседнем кресле.

— Через десять минут. Папа, иди и ты посиди с нами!

Отец не отвечает. Повернувшись к ним спиной, он рассматривает одну из многочисленных черно-белых фотографий в рамках, развешанных на стенах приемной. Видимо, это все сцены из жизни хутора в прежние времена. Над камином же висит большая абстрактная картина маслом. Резкие оранжевые мазки, сходящиеся в окружность. Может быть, это солнце так изображено? Как бы то ни было, никакого другого солнца им здесь не видать.

Потрескивание дров в камине сливается с шумом дождя. Время от времени налетает такой сильный шквал, что заглушает своим мощным завыванием все прочие звуки. Должно быть, всю ночь будет хлестать. Так что какая бы погода завтра ни была, развезет так, что не погуляешь, ужасается Анетте. Придется им, хочешь не хочешь, торчать здесь, укрывшись за этими тяжелыми бревенчатыми стенами. Отец осатанеет. Дома он всегда находит себе дело: покрасить забор, помыть машину, покосить газон, вычистить

водостоки, выкопать канаву. Он ненавидит быть в центре внимания, выслушивать поздравительные речи. Анетте знает, что у него душа не лежала к этой поездке, он чуть ли не открытым текстом говорил это.

— Пойду схожу за ней, пожалуй?

Отец стоит у окна, выходящего во двор. Прищуривается, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь струи воды. Анетте поворачивается к нему, плетеное кресло под ней издает противный скрип.

— Нет, папа, не нужно. Ради бога, не выходи под дождь.

— Но ведь уже семь часов? — спрашивает мать.

В дверях появляется Ян Инге, ходивший посмотреть, как движутся дела в столовой.

— Все готово, — говорит он. — Стол накрыт, свечи зажжены, а запах просто божественный.

— Но мы же подождем Карла и Дорте, правда? Куда спешить-то? — Анетте сама слышит, как резко звучит ее голос.

— Конечно-конечно, — бормочет Ян Инге, подвигая себе кресло.

— Как хорошо у тебя лежат волосы, мама, — спешит вставить Анетте. Она знает, что накануне

мать побывала в парикмахерской. А когда Анетте заходила к родителям последний раз, мать показала ей купленное специально к юбилею новое платье. Наверняка она придержит его до завтрашнего вечера. До круглой даты. Анетте подозревает, что мать на самом-то деле ждала этой поездки, хотя ахала и охала не меньше своего супруга. Супружника, так она его называет. Вот сейчас супружник подошел к камину и бросил в него полешко. Пламя вспыхивает целым веером искр.

— Ну зачем, — вздыхает мать. — Мы же скоро садимся за стол.

— Уютнее с огнем в камине, — говорит Ян Инге.

Потянуло сквозняком, искры в камине вспыхнули с новой силой. Отряхнув в тесной прихожей зонтик, входит Дорте.

— Ой, дверь закрывай как следует, — говорит Анетте. — Сквозняк.

Чтобы дверь закрылась плотнее, Дорте приходится пнуть ее ногой. Длинные, не вполне обсохшие волосы Дорте распущены по плечам. Она переоделась в светлый джемпер с капюшоном и в джинсы с бахромой и блестящими заклепками на карманах. Вот так, значит, одеваются теперь

женщины в Осло, думает Анетте. В тридцать ли, сорок или пятьдесят лет. Отчетливее, чем когда-либо, она осознает, что принадлежит иному поколению, чем брат и сестра. Между ней и близнецами разница в десять лет, но кажется, что все двадцать. Может быть, из-за того, что ни Дорте, ни Карл не завели семьи, у них нет детей. Может быть, из-за того, что оба они одеваются так же, как Анеттины дочки и их друзья.

— Вот и наша водяная нимфа, — улыбается отец.

— Ага, завидуйте мне. — Подойдя к отцу, Дорте одной рукой обнимает его за плечи. — Бассейн просто чудо. Если захочется посидеть в нем, заходите, попробуйте!

— Я хочу! — Карл ступает в мерцающий круг света от горящего в камине огня. Дорте снимает руку с отцовского плеча и бросается брату на шею.

— Успел-таки! — Обернувшись к остальным, она разводит руками. — Ну вот мы все и в сборе. Разве не здорово!

Здорово. Слово звучит в каминной резко и пронзительно. Никто не знает, как отозваться на этот возглас. Кто-то бормочет “ну да”, а Карл, натянуто улыбнувшись, похлопывает сестру по

спине. Как на заевшей кинопленке, показывающей один и тот же кадр. У Анетте свело шею, это она неудачно повернулась в кресле. Надо бы вернуться в прежнее положение, лицом к родителям, сказать, что, конечно, здорово, так классно. Но она впала в ступор. Анетте видит Яна Инге, видит Дорте и Карла, а из-за их спин появляется идущий из столовой Уле, хозяин. Хлопнув в ладоши, он снова запускает показ кинопленки.

— Ну что ж, я рад приветствовать всех вас у нас, на хуторе Иннсетра. Прошу к столу!

Дорте

Она заранее спланировала, кого куда усадить, но отец устремился вперед и плюхнулся на ближайший стул. Остальные потянулись за ним, а не может же Дорте заставить их пересесть. Она-то думала, что разместит Карла рядом с матерью, но туда уселась Анетте. А они и так частенько видятся. Дорте досталось место с угла, напротив нее отец, а рядом — Карл. Не так она это себе представляла. Но все уже включились в общий разговор. Устраиваются поудобнее, разворачивают салфетки.

Когда она вечером чуть пораньше заглянула в полутемную столовую, помещение выглядело блекло. Теперь же стол освещают живые свечи

в начищенных до блеска латунных подсвечниках. На бревенчатых стенах тоже закреплены подсвечники с зажженными сальными свечами. От этого по комнате разливается неяркое мерцающее сияние. Кружевные занавески, хлипкая защита от черноты и сырости за окном, задернуты, но звук барабанящего по стеклу дождя приглушить не могут.

Мать обнаружила, что тарелки тут такие же, как в сервизе, подаренном им на свадьбу, только другой расцветки. Вот так совпадение! Отец возражает, что это не так, не помнит он такого сервиза. Мать стоит на своем. Они всегда друг друга поддерживают, но в то же время каждый старается выказать свое превосходство — не сильно, но явно выпячивая свою роль. Ян Инге, как обычно голодный, набрасывается на лепешки и сметану. Сама же Дорте ищет глазами вино. На столе одни только кувшины с водой. Дорте встает и наливает всем воды.

Но вот Уле несет две бутылки вина и штопор. На нем все тот же красный передник. Или, может быть, он заменил его другим. Накрахмаленным, наглаженным, без единого пятнышка. Хозяин останавливается у торца стола и снова с улыбкой приветствует собравшихся, откупоривая в то

же время одну из бутылок. Разглядев этикетку с белой птицей, Дорте одобрительно кивает.

— Я полагаю, вы все проголодались, — говорит Уле. — Поэтому не будем тянуть с ужином. Не стану сегодня подробно рассказывать вам историю хутора. Подождем до завтра.

Понюхав пробку, он подмигивает Дорте.

— Выбор вина к завтрашнему обеду подробно обсуждался с винным экспертом вашей семьи. Но сегодня за столом главный я. И к традиционному рагу из лося я решил подать бутылочку “Коломбье Кроз-Эрмитаж”.

Показав всем этикетку на бутылке, Уле начинает разливать вино. Винтаж он не называет, сообразив, видимо, что аудитории это не слишком интересно. Первыми наполняет бокалы золотых юбиляров. Дорте в последнюю очередь. Когда он наполняет ее бокал, Дорте замечает, что в каждый он налил абсолютно одинаковое количество.

— Сейчас вернусь, — говорит он и удаляется с пустой бутылкой.

— Пора поднять бокалы! — говорит Дорте и так и поступает. В пламени живых свечей вино мерцает глубоким красным сиянием — священное, ясное и сияющее пространство, куда они могут

торжественно вступить. Все пятеро подчиняются ей, тоже поднимают бокалы, обмениваются взглядами. Испытующими? Любящими? Или просто вежливыми? Неужели никто ничего не скажет? Придется Дорте самой.

— За вас, Анна и Юн!

Мать с отцом смущенно улыбаются, но послушно чокаются друг с другом. Но вот появляется угощение. От большой кастрюли, которую Уле ставит на стол, поднимается благоухающий пар. Уле вонзает в нежную массу из мяса, томатов и овощей огромную ложку. Слегка поклонившись, удаляется. Ужин подан.

Карл берется накладывать рагу, просит мать дать ему свою тарелку. Когда он протягивает за ней руку, Дорте видит на рукаве темно-зеленого джемпера эмблему, которой она раньше не замечала. Воющий волк и слова, которые она пока не успела разобрать. Но пока не утолен первый голод, она выбрасывает это из головы. Вот Ян Инге поворачивается к Карлу и просит его рассказать о своей фирме.

Карл кривится и говорит, что лучше они потом это обсудят. Но теперь уже все за столом навострили уши.

— Что за фирма? Ты основал дело? — спраши-

вает Дорте.

Мать смотрит на Карла и прекращает жевать, отец же невозмутимо просит Яна Инге передать лепешки.

Карл поворачивается к Дорте:

— Да, мы с одним приятелем основали компанию.

– *Call of the Wild,* — тщательно выговаривает Ян Инге. Ирония в его голосе слышна невооруженным ухом. Теперь и отец поднимает глаза на сына. Но тут же снова переключается на еду. Старательно разрезает лосятину на совсем мелкие кусочки. Что-то с зубами? Дорте разглядывает эмблему внимательнее.

— Поздравляю, — говорит она. — Надо же, собственная компания? С эмблемой и всякими прибамбасами?

— И с фирменным автомобилем, — вставляет Анетте.

— А чем будет заниматься ваша компания? — спрашивает Дорте.

— Мы будем организовывать туры, — отвечает Карл. — Подальше от человеческого жилья. Для небольших групп, которые хотели бы теснее познакомиться с жизнью природы.

— А… когда это вы успели? — Дорте не может

скрыть изумления. — В смысле, ты же месяцами не вылезал из Марокко, и вообще…

— Я там едва месяц провел, — сухо откликается Карл. — А интернет и в Марокко есть.

Положив нож и вилку, он поднимает глаза на собравшихся за столом.

— Мы уже давно готовились основать свою компанию. Но мне не хотелось рассказывать об этом, пока не дошло до дела. Первые туры мы запускаем сразу после Нового года. Езда на собачьих упряжках по Финнмаркскому плато, под северным сиянием.

Брат распространяется о сафари в лесной глуши, о вылазках на побережье в поисках белохвостого орлана, а в глазах сестры Дорте видит скепсис. Кит, овцебык, рысь, волк. Отец размеренно и сосредоточенно жует, лицо невозмутимо. Но Дорте догадывается, о чем думает директор народной школы на пенсии. Еще одна затея. Еще один закидон младшего сына. Сына, который так и не удосужился получить хорошее образование. Как он собирается руководить компанией? Что он понимает в экономике и бухгалтерии?

Дорте подозревает, что отец с матерью смирились с мыслью, что сын никогда не образумится. А он на тебе, взял да основал компанию. В такое

беспокойное время. Заботы, сплошные заботы.

Немного обидно, что брат не поделился с ней своими планами. Хотя он постоянно в разъездах, они всегда рассказывали друг другу все. Во всяком случае, она так думала. Дорте набирает в легкие воздуха и снова поднимает бокал.

— Какая замечательная новость, Карл! Удачи вам!

Карл с благодарностью улыбается ей. Ее красавчик брат. Бравый, светловолосый. Свободный. Ждали-то последыша — “пока не поздно”, как говорит мать, а родились двойняшки. Наверняка для немолодых родителей ходить за ними было не очень-то легко, тем более что оба много работали. Но зато Дорте и Карл часто бывали предоставлены сами себе. Они похожи друг на друга, хотя и не однояйцевые. Парочка непосед. Парочка непутевых. От этих толку не дождешься. Внуков, например.

На самом деле Дорте была бы рада распорядиться жизнью иначе. Поселиться в просторном доме с мужем, детьми и собакой. Но вот не сложилось. А теперь Карл, который, казалось, всегда был доволен своей скитальческой жизнью, решил немного остепениться. Дорте ощущает растерянность и беспокойство. Но он улыбается ей

так тепло. По крайней мере, на Карла она может положиться.

Хозяин тут как тут, спрашивает, все ли в порядке. Да, все в порядке. Угощение удалось, все наворачивают с аппетитом, кастрюля кажется какой-то бездонной. Он откупоривает еще одну бутылку, наполняет бокалы и тихонько выскальзывает из комнаты. Каждый раз при его появлении Дорте кожей ощущает легкое покалывание; накрахмаленный красный передник, стройное тело у торцового конца стола, вплотную к ее правой руке. Покалывание переходит в онемение, распространяющееся на плечи и потом дальше по телу. Лишь бы не захватило сердце, не парализовало голову. Она наказывает себе не распускаться; знает, что нельзя.

Дорте берется за ножку бокала, но передумывает и отпивает воды из стакана. Ведь еще много за чем нужно проследить, нужно постараться не пить быстрее других. Это трудно, мать с отцом пьют совсем понемножку. Они любят вино, но не привыкли напиваться. Если Дорте не возьмет себя в руки, скоро ее ждет шутливое замечание от сестры и шурина. Винный эксперт семьи. Отличный повод для поддразнивания. Эти двое считают дегустацию вин выпендрежем и только.

Они и о рекламном менеджменте как таковом невысокого мнения, как ей дали понять.

Но сейчас все внимание направлено на Карла. Дорте может расслабиться. Она обводит пальцем вышитый на скатерти узор — цветущую ветку, вьющуюся по столешнице. Дорте все еще досадует на то, как неудачно все сгруппировались за столом. Ну хотя бы сели через одного, мужчина, женщина! А теперь стол будто отяжелел из-за того, что с ее стороны сидят двое мужчин, а напротив — две женщины. Одну сторону стола будто тянет к полу, в то время как другой конец, где сидят она и отец, легонько приподнялся, как нос лодки, которая вот-вот пойдет ко дну.

— Вкусно, папа? — осторожно спрашивает она через стол. Он не слышит вопроса, но замечает на себе ее взгляд и недоуменно распахивает глаза. Пронзительно голубые.

— Что ты говоришь, девочка моя?

Она так до конца и не разобралась в том, как он относится к работе дочери в рекламе; к тому, что вполне уже взрослая дочь так и не создала семьи. Но он называет ее “девочка моя”. Дорте знает, что брат и сестра считают ее отцовской любимицей. Но почему бы и нет? На лице у матери, когда она смотрит на Карла, всегда появляется совершенно

особенное выражение, особый блеск в глазах, губы сами складываются в улыбку. А старшую дочку она считает едва ли не святой. Ведь Анетте пошла по стопам матери, выучилась на медсестру. Но мать прошла специальные курсы и стала акушеркой, Анетте же двинулась по административной линии и теперь занимает довольно важную должность в отделе здравоохранения местного муниципалитета. Уважаемое положение. Постоянная зарплата. Хорошие пенсионные перспективы. Но самое расчудесное достижение Анетте в глазах родителей, да и в ее собственных, это деторождение. Производство на свет двух красивых, здоровеньких дочек. Еще одна пятерка в дневник — за то, что она по-прежнему замужем за одним и тем же мужчиной. Тоже служащим муниципалитета. Начальником технической службы. Надежным и солидным.

Не так давно Дорте случайно услышала разговор матери с одной из подруг. Чуть слышно вздохнув, мать сказала:

— Она однажды чуть не вышла замуж.

Сколько десятилетий потаенных вздохов вместила в себя эта фраза! Да Дорте и самой приходила в голову мысль, что надо было пойти замуж за спутника своей юности. Они были парой

больше восьми лет и начали уже понемножку планировать свадьбу, как вдруг разбежались, к недоумению всех окружающих. Она теперь даже не помнит, из-за чего разгорелся сыр-бор. Взаимная усталость, паника, недопонимание. Поженись они тогда, она была бы теперь по крайней мере разведенкой. Все-таки статус разведенной женщины куда выше, чем у той, что никогда не была замужем.

С единственным сыном все обстоит иначе. О Карле мать говорит, что у него не было времени перебеситься. В ее голосе слышны любовь и забота. И кто знает? Может, Карл еще и перебесится. Он мужчина, время на его стороне. Вот сейчас брат сидит и пытается кусочком пресной лепешки выскрести тарелку дочиста; не очень-то у него получается.

— Я так рада, что ты смог приехать, — говорит она тихонько.

— Ну как бы я не приехал, сестренка, — отвечает он, вытирая пальцы о салфетку, закрывающую ему колени. — Такое рагу из лосятины я бы ни за что на свете не хотел упустить!

— А что это за приятель, вместе с которым вы основали компанию? Я его знаю?

— Нет, не думаю. Амунд хорошо изучил при-

роду Севера, а я собираюсь подыскать хорошие места здесь, в Южной Норвегии.

— Вы и иностранцев будете приглашать?

— Конечно.

Отец, крякнув, вмешивается в разговор.

— Думаешь, все так и ринутся в страну, где чуть не извели китов, чтобы посмотреть на других животных, которых скоро изведут?

Не успевает Карл возразить, как отец продолжает наскоки:

— Приедут, чтобы увидеть рысь и волка? А знаешь ли ты, сколько диких животных осталось у нас в стране?

— Насколько мне известно, в Норвегии водится от пятидесяти до семидесяти волков. И чуть больше трех сотен рысей. — В голосе Карла слышится вызов.

— Ну желаю успеха в их выслеживании.

Отец вонзает вилку в большой кусок моркови и принимается усердно жевать.

Дорте косится на Карла. Давно уже брат не поддавался на подначки отца, выказывавшего скептическое отношение ко всему, что собой представляет сын и чем занимается. Но на сей раз уж очень неожиданным был отцовский выпад. Чтобы перевести разговор на другую тему, она

спрашивает:

— Значит, ты еще какое-то время побудешь здесь? В смысле, в Норвегии?

— Да, с этих пор все наши дела и помыслы отданы этой стране!

Карл подмигивает ей, и они тихонько чокаются. Анетте видит это и решает воспользоваться моментом.

— Может быть, выпьем за тех, кто не смог сегодня быть с нами, за Каролину с Кристиной?

Все поднимают бокалы. Мать ставит свой на стол, не пригубив. Дорте склоняется над столом, ловит взгляд Анетте:

— А как дела у Каролины? Она все еще в Бразилии?

— Да, мы раз в неделю созваниваемся с ней. По ее словам, работа очень интересная.

— А это не опасно? — спрашивает мать.

Нетрудно понять ее беспокойство. Дорте представляет себе племянницу на полевой работе либо стоящей между искривленными и обугленными деревьями, либо бредущей по дымящимся руинам маленьких деревушек. Каролина участвует в документировании того, как вырубка дождевых лесов Амазонии сказывается на живущих там людях.

Поначалу ни Анетте, ни Ян Инге не слишком обрадовались, когда старшая дочь решила изучать антропологию, Ян Инге даже назвал ее “дурацкой специальностью”. Но теперь он, похоже, гордится этим выбором.

— Конечно, это не совсем безопасно, но практические навыки у них уже хорошо отработаны, — говорит он.

— Жаль, что ни одна из девочек не смогла приехать. — Произнося эти слова, Дорте осознает, что на самом деле вовсе так не думает. Она привязана к своим племянницам. Но на этом торжестве, в этой обстановке, правильнее обойтись шестеркой присутствующих. Тем не менее реплика Дорте дает Анетте основание полагать, что следует встать на защиту младшей дочери. Дело в том, что Кристина предпочла в эти выходные гулять на студенческом празднике.

— Семестр только начался, важно завязать знакомство с другими студентами, — говорит Анетте, и Дорте торопится кивнуть и сказать, что все понимает. Про себя же она задумывается о том, по-прежнему ли Кристина накачивает губы. Славное девчачье лицо будто распялено и вывернуто наизнанку. Каролина и Кристина как день и ночь. Как ни странно, такое часто бывает

с братьями и сестрами.

— Как неприятно, — вырывается у матери.

— Что неприятно?

— А прислушайтесь.

Все слушают, не шевелясь. Дождь хлещет не только по окнам; давит, прижимает со всех сторон.

— Во всей Южной Норвегии объявлен желтый уровень опасности, — бормочет отец.

— Вообще-то его уже подняли до оранжевого, — вставляет Анетте. — Но не везде, только в самых уязвимых районах.

— Ох уж этот уровень опасности, — отмахивается Карл. — Метеорологи так легко разбрасываются предупреждениями об опасности, что перестаешь относиться к этому серьезно.

— В этих стенах нам в любом случае ничто не грозит. — Ян Инге тянется за гигантской ложкой и чуть смущенно спрашивает. — Никто больше не хочет добавочки?

Анетте, сжав губы, наблюдает за тем, как муж горкой вываливает на тарелку рагу из лосятины.

— Когда мы уезжали из дома, река поднялась до самого березняка, — говорит мать.

Дорте пытается представить себе эту картину. От реки до крохотной березовой рощицы доволь-

но далеко. Значит, вода поднялась сильно. Чуть в стороне за этим березняком располагается участок дачной застройки, где у матери с отцом стоит одноэтажный домишко с чудесным видом на реку. Они купили этот деревянный домик, когда отец вышел на пенсию и пора было освободить служебную квартиру в доме для сотрудников школы. Гулять по рощице одно удовольствие. Когда Дорте последний раз навещала родителей, река поднялась так высоко, что вода струилась по лугам, тянущимся от самого забора. Но то было весной. Весенний паводок случается каждый год, только разной силы. Дорте поднимает бокал, но ставит его на место, злясь на себя за то, что никак не может расслабиться. Она с болью сознает, что это торжество — ее и только ее сомнительная заслуга. Во всяком случае, это она настояла на том, чтобы отпраздновать его в месте, где никто из них раньше не бывал. Кто же мог знать, что погода так подкачает? Теперь родители будут все выходные волноваться и переживать: что будет с домом, с садом, не выйдет ли река из берегов. И будут укорять Дорте. Не в открытую, но раздражение будет прорываться в мелких комментариях, в переглядываниях. Дорте-то думала, что стоит всем добраться до места и увидеть, какая тут

красота, и они будут довольны. Но за кружевом занавесок дождь хлещет по стеклу с той же силой, как когда едешь в машине через автомойку.

— Вроде бы больше всего осадков примет на себя юго-запад, — говорит Карл.

— Ну и ну, хорошенькое дельце.

Отец отодвигает тарелку в сторону.

— Мы должны посмотреть новости, — говорит мать. — Телевизор-то тут есть?

— Конечно, есть. Но сначала десерт, — говорит Дорте.

Фитнес-часы на запястье у Карла крупными цифрами показывают 19:59. Рука Дорте снова тянется к бокалу. Их ждет нескончаемый вечер. Их ждут нескончаемые дни.

Карл

Неуклюжий от счастья, что больше не надо томиться взаперти, в приемную заявляется Лабан. Карл едва успел почесать пса за ухом, как тот двинулся дальше, помахивая хвостом. Остальные сидели, развернув кресла спиной к камину, лицом к экрану телевизора, но теперь торопятся убрать бокалы и чашки, чтобы их не смахнуло хвостом. Возвращается выпустивший собаку Ян Инге и пристраивается у стойки рядом с Карлом.

— Такой бар вроде называется честным — или

нет?

— Не знаю. По-моему, хозяин тут и за бармена тоже.

— Да уж, сегодня вечером ему не присесть.

Из кухни слышится брякание посуды. После десерта все были приглашены на кофе в холл, к камину. Ян Инге не прочь дополнить кофе коньяком.

— Подожди, — говорит Карл. — Пойду спрошу его.

Уле на кухне, смывает соус с тарелок и ставит их на решетки посудомоечной машины.

Увидев Карла, он отряхивает воду с рук и вытирает их о передник.

— Вам налить чего-нибудь из бара?

— Угадал. Но нам не горит.

Уле тут же направляется к бару, при этом совсем не суетится. Стойкий парень, думает Карл, по пятам за ним выходя к бару. Ян Инге получает свой коньяк и устраивается вместе с остальными в уголке перед телевизором. Карл берет себе виски. Пока Уле разливает напитки, к бару подходит Дорте, изучает винную карту. Вид у нее несколько нерешительный.

— Ничто не соблазняет? — спрашивает Карл.

— Расслабься, позволь и себе виски!

Уле с лукавой улыбкой подносит бутылку к лицу Дорте. Флиртует с ней, что ли? Карл присматривается к сестре. С распущенными и чуть взлохмаченными волосами она выглядит на тридцать с небольшим. Только приглядевшись повнимательнее, заметишь птичьи лапки в уголках глаз, складочки возле губ. За много лет приятели Карла не раз комментировали привлекательную внешность его сестры. К удивлению Карла, она и правда просит виски, и Уле достает еще два бокала.

— Я тоже тяпну немножко за компанию с вами.

— Вся молодежь в баре, — усмехается Карл, бултыхая кусочки льда в своем бокале. Смотрит, как там те, у телевизора. Над спинками плетеных кресел торчат три седых макушки и одна почти полностью гладкая черепушка. Карл непроизвольно улыбается, увидев, что Лабан пристроился возле кресла отца, сохранившего на удивление густую шевелюру. Отец не обращает на пса внимания; именно такое поведение, похоже, и нравится собакам. Не отрывая взгляда от экрана, отец рассеянно почесывает Лабана за ухом. Показывают нескончаемый ряд репортажей о ненастье. Журналисты в плащах и куртках,

на севере и юге, востоке и западе страны, промокшие и продрогшие на ветру, цепляются за свои мохнатые микрофоны. Зачем посылать их на природу в такую непогоду? Строго говоря, ничего нового в мощных порывах ветра и проливном дожде нет.

— Уж какая есть, не навсегда же, — говорит Карл. — Я про погоду.

Потом все замолкают, внимательно всматриваясь в большой телевизионный экран. Карл был бы не прочь обсудить свои планы с хозяином, но дожидается, пока сестра отойдет в сторонку. Не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, будто он заявился на это торжество, преследуя исключительно собственные интересы. Но нельзя отрицать, насколько удачно для него, что выбор Дорте пал именно на хутор Иннсетра. Они с Амундом как раз искали подходящее для ночлега место в этих краях, и то, что Карл успел увидеть, ему нравится. Просто, но комфортно, вкусная еда, достаточно далеко от прочего жилья. Ему хочется выяснить, знает ли Уле об участке обитания волков “Гретта”. Должно быть, это недалеко отсюда.

— А давно вы на Иннсетре занимаетесь туристическим бизнесом? — спрашивает он вместо этого.

— Вообще-то в качестве владельца зарегистрирована жена, — отвечает Уле. — Когда родители Элисабет отошли от дел, они передали заботу о хуторе ей. Какое-то время здания пустовали, но потом мы решили попробовать их использовать. Это уж десять лет тому. — Он задумчиво опускает глаза на бокал. — Как же время летит, — говорит он как бы самому себе.

— Как тут все у вас устроено удобно и со вкусом, — говорит Дорте, движением руки обводя пространство приемной вместе с камином.

— У нас и на старую часть дома есть планы, — говорит Уле. — Но мы все отложили из-за пандемии.

— А что, вам пришлось полностью закрыться?

— Да нет, время от времени мы пытались работать. Но у нас здесь больше половины клиентуры — иностранцы, летом во всяком случае.

— Печально, — говорит Дорте, склоняя голову набок. Эдак пленительно. Женщины так выражают симпатию. О-о-ох.

Не-е-ет. Карл с трудом удерживается от того, чтобы не протянуть руку и не поднять сестре голову.

— Да, глухое время было, скучное. — Уле поднимает бокал, поворачиваясь к ним. — Но, к

счастью, постепенно все возвращается к нормальному состоянию. Вы меня извините, мне надо закончить с уборкой.

Забрав бокал, он возвращается на кухню. Им слышно, как он насвистывает, проскальзывая в распашные двери.

— Шустрый парень, — говорит Карл, глядя ему вслед.

— По виду и не скажешь, что он крутится как белка в колесе, — кивает Дорте. — Но он наверняка рад, что завтра возвращается его жена.

— Кстати о завтра. Чем мы завтра-то займемся?

Дорте ежится; видя это, он чувствует укол совести. Но не могла же она не понимать, что в конце октября погода бывает ужасной?

Больше всего неистребимый оптимизм сестры раздражает Анетте. Дорте оптимистка в том, что касается времени. Что касается погоды. На его памяти она всегда была такой. Всегда думает, что все уладится, и часто так оборачивается, что улаживать дела приходится другим. Как раз в таких случаях старшая сестра, бывает, срывается. Но сейчас, наблюдая, каким взглядом Дорте посматривает на хозяина, Карл и сам чувствует некоторое раздражение. Потому что она опти-

мистка и в том, что касается мужчин. Сколько ж у нее было безнадежных историй… С женатыми мужиками, мужиками, которые не намерены создавать семью, с записными бабниками. Когда Карлу и Дорте изредка удается провести вечер вдвоем, она или, захлебываясь от восторга, сообщает о новых отношениях, или рыдает у него на плече из-за распавшихся прежних.

Но и мать с Анетте тоже его раздражают своим бесконечным зудением о том, что, мол, Дорте не в состоянии удержать мужика, а сами при этом бархатным голоском спрашивают, не пора ли ему остепениться. Ничего-то они не знают, думает Карл. Резким движением он подносит бокал к губам и обнаруживает, что в бокале пусто.

У Дорте в бокале еще осталось немного виски. Опершись о стойку бара, она смотрит прямо перед собой невидящим взором; такое впечатление, что она хочет пронзить взглядом стены, откосы и стекло и добраться до темноты вокруг. Не много в ней осталось погодного оптимизма. Небось, пытается придумать, чем бы ей занять их всех на следующий день. Надо бы ему помочь ей в поиске занятий, которые расшевелили бы эту компанию, но он не представляет себе, что это может быть. Настольные игры? Целый день

за лото и монополией? Карл вздыхает. Его стихия — развлечения на свежем воздухе.

— К концу дня дождь уже не будет так лить, — пробует он утешить ее. — Может, хотя бы на короткую прогулку получится выбраться.

— Очень сомневаюсь. И все равно под ногами-то хлюпает. — В голосе сестры сквозит отрешенность. — А я-то мечтала подняться с тобой на вершину Юстёльхё.

— А остальных ты чем думала развлекать? — без нажима спрашивает Карл.

Он изучил карту местности вокруг хутора, пробил высоту гор. Юстёльхё — определенно самая высокая из них. Два-три часа наверх, весь поход растянулся бы минимум на полдня.

Уловив новые нотки в его голосе, Дорте вскидывает глаза:

— Здесь вокруг много отличных туристических троп. Вроде бы по ним нетрудно ходить. Я думала, днем все пусть делают, что кому захочется.

— Ну да, да. — Он вздыхает. — Надо радоваться хотя бы тому, что кормят здесь отлично. Будем стараться есть не торопясь, а остальное время предвкушать следующий подход к столу.

Дорте на это только закатывает глаза.

К ним чапает Лабан; Карл опускается на корточ-

ки и ерошит ему шерсть. Пес пыхтит с открытой пастью, и пахнет у него оттуда нехорошо. Может быть, вяленой рыбы погрыз. Дорте тоже приседает на корточки и осторожно почесывает Лабану затылок.

— Здорово, что у тебя теперь своя фирма. Расскажи поподробнее!

— А что ты хочешь знать? Мы только-только сумели организовать первые поездки.

— Расскажи, что у вас за бизнес-идея, братишка. Вот что я хочу знать!

Да, сразу слышно рекламщицу. Она недоумевает, почему брат не попросил ее заняться маркетингом. Какое-то время Карл подумывал поручить ей эту задачу, но работать с родственниками хлопот не оберешься. И на самом-то деле он не вполне уверен в том, что сестра умеет это делать достаточно хорошо. У матери сорвалось как-то с языка, что, мол, Дорте не вполне добровольно пришлось согласиться на полставки. Но в их семье много чего как бы случайно срывается с языка. Карл со стоном выпрямляется. В последние месяцы его суставам досталось. Лабан чапает к двери на кухню, внимательно ее обнюхивает, и Дорте тоже встает.

— Идея в том, чтобы вытащить людей на при-

роду. И постараться сделать так, чтобы они по-настоящему прочувствовали, что это такое. Не спешить с места на место в автобусе или на машине, не рассекать по фьорду на жесткой надувной лодке со скоростью пятьдесят узлов. Участники должны оставаться на одном месте столько времени, чтобы попробовать разобраться в том, какое существование ведут растения и животные. Мы собираемся не гоняться за животными и птицами, а наблюдать за тем, что видим именно в этом месте именно в этот момент.

В больших блестящих глазах Дорте отражаются разноцветные бутылки бара.

— Хорошая концепция. Но лучше постараться не говорить слишком много о том, чего у вас не будет. — Она улыбается. — Бесплатный совет от сестры-рекламщицы.

— Спасибо. Только я тебе главного еще не рассказал. Гениальность в том, чтобы после приключений на природе людей как следует угостить и напоить. И приготовить эту еду самим, если это вылазка в какие-то далекие от жилья места, или заказать кейтеринг откуда-то поблизости. И чтобы продукты были местные, натуральные. И в этом наше отличие от конкурентов.

— Тогда вам это место идеально подходит? Или

Иннсетра — слишком шикарное заведение для таких поездок?

В какой-то момент Карл вдруг пугается, что она видит его насквозь. Но она смотрит все таким же открытым чистым взглядом. Отвечает он уклончиво.

— Рельеф тут, конечно, не особенно интересный. Но зато в лесах водятся, говорят, и волки, и рыси. Хотя тут папа прав, к сожалению, осталось их мало.

Вдруг из уголка перед телевизором доносятся громкие возгласы. Анетте поворачивает голову к ним и выкрикивает:

— А теперь уровень подняли до оранжевого! Как раз в этой части страны!

— Ой, — говорит Карл. Что тут скажешь.

Передав эту важную информацию, сестра опять разворачивается к телевизору, а Карлу остается смотреть сзади на ее седеющую голову. Старшая сестра. Ответственная. Подростком она ходила за младшими, скоро ей придется ходить за родителями. Им все труднее обходиться без посторонней помощи, хотя сами они упорно твердят, что прекрасно со всем справляются. Какое счастье, что у Яна Инге руки растут откуда надо. Зануда он невыносимый, но абсолютно беззлобный. Надо

просто пропускать мимо ушей его ехидные замечания об электромобилях, сортировке отходов и прочих экологических инициативах, в которых он не находит никакого смысла.

— Мне кажется, просто чудесно ехать на собачьей упряжке под северным сиянием! — Воодушевление в голосе Дорте возвращает Карла к действительности. — А кого берут в такие туры, только натренированных дамочек с новейшим туристическим оборудованием в рюкзаках? Или есть шанс познакомиться там с бородатыми мужичками в выцветших куртках?

— Пожалуй, там в большинстве такие, как ты, — поддразнивает Карл. — Страдающие от городского стресса и бегущие от него подальше. Чтобы найти свою истинную сущность…

Дорте шутливо шлепает его.

— Ладно, нам с тобой надо как-то расшевелить компанию возле ящика. Может, еще по бокальчику? А Уле скажем потом.

Она берет все еще стоящую на стойке бара бутылку и подливает в бокалы им обоим. Не скупится, но Карл удерживается от того, чтобы сказать что-нибудь. Когда он последний раз навещал отца с матерью, в разговоре проскользнуло их беспокойство по поводу тяги Дорте к алкоголю.

Карл пытался отшутиться, мол, как раз дегустаторы пьют меньше всех, им же приходится выплевывать вино. Мать на это фыркнула, сказав, что, когда дочь приходит к ним в гости, вино она не выплевывает, а закладывает за воротник. С тех пор Карл внимательнее присматривается к сестре. В том, что Дорте любит выпить, сомнений нет. Стоит к ней заглянуть ненадолго, и на столе сразу появляются бокалы и бутылка. В холодильнике у нее всегда стоит наготове белое вино.

Но так оно и есть, думает Карл, в походах он постоянно видит взрослых дам, накачивающихся винищем, и предпочтительно шипучим. А как некоторые меняются в лице, заселившись в пансионат в Марокко и обнаружив, что там алкоголь не подают… о-о-о, это надо видеть. Зато какой блеск появляется у них в глазах, когда выясняется, что одна из товарок догадалась притаранить с собой несколько бутылочек из самолета.

Карл подзывает Лабана, стратегически расположившегося у распашных дверей, ведущих на кухню. Псину Анетте и Яна Инге не оставляет надежда, что судьба подкинет ему чего-нибудь вкусненького. Сейчас чуткий нос подсказывает ему, что там, внутри, ждут лакомые объедки. Кровь и косточки. Жир и подливка. Совсем дру-

гое дело, чем сухие шарики, которые обычно достаются ему. Он неохотно плетется за Карлом к камину и укладывается рядом на ковре. Блестящие собачьи глаза не упускают ни малейшего движения Карла, пытающегося снова раскочегарить огонь. Тяга неважная, пламя никак не разгорится. Кисловатый дым несет в комнату, как бы Карл ни старался. Когда ему удается наконец добиться ровного горения, он придвигает кресло поближе, скидывает туфли и кладет ноги на бортик. Мать поворачивает голову.

— Ты там собираешься сидеть?

— Так иди ко мне. Или вы намерены весь вечер пялиться в ящик?

Покачав головой, мать снова разворачивается лицом к экрану. Рекламная пауза, поэтому звук они приглушили. Анетте и Ян Инге вперились в экраны мобильных, а Дорте тихонько разговаривает с отцом. Карл крутит в руке бокал, все еще холодящий ему ладонь, хотя кубики льда растаяли. Вообще-то ему хотелось бы удалиться в свой номер. Ответить на электронные письма. Может быть, созвониться с Амундом. Сегодня вечером вряд ли кто из них засидится допоздна.

Вскоре мать все-таки подсаживается к нему. Карл помогает ей устроиться перед камином.

В этой суете Лабан чувствует себя лишним. Перебирается подальше и плюхается на пол с демонстративным стуком. На этот стук поворачивает голову Ян Инге.

— Да, дружочек, скоро уже гулять.

— Уф. — Мать ежится. — Страшно подумать, что за прогулка в такую погоду.

— Ты не устала, мама? — Склонившись к матери, Карл похлопывает ее по руке.

— Немножко. Столько было мороки со сборами сюда.

И она легонько кивает в сторону супружника. Карл улыбается. Представляет себе, как они суетятся в своем домишке. Сложить вещи в чемодан или в дорожную сумку? Оставить ли включенной лампу на фасаде? Выдернуть ли из розеток все шнуры или только от техники? Занести в дом горшки с цветами или оставить снаружи? Просить ли соседей забирать почту?

Раньше родителям не сиделось на месте, они любили путешествовать, встречать новых людей. В последнее время стало ясно, что их горизонт сужается. Они не понимают, почему некоторых постоянно тянет куда-то. Во всяком случае, не понимают, чего ради сын бесконечно мотается по свету. Столько сил уходит на все эти разъезды.

— Твой отец сначала отказывался брать сюда парадный костюм, — говорит мать тихонько. — Говорил, с какой стати расфуфыриваться в такой глуши.

— Но ты ему велела?

Мать прыскает:

— Ага, велела.

Иногда в лице матери проглядывает лицо Дорте. Это случается всегда неожиданно и всегда заставляет Карла вздрогнуть. Он чувствует, что сильно отдалился от родных. Но ему заметны черты Дорте и в собственном лице. Так что, может, другие видят и его черты в чертах матери, и черты матери в его лице. Хотя он высокий и светловолосый, а Анетте довольно низенькая брюнетка, у них одинаковые прямые носы с высокой спинкой, как у отца. С недавнего времени он замечает еще, что у всех них есть какие-то общие ужимки и выражения лица. Они тоже проявляются какими-то короткими всплесками, будто ДНК вдруг высовывает голову и восклицает: вот и я!

Никуда нам от этого не деться, думает Карл. Не деться от семьи. Непознанные, но тесно сплетенные друг с другом, не в силах расцепиться.

— Вот ты у меня точно устал, — слышит он голос матери.

Глаза у него закрыты, чтобы не смотреть на мелькающие языки пламени. От ступней тепло распространяется по всему телу, и оно наливается тяжестью и дремотой.

— Утро вечера мудренее, как говорится.

— Точно, мама.

Мать опускает голос:

— И вот еще что, я не успела пока поговорить с папой об этом кредите.

Он поворачивает голову к ней:

— А, вот оно что. То-то он удивился, когда я рассказывал о нашей фирме.

— Я небольшой кредит взяла на себя, чтобы…

— Да ты что, мама, зачем же? Я вовсе не хотел…

Мать отмахивается:

— Да знаю я. Я просто подумала, может, лучше сначала посмотреть, как пойдут дела.

К счастью, кто-то опять прибавил звук. Новостная передача закончилась, видимо, теперь показывают ток-шоу, где участники не говорят, а вопят. Отец не уходит, хотя он терпеть не может такую “пустую дребедень”. Сидит, посмеивается над каким-то замечанием Дорте. Карл и подумать не мог, что кредит, о котором он просил мать, может представлять проблему, она же сразу со-

гласилась. Но ему не нравится, что она сделала это за спиной отца… Что он скажет, если узнает? Что скажут сестры?

Карл озирается, чтобы убедиться, что их разговора никто не слышал. Склоняется поближе к матери:

— Ты владеешь чуть не третьей частью фирмы, то есть фактически ты акционер. Ты ведь понимаешь, что такое нельзя держать в тайне?

— Ну знаешь. — Мать отмахивается. — После поговорим. — И громко произносит: — Может быть, ты теперь не так много будешь ездить за границу.

— Н-ну, я же все равно буду ездить проводить разные курсы. Пока еще наша фирма окупится. Надо же на что-то жить.

Он натужно улыбается и видит, как лицо матери сразу смягчается.

— Вот только суставы у меня уже не те, что прежде, так что и хорошо, что придется больше заниматься бумажными делами.

— А что, воспаляются суставы-то?

— Да бывает.

Мать знает, что такое износ сустава. Но ее работа была важнее. Она не учила сопляков скакать по волнам на доске. Она принимала малышей

в конце самого опасного в их жизни пути. Карл и сейчас помнит, какими серьезными были ее движения, ее взгляд, когда она собиралась на работу. Помнит, как она рассказывала ему с Дорте о том, чем занимается. Сначала это были добрые истории о детках, выскальзывавших из лона матери, о том, что иногда их приходилось легонько подшлепнуть, чтобы они начали дышать. Позже, когда они с Дорте подросли и готовы были выдержать истории пострашнее, она рассказывала о малышах, появлявшихся на свет с пуповиной, обмотавшейся вокруг шейки, или о тех малышах, которые вовсе не желали появляться на свет. Мать очень много работала, когда они с Дорте были маленькими.

Отец всегда был где-то рядом, но помнится Карлу, что в основном с ними оставляли Анетте. Старшей сестрой она стала в десять лет. Вряд ли ей всегда было приятно постоянно таскать с собой двух малолеток.

— Мама, а вы давали Анетте деньги за то, чтобы она с нами маленькими нянчилась?

— С чего ты вдруг об этом?

— Да нет, просто сидел вспоминал, как все было в детстве. Она ведь тогда довольно много с нами возилась, да?

— Не так уж и много.

Мать и отец никогда не скрывали, что пожениться им “пришлось”, потому что они ждали Анетте. Матери тогда было хорошо за двадцать, она уже выучилась на медсестру, так что “пора уже было”, как она выразилась. А он застенчивый был, добавляет она, когда речь заходит об этом, стеснялся предложить. Отец никогда не оспаривает материнскую историю их брака. Но он всю жизнь был не слишком разговорчив. Даже и в классе, рассказывали Карлу. Он не от одного человека слышал, что отец, бывало, сядет за учительский стол и молча смотрит поверх голов, пока в классе не станет так тихо, что услышишь, как булавка упала.

Карла вдруг кто-то легонько толкает в плечо.

— Ты заснул, что ли? — спрашивает мать.

— Да нет, просто задумался.

— А ты не знаешь, где Дорте? Или она уже легла?

— Вроде только что тут была? — говорит Карл, оглядываясь по сторонам. Кресло Дорте пустует. Отец сидит на том же месте, но голова у него клонится к плечу. Сморило его, должно быть. Карл понимает, что и сам, наверное, вздремнул.

— Давай я ее поищу.

— Не надо, сиди. Пусть лучше поспит, отдохнет. Ведь это она затеяла эту… поездку, я так поняла.

— Папа спит, во всяком случае, — говорит Карл.

— Да, для него этот денек выдался тяжеловатым.

Голова отца окончательно соскользнула на бок. Неудобно так сидеть, наверное. Карл встает, подходит к отцу и осторожно трогает его за плечо. Рубашка под рукой как оберточная бумага на подарочной коробке. Отец вздрагивает и поднимает на него затуманенный взгляд. Анетте и Ян Инге отрывают глаза от телевизора.

— Приятно было с вами посидеть, но сейчас я, пожалуй, пойду уже лягу.

Отец сжимает его руку в своих пальцах, тоже хочет встать с кресла. Карл помогает ему подняться. Тут и все встают. Вместе с Анетте и Яном Инге Карл смотрит на спины родителей, бредущих в другое крыло, держась за руки. Лабан не сводит глаз с оставшихся и помахивает хвостом.

— Я собрался на боковую, давайте, выгуляю пса перед сном, — говорит Карл.

— А ты хочешь? — говорит Ян Инге.

— Мне не трудно.

— Точно, у тебя экипировка подходящая.

Карл идет к себе в номер за непромокаемой курткой. Проходя мимо распашных дверей кухни, он заглядывает туда через единственное круглое оконце. Там спиной к нему сидит Дорте. Пристроилась как у стойки бара. Напротив нее сидит Уле. Болтают, будто старинные друзья. На стойке между ними бутылка вина.

суббота

Анетте

— На крыльце стоят ружья! А в холле сидят два мужика, — говорит Ян Инге, вернувшийся с утренней прогулки с Лабаном. В номере начинает сильно пахнуть псиной. Анетте, едва успевшая спрятать лицо от приветливого собачьего языка, садится в постели.

— Шутишь?

— Нет. Охотники, наверное. На вид. Но вроде на эти выходные тут должны быть только мы?

— Вроде так… А ты хозяина не спросил?

— Нет, он разговаривал по телефону. Похоже, что-то случилось.

Анетте спускает ноги на пол, а там лужа — натекло с Лабана. Сам пес нетерпеливо переступает лапами возле кровати.

— Ой, зайчик мой, ты же такой мокрый! — ласково укоряет его Анетте.

Ян Инге идет в ванную и, сняв куртку, пристраивает ее над ванной, чтобы стекла вода. Возвращается в номер и раздвигает занавески. Комнату заливает мутный серый свет.

— Сезам, откройся! А погода все такая же мерзкая!

— Ага, я пару раз просыпалась ночью, так сильно дождь колотил по крыше.

Анетте уходит в ванную и садится на унитаз. Оставляет дверь приоткрытой и продолжает разговор:

— А знаешь, папа отвел меня вчера в сторонку и спросил, нельзя ли все-таки уже сегодня уехать домой. Он надеялся, что можно пораньше свернуть весь праздник, раз уж такая погода.

— Господи. А ты что сказала?

— Ну что я могла сказать, сказала, что так нельзя. Что заплачено за все выходные, что хозяева уже закупили продукты и все подготовили.

— Как-то это все-таки… странно, а?

— Странно, я тоже так подумала. Что ему сюда не хотелось ехать, мы знаем, но это уж совсем на него не похоже.

Чтобы ухватить кончик рулона туалетной бумаги, Анетте приходится засунуть руку глубоко в металлический держатель, но рулон застрял накрепко. Анетте вынуждена повернуть руку внутри, и острые зубчики держателя царапают ей кожу. Когда ей наконец удается ухватить рулон за краешек, она вытаскивает всего две бумажки.

Анетте подтирается тем немногим, что ей удалось добыть, и с глубоким вздохом встает.

— А еще Дорте. Замутила все это, а сама удалилась пьянствовать с хозяином!

— Кажется, Анна и Юн не заметили этого. К счастью.

Ян Инге входит в ванную. Выжимает из тюбика капельку пасты на зубную щетку и сует ее в рот. Вынув щетку изо рта, говорит:

— Давай, накинь что-нибудь, пойдем посмотрим, что там делается.

Два мужика, сидящие у камина, стопроцентно выглядят охотниками. Один с головы до пят в камуфляже, на другом тоже солидное походное обмундирование. Когда Анетте и Ян Инге проходят мимо, мужики едва поднимают глаза от своих мобильных. На столике перед ними стоят две чашки горячего кофе. Уле выходит из холла с натянутой улыбкой на лице.

— Надеюсь, вы меня извините, что я сегодня чуть припоздаю с завтраком. Тут на склоне сошел оползень, и эти двое едва ноги унесли. — Уле машет рукой в сторону двух чужаков. — Машина у них так и застряла там, но им повезло, они сумели выбраться из нее.

— Оползень, говоришь? — Шея у Яна Инге по-

шла красными пятнами. — И что, значит, дорога заблокирована?

— Да, часть дороги снесло. Мы пытаемся выяснить, насколько велик пострадавший участок. К счастью, электричество и мобильная связь в порядке. И скоро, конечно, мы будем знать больше.

Уле обращается к Анетте:

— Ваши родители уже за столом, ждут завтрак. Кофе готов, еду я скоро вынесу, хорошо?

Анетте идет к столовой и спиной чувствует на себе взгляды чужаков. Может быть, надо бы подойти к ним и познакомиться. Но вряд ли они надолго останутся на хуторе.

В столовой царит полумрак, хотя люстра включена. Мать и отец сидят на тех же местах, что и прошлым вечером, оба с чашкой кофе, оба с серьезными лицами. То еще доброе утро.

— Мы тут как в заключении, — мрачно изрекает отец.

— Да…

Анетте усаживается напротив, не находит, чего бы сказать ободряющего. Ян Инге несет еще две кофейные чашки.

— Электричество есть, — говорит он. — Не замерзнем.

Сходив за кофейником, наливает родителям

жены кофе. Анетте провожает его, снующего туда-сюда, взглядом. Ян Инге просто золото, когда прижмет. По натуре он пессимист, вечно преувеличивает трудности, неприятности переживает заранее. Но когда катастрофа уже случилась, кто всех веселит, кто всех спокойнее, кто разруливает ситуацию?

Ян Инге плюхается на стул. И вот они сидят. Отец не поднимает взгляда от чашки с кофе, заглянуть в глаза матери тоже не удается.

— А дождь вроде бы перестал.

Анетте тянется к окну и выглядывает наружу. За стеклом на фоне сплошной серой мглы едва проступают силуэты ближайших елок.

— Когда я выходил с Лабаном, по-прежнему лило, — говорит Ян Инге. — Но не как вчера. Совсем не так.

— Не нравится мне, что там сидят эти мужики. — Приглушив голос, мать косится на дверь.

— Ну хорошо хоть их не снесло оползнем, — говорит Ян Инге.

— Но почему бы им не отправиться еще куда-нибудь? Им что, обязательно здесь торчать?

— Какого черта им нужно тут, на верхотуре, в такое время? — ворчит отец.

— Одеты как на охоту, — говорит Ян Инге. —

Наверное, охотиться собирались.

— В такую-то погоду? Ни зги же не видно.

Все четверо поворачивают голову к окнам. Да уж, видимость никакая. В туман Анетте всегда не по себе. Она надеется, что Ян Инге не упомянет ружья, которые он видел на крыльце.

— Доброе утро!

Входит Дорте, свежая такая в своем ярко-зеленом джемпере. Движения у нее быстрые, но по тонкой сухой коже вокруг глаз догадываешься, что она только что проснулась. Налив себе кофе, она подсаживается к матери.

— Я аж вздрогнула, когда увидела на крыльце винтовки!

Дорте не заметила взгляда Анетте, пытавшейся остановить ее. Теперь уж поздно. Мать с отцом вытягиваются на стульях:

— Что за винтовки?

— Ну может ружья, как они там называются. Я-то сначала подумала, что из-за погоды подняли на ноги силы самообороны!

— Господи боже, — говорит мать. — Не нравится мне это.

— Им еще повезло, что оползень только краем их задел. Но машина у них застряла основательно, не сдвинешь.

— А ты что, разговаривала с ними?

— Карл там с ними разговаривает сейчас.

Дорте отхлебывает кофе. Ведет себя как ни в чем не бывало, весела. Не поняла, что ли, что им теперь отсюда никуда? Или, может, наоборот, пытается показать, что ничего страшного не произошло? Анетте замечает, что у сестры дрожат руки.

— Допоздна вчера засиделись? — невзначай спрашивает она.

— Да нет. Не особенно.

Дорте не смотрит сестре в глаза, по лицу у нее разливается краска. Но тут появляется Карл и плюхается за стол. Волосы взлохмачены.

— Что, завтрака нет еще?

— Надо подождать, — говорит Анетте. — Уле с самого утра крутится как заведенный.

— Да уж, черт знает что. Ему пришлось заниматься этими мужиками, которые заявились сюда ни свет ни заря. Они, похоже, еле выкарабкались. Они выбирались из машины через окошко, потому что ее завалило по самые дверцы.

— А чего ради их сюда занесло?

— Говорят, охотиться на лис.

Отец фыркает.

— Охотиться на лис… Кто в такую погоду будет

охотиться на лис?

Анетте слышит звяканье посуды и оборачивается. Хозяин везет тележку с едой. Анетте вскакивает с места, желая помочь.

— Сегодня сервировка у нас будет чуточку попроще, чем обычно, — говорит Уле извиняющимся тоном и расставляет на столике, где уже стоит кофейник, тарелочки со всякой всячиной и хлебом.

— Да ну, выглядит все чудесно, — говорит Анетте.

Она и правда так думает. Сыр на блюде не из упаковки с готовой нарезкой, а красиво разложенные ломтики самых разных сортов; на другом блюде два разных вида ветчины. Корзиночка с вареными яйцами. Джем, похоже, сварен дома… Только хлеб на вид суховатый, неинтересный.

Уле встряхивает кофейником.

— Пойду сварю еще кофе. И сок я забыл принести, вижу. Но вы ешьте, я сейчас!

— Больше ничего не слышно об оползне? — спрашивает отец.

Уле, уже у самой двери, останавливается и оборачивается.

— Боюсь, полной картины еще ни у кого не сложилось. Ведь только-только рассвело. Может

быть, пришлют вертолет, чтобы определить площадь разрушений. Наверняка уже совсем скоро мы будем знать больше!

Разведя руками, он удаляется.

— На это может уйти несколько дней, — мрачно говорит отец.

— Ну папа, зачем ты так говоришь? — возражает Дорте. — Обычно оползни довольно скоро расчищают, можно будет проехать и по этой дороге!

— Это не обычная дорога, — отвечает отец, поднимаясь из-за стола.

Он идет положить себе еды, а Дорте смотрит ему вслед. Может быть, до нее дойдет наконец, думает Анетте, опуская глаза на кусочки сыра, лежащие у нее на тарелке.

Она откусила понемножку от каждого. Тут и сыр с голубой плесенью, и такой, который постепенно растекается, может быть, очень спелый бри. Третий похож на самый обычный сыр. Она сама не понимает, зачем набрала столько сыра, обычно она любит начать с чего-нибудь сладенького. Соблазнилась тем, что тут такие необычные сорта? Может, Ян Инге съест ее сыр, а она возьмет себе чего-нибудь другого. Но муж уже и так набрал себе разных сыров. Плюс целую гору хлеба,

два яйца, плюхнул на тарелку побольше джема. Ян Инге замечает, что она смотрит в его тарелку, и смущенно улыбается.

— Выходные же, — говорит он.

Анетте чувствует, как ее брови ползут наверх, но старается скрыть свою реакцию за улыбкой. Действительно, выходные. Пусть поест всласть. Дома-то она добилась наконец, чтобы по будням он ел на завтрак мюсли.

Напротив нее сидит Дорте, держит кофейную чашку обеими руками. Какой она сейчас выглядит маленькой и беззащитной. Завтрак — это не для нее, так она, во всяком случае, утверждает. До десяти часов только кофе. Но как только мать поднимается, чтобы сходить за едой, Дорте ставит чашку на стол и следует за матерью. Входит Уле, несет сок и еще кофе. Анетте со своего места видно, что он перебрасывается с Дорте парой фраз, но что именно они говорят, не разобрать. Когда сестра возвращается на свое место, на лбу у нее заметна глубокая морщина. Дорте взяла себе печенья из грубой муки, намазывает печеньки слоем желтого масла.

— Что-то не так?

Дорте откусывает кусочек и осторожно оглядывается. Наклоняется к Анетте и тихонько

говорит:

— Уле беспокоится, что его жена, наверное, не сможет добраться сюда, чтобы помочь ему с нашим обедом.

— Вот черт. — Ян Инге тоже услышал ее слова.

Слава богу, не услышала мать, она как раз подходит, осторожно неся полную тарелку еды и стакан сока.

— Что-то не так? — спрашивает она, переводя взгляд с Яна Инге на Анетте.

— Да так, ерунда, — говорит Анетте. — А знаешь, мама, тут можно ходить брать добавку сколько угодно раз!

— Ой, ну вот. Но все такое вкусное на вид.

— Само запрыгнуло в тарелку? — неожиданно добродушно говорит отец и поднимается. Похлопав жену по спине, берет поднос и отправляется за новой порцией еды.

Анетте встречается глазами с сестрой. Взгляд у той умоляющий. Давайте веселиться, пока можно. Да уж, не просто ей, должно быть, вишь как все обернулось.

Дорте все время ощущала скептическое отношение к своей идее, к тому, как она спланировала этот праздник, в самое темное время года, когда никому не хочется выбираться за порог своего

дома, а уж старикам и подавно. А еще она наверняка рассчитывала, что стоит им оказаться на этом уютном хуторе, и они будут очарованы. Дорте всегда видит свет в конце туннеля. А Карл? Анетте взглядывает на брата. Тот жует бутерброд с сыром и разглядывает висящую на стене карту. Похоже, он тоже воспринимает ситуацию легко, но по нему трудно сказать.

Анетте пыталась выведать это у сестры, но та отвечает уклончиво. Дорте называет брата сфинксом. При том, что знает его лучше всех. Анетте не раз заговаривала с матерью и с Яном Инге о том, как это странно, что Карл еще не обзавелся семьей и постоянной подруги у него тоже нет, насколько им известно. А он такой красивый, спортивный. Что Дорте одна, понять легче; она заводила шашни с женатиками, она непостоянна, и кто его знает, может, у нее проблемы с алкоголем. Но вот что женщины не выстраиваются в очередь, чтобы захомутать их клевого братца, это выше ее понимания.

Карл замечает на себе ее взгляд, неуверенно улыбается в ответ. Она тоже улыбается. Да, красавчик, но что-то в нем проглядывает ребячливое. Как-то он складывает губы, верхняя чуть выступает. Эх, никак братишка не повзрослеет.

Анетте снова налегает на сыр. Но что-то ее беспокоит. Что-то такое пытается ее мозг подсказать ей, что-то, связанное с этим вечером и праздничным угощением. Речь. А что с речью, она написана. Правду сказать, никак не получалась сначала, но теперь в ее сумочке лежат два полностью исписанных листка А4. Она даже несколько раз перечитала их вслух, Ян Инге показал большой палец. Речь написана от лица всех троих детей. Они договорились, что речь в честь золотых юбиляров произнесет старшая сестра. В конце концов она решила, что вот, готово. Но вот теперь какая-то неуловимая мысль не дает ей покоя.

— Ты чего не ешь?

Ян Инге сбил ее с мысли. Анетте бормочет, что просто задумалась. Конечно же, она проголодалась. Она отрывает кусочек от ломтика хлеба и жует; а, теперь поняла, что ее мучило. Подозрение, что речь у нее написана как бы и от имени этих двоих, кого она плохо знает, как она вдруг осознала: а на самом-то деле это ее собственные слова и воспоминания. Между ней и ними десять лет разницы. Десятилетие. Ну откуда ей знать, как Дорте и Карлу помнятся детство и родители?

Надо заново перечитать написанное, посмот-

реть, действительно ли это так, писала ли она только от себя, будучи уверенной, что выступает от имени всех. Сразу после завтрака надо пойти в номер и перечитать речь, и если все действительно так, то переписать ее. Время на это есть.

Анетте смотрит на часы. Еще и десяти нет. За окнами плавает туман. Они сидят тут словно спасшиеся с затонувшего корабля на идиллическом островке. Кучка людей, которые еще не уяснили себе, насколько серьезна ситуация, пока их занимает все новое вокруг. Она тяжело встает и идет налить себе еще кофе. На отдельное блюдце кладет себе два разных вида джема. Времени полно.

Дорте

Стоило появиться Уле, пришедшему убрать после завтрака, как его закидывают вопросами. Он приносит стул и садится к столу. Выглядит бледным и осунувшимся. Да, сошедшие массы захватили несколько метров дороги в ширину, дорога частично разрушена. Нет, расчищать завалы нельзя, пока геологи не осмотрят место схода и не оценят вероятность новых оползней. Да, вероятно, специалисты прибудут вертолетом на площадку для отдыха водителей во второй половине дня. И ни одна живая душа не должна

приближаться к месту схода, чтобы посмотреть на оползень, это опасно. Нет, его жена сегодня не приедет, это исключено. Да, это значит, что праздничный обед ему придется готовить в одиночку. Некоторое время все сидят молча, переваривая последнее сообщение. Первым нарушает молчание Карл.

— Значит, мы должны тебе помочь, — просто говорит он.

— Да, — соглашается Дорте. — Разумеется, мы поможем!

Она осторожно переводит взгляд с одного на другого и с облегчением видит, что Анетте и Ян Инге согласно кивают. По лицу отца ничего не прочитать, а на лице матери читается озабоченность.

— Но… — говорит мать, — раз нам отсюда не выбраться, так ведь тогда и эти два… эти охотники тоже не могут?

— Верно, — отвечает Уле. — Им придется пока остаться тут. В полиции четко сказали: отсюда никому нельзя уезжать, пока они не составили себе полной картины происшедшего.

— Это что значит, что могут сойти и еще оползни?

— А ты этих типов знаешь? — спрашивают Ян

Инге и Карл в один голос. Уле встает.

— Я знаю, кто они такие, они живут в селе неподалеку. И я не думаю, что теперь можно ждать еще оползней. У нас на хуторе точно нет, тут все склоны пологие, поросшие густым лесом.

Его ответы немного снимают общую напряженность, у всех становится легче на душе. Может быть, их греет мысль, что, помогая по хозяйству, они скоротают ожидающий их долгий день.

— Я вам очень благодарен за то, что вы согласны мне помочь, — говорит Уле. — Всю готовку я, конечно, беру на себя, но было бы замечательно, если бы кто-нибудь накрыл и украсил стол. Днем-то я со всем и сам управлюсь, но мне может понадобиться помощь на кухне с праздничным обедом.

— Я готов ассистировать на кухне, — говорит Карл.

— Карл очень хорошо готовит, — вставляет Дорте.

Произнося это, она видит, как мрачнеет лицо сестры. Кто ее тянул за язык! Они это уже проходили. Анетте больше всего на свете раздражает, когда превозносят кулинарные подвиги мужчин. Анетте с Яном Инге имеют обыкновение приглашать всех родных на обед в рождественские

или пасхальные праздники, и не раз бывало, что Анетте два дня напролет топчется на кухне, чтобы наготовить гору вкуснятины, но героем всегда оказывается Ян Инге, сумевший состряпать вкусный соус.

Дорте не мастак готовить, в этом ей ни с братом, ни с сестрой не сравниться. Так что хотя она с радостью поработала бы на кухне бок о бок с Уле, она вызывается накрыть и украсить стол. А Ян Инге поручает ей откупоривать бутылки. Ха-ха! Никто так весело не смеется над собственными остротами, как Ян Инге.

Уле начинает убирать со стола, Дорте и Анетте складывают чашки и тарелки. Под звон посуды Ян Инге уходит за Лабаном, а мать с отцом неуверенно переглядываются.

— Может быть, пойдем к себе в номер? — предлагает мать.

Отец встает, разминает ноги.

— Посидите лучше у камина, — говорит Дорте.

Мать колеблется.

— Но эти охотники… они останутся тут?

— Я думаю, пусть они сначала здесь позавтракают, — отвечает Уле. — А потом посмотрим, в течение дня как-нибудь разрулим ситуацию.

Мать бормочет, что ей надо сходить за кросс-

вордом, и юбиляры удаляются. Дорте вынуждена опереться о стол; ее подташнивает. Вчера она выпила лишнего, да и легла поздненько. Но так приятно было сидеть на кухне, болтать с Уле. Забыть ненадолго грызущее беспокойство, страх, что праздник не удастся. А теперь мрачные мысли наваливаются на нее всей своей тяжестью. Что, если им придется торчать здесь несколько дней? Дорте видит, что Анетте подает Уле последнюю стопку тарелок. Чувствует на себе его быстрый взгляд, но он сразу исчезает за дверью.

Анетте вытирает руки салфеткой.

— А где Карл?

Дорте пожимает плечами. Она даже не заметила, когда брат вышел. За завтраком он постоянно ерзал, вставал, не сиделось ему.

— Так, значит, — говорит Анетте.

И смотрит на Дорте, будто ожидая от нее каких-то разъяснений. *Так, значит.* Звучит угрожающе. Лучше бы *“нет так нет”. Нет* выражает сопротивление. Дает тебе возможность возразить. Говоря *“так, значит”,* ты смиряешься с ситуацией, с судьбой. Никакой надежды. *Так, значит,* ничего не поделаешь.

— Так, значит, — повторяет Дорте, не придумав ничего другого.

Анетте двигается к двери, Дорте следует за ней. И обе успевают увидеть, как Лабан очаровывает охотников. Стучит хвостом по мебели. По крайней мере, похоже, эти двое любят собак. Один из них, тот, что с ног до головы в камуфляже, наклоняется, чтобы дать Лабану лизнуть себя в лицо.

— Так тебя Лабан зовут, да, дружок? Ну ты красавец.

Ян Инге засунул руки в карманы, на лице улыбка. Ничто так не радует собачника, как когда другие люди тают от общения с его псом. Анетте подходит к мужу, и оба охотника вскакивают со стульев и тянут руки поздороваться. Дорте, остановившаяся у стойки и листающая брошюру, слышит, как они представляются.

— Стейн, — говорит тот, что выше ростом. Он так и не снял бейсболку, лицо обрамлено бородой. Тот, которого только что облизал Лабан, на голову ниже, но зато гораздо шире. Дорте показалось, что он назвался Свейном. Стейн и Свейн? Ослышалась, наверное.

Ян Инге жмет им руку радушно, Анетте несколько сдержаннее. Мужчины продолжают разговор, извиняются за то, что явились непрошено. Ведут себя вполне прилично, но от вида охотничьих курток, грязных штанов и сапог Дорте стано-

вится нехорошо физически. Она никогда не могла понять, в чем фишка охоты. А тут, значит, два взрослых мужика отправились пострелять лисиц. В туман и проливной дождь. Она представляет себе, как они гордо позируют с ружьями в руках возле худенького мертвого тельца. Как бы *ха, попалась. Я победил. Пиф-паф, ты мертв!*[3]

И конечно, Дорте только мерещится, будто охотники принесли с собой в холл запах земли и крови. Дверь на крыльцо приоткрыта, и оттуда тянет вовсе не свежим воздухом, а сыростью и холодом. Делая вид, что поглощена содержанием брошюры, Дорте пытается справиться с дурнотой. С кухни доносится громкое дребезжание, что-то грохается на пол, разбивается. Кто-то ругнулся вроде?

Дорте вспоминает, что такое Уле рассказал о своей жене за бокалом вина накануне вечером. Или скорее, чего он не рассказал. Потому что, хотя он слова дурного не молвил об Элисабет, было совершенно ясно, что он разочарован. Потому что, хотя именно Уле скептически отнесся к идее развивать хутор, теперь почти вся ответственность за его процветание лежит на его плечах. Они про-

---

[3] Примечания: 3

Дорте вспоминает реплики из фильма “Пиф-паф, ты — мертв” (2002) режиссера Гая Ферленда.

работали пару лет, и тут вдруг Элисабет решила, что желает учиться дальше. И теперь Уле тащит на себе всю работу, клиентов, текущий ремонт, а Элисабет мотается в Осло, учится в Школе экономики. Снимает комнату у подруги, рассказал Уле, и отсутствует по нескольку дней подряд.

И как-то он это так сказал, то ли иронически, то ли обиженно, что Дорте никак не выкинет это из головы. Ей хочется пойти помочь ему на кухне, подмести осколки, подбодрить его, но нельзя. Не надо навязываться. Это будет лишним.

Дорте замечает, что сестра с мужем ушли. Забирает брошюру с собой и, проходя мимо охотников, слегка кивает им. Они уже снова уселись, следят за ней взглядом, как два каменных истукана. Дорте выдыхает, только оказавшись вне их поля зрения. По стеклянному коридору навстречу ей торопится Анетте.

— Я думала, Лабан пошел за нами. Ты его не видела?

— Нет… сейчас нет.

— Он не остался с этими?

— Да нет вроде, я не заметила.

Анетте удрученно вздыхает.

— Надеюсь, не забрался на кухню. Пойду заберу его.

Дорте дает ей пройти. Она сама не хотела бы собаку. Приятно их гладить, красивые, но сколько с ними всяких забот и возни.

Одна из дверей в коридор приоткрыта, в номере она замечает Карла в процессе облачения в полную туристическую экипировку. Осторожно постучав, она толкает дверь.

— Ты чего, уходишь?

Карл машет ей, чтобы вошла и закрыла за собой дверь.

— Хочу сходить посмотреть на оползень.

— Но ведь… нам же запрещено туда ходить!

Затягивая молнию на своей поскрипывающей оранжевой куртке, брат бросает на нее задорный взгляд.

— И кто меня остановит? Надеюсь, ты не проболтаешься.

— Но я тоже хочу! Если ты пойдешь, и я пойду.

Карл качает головой:

— Я не могу тебе запретить. Но ты же одета для дома. А я прямо сейчас выхожу!

— Две минуты! — молит Дорте и пулей несется к себе.

Она видела, что в конце коридора есть аварийный выход, наверное, он ведет на площадку во дворе. Тогда ей не придется снова проходить ми-

мо двух каменных истуканов. Дверь заперта, но изнутри открывается. Разбрызгивая грязь, Дорте быстро хлюпает к амбару. Запретная вылазка к месту оползня может послужить заменой долгожданного похода в горы с Карлом. Но она по опыту знает, что долго ждать брат не будет.

В полутемном амбаре всюду валяются шмотки и туалетные принадлежности. Походная одежда сложена в отдельном мешке, и, разумеется, молнию заело. Дорте тянет и дергает, чертыхаясь. Внезапно в амбар вваливается Карл. Наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку.

— Так вот он, значит, какой — терем молодых.

Победив наконец молнию, Дорте вытряхивает из мешка походную одежду. Карл топает мимо, прямо к бассейну.

— Да, здесь все готово для романтического уикенда.

— Когда вернемся, приходи, искупайся, — говорит Дорте, натягивая непромокаемые штаны прямо поверх джинсов.

— Может быть. Если ты еще не пригласила хозяина окунуться.

— Не надо, Карл.

Карл знает ее куда лучше, чем остальные. Лишь бы и они не подумали того же, что брат.

В их глазах она и без того абсолютно безнадежна. Так что здесь она не может позволить себе поведения, которое привлекало бы внимание. Внимание должно быть полностью сосредоточено на родителях. Нужно держать себя в руках. Не флиртовать, не пить больше других. В первую очередь не пить больше других. Она завязывает шнурки двойным узлом. Нужно выйти проветриться.

— Я готова.

Ветер утих, беззвучно сыплет частый дождик. Воздух так насыщен влагой, что его трудно втянуть в легкие. Дорте туго завязывает капюшон под подбородком, надеясь, что никто не увидит, как они, будто пара беглецов, торопятся прочь по чавкающей дороге. Карл впереди, отцовскими семимильными шагами. Дорте за ним, материнскими пружинистыми шажками покороче. Она спиной чувствует чей-то взгляд. Это мать? Или Анетте? Прищуренные глаза охотников? Она оборачивается, только когда они с братом уже у самых ворот. Отсюда хутор выглядит темным, заброшенным. Каким ему и положено быть в это время года; это долго до нее доходило, но теперь дошло в полной мере.

— Теперь-то я понимаю, что зря вытащила всех

сюда! — кричит она Карлу в спину.

Он поворачивает голову.

— Зато настоящее приключение! — кричит он в ответ.

Он единственный не возражал против того, чтобы золотую свадьбу родителей отметить на природе, подальше от городской суеты. Анетте боялась, что для родителей будет слишком утомительно добираться сюда, а Ян Инге упирал на то, что шведский стол в отеле рядом с домом более чем хорош. Отца беспокоило, не пойдет ли снег. Как в их семье благоразумных перестраховщиков мог вырасти такой, как Карл? Диву даешься. Авантюрист Карл, да и она тоже, любительница пусть менее масштабных приключений, но всегда готовая испытать что-то новенькое. Дорте чувствует, как постепенно отпускают усталость и тошнота. Догоняет брата бегом в несколько широких шагов. Хочет спросить, не боится ли он, что сойдет еще оползень, но он резко останавливается и удерживает ее.

— Слышишь?

Дорте задерживает дыхание и осторожно стягивает капюшон, обнажая уши. Что он там услышал, не грохот ли обвала? Не рокот сметающих все камней и земли? Единственное, что ей

слышно, это стук дождя по куртке, по земле, по иголкам и листьям, непрекращающееся журчание. Но Карл показывает куда-то между деревьев справа от них.

— Рябчик, — шепчет он.

В тот же момент из толпы деревьев раздается громкий тонкий писк. Серия коротких и долгих попискиваний, потом вновь тишина.

— Заметил нас, — тихонько говорит Карл. — Хочешь посмотреть на рябчика?

Не дожидаясь ответа, он сворачивает с дороги в густой березовый лес, скорее даже кустарник. Ветки, которые скоро сбросят все листья, мокрыми кистями водят по куртке. Дорте всегда любила березы, с их светящимися белыми стволами и тайными черными знаками на них. А эти березки совсем не такие, они низенькие и кривые, стволы у большинства светло-коричневые. Ноги того и гляди утопнут в почве под ними. Карл встал на кочку и неотрывно смотрит на одну из берез. Дорте прыгает, чтобы подобраться к брату поближе, и в этот момент раздается хлопанье крыльев. На землю спрыгивает пестрая птичка и на негнущихся лапках быстро ковыляет прочь, как маленькая курочка.

— Прелесть, — шепчет Дорте.

— Легкая добыча для охотников, к сожалению.

— Я бы решила, что это тетерев.

— Нет, тетерев куда больше. И токует он совсем по-другому.

А ведь я бы правда решила, что тетерев, думает Дорте. Она даже и не помнила, что есть такая птица, рябчик. Некоторое время они не двигаются с места, но птицу больше не видно и не слышно. Дорте улыбается брату.

— Из тебя выйдет хороший проводник по диким местам!

— Надеюсь.

Выбравшись на дорогу, дальше они идут молча. Дорте пытается найти слова, чтобы выразить переполняющее ее чувство. Мельчайшие пузырьки играют в теле, достигают мозга. Эйфория. То слово? Это чувство возникло благодаря птице? Или она испытывает такую огромную радость просто из-за того, что вот она тут вместе со своим любимым братом? Вот они идут, прочь от тягостного настроения на хуторе, они вместе, они, непокорные, вместе.

Где же оползень? Они с километр уже прошли, наверное, а все вокруг выглядит вполне нормально. Над силуэтом гор нависла серая дымка, оторвавшиеся от нее мелкие клочки тумана мед-

ленно плывут над землей.

— Трудно поверить, что здесь может сойти оползень! — вздыхает Дорте. — Склоны-то довольно пологие.

— Но зато видишь, вырублено все под корень, — отвечает брат.

И действительно: они вышли на открытое место, где между пнями и беспорядочно валяющимися увядшими ветками торчит одно-другое одинокое деревце.

— Ты лучше с папой поговори, — продолжает Карл. — Он тебе целую лекцию прочитает о безответственности лесозаготовителей.

Внезапно путь им тут и там преграждают огромные глубокие лужи: это разлились и перекрыли дорогу ручейки. Задрав корни кверху, лежит опрокинувшееся дерево. И вот они на месте, у края оползня.

Дорте представляла себе, что дорога засыпана грудой камней и земли, но то, что она видит, не просто яма. Это широченный провал, заполненный серо-коричневой массой из веток, корней, камней и земли. Лесной дороги на этом месте как не бывало, она перемолота вместе с глиной и камнями и унесена прочь. Насколько Дорте видно отсюда, дорога продолжается на другой

стороне провала, но до той стороны далеко. Еще дальше, ниже по склону с их стороны, по самый капот застрял в иле и грязи темный джип — машина охотников, должно быть.

— Может быть, попробовать перейти на ту сторону, — говорит Карл. — Если осторожно.

— Но ведь отовсюду сочится вода, — возражает Дорте.

— Во всяком случае, я хочу приглядеться к этой машине.

— Зачем? — говорит Дорте. — Я не хочу, чтобы ты туда ходил!

— Да тут пара шагов, — говорит Карл, оглядываясь в поисках ветки, которую можно было бы использовать как трость. Дорте знает, что отговаривать брата бесполезно, поэтому просто просит его быть поаккуратнее. Не очень-то быстро он двигается, сложно нащупать надежную опору под ногами. Наконец он осторожно приближается к задней части джипа.

Дорте остается, где стояла, в паре метров от края. Насколько видит глаз, все во впадине и рядом с ней находится в постоянном скользящем движении. Вокруг ног Дорте что-то булькает, журчит, чавкает. А она-то думала, что стоит экскаватору раскидать камни и землю, и дорога

будет расчищена, путь домой свободен.

Подобравшись почти вплотную к джипу, Карл наклоняется, видимо, хочет заглянуть внутрь через окошко машины. Только одна задняя дверца не полностью заблокирована камнями и землей. Окно открыто, наверное, через него они и выбрались. Дорте достает мобильный телефон и фотографирует машину и завалы. Карл выбирается на твердую почву целым и невредимым, энергично топает ногами, чтобы стряхнуть с обуви грязь.

— Не топай так сильно, — просит Дорте. — Вдруг тут земля тоже поползет.

Странный звук заставляет их посмотреть вверх. Будто жужжит какой-то гигантский кровожадный комар. Звук приближается, становится назойливее, но Дорте ничего не видит.

— Дрон, — говорит Карл. — Значит, уже смотрят, как тут обстоят дела.

В конце концов Дорте удается разглядеть дрон, он летит выше, чем она думала.

— А нас они видят? — спрашивает она.

— Наверняка.

Они разворачиваются и пускаются в обратный путь.

— Да, скоро нам отсюда не выбраться, — гово-

рит Карл. Больше они не произносят ни слова, пока не приближаются к хутору. Возле ворот расположена большая, покрытая грязью площадка, на которой разбросаны куски коры и еловые ветки. От нее отходит узкая, одному трактору проехать, дорога. Они останавливаются, раздумывая, не пройти ли по ней немного, посмотреть, что там дальше.

Но они промокли, и скоро пора обедать.

— Все догадаются, куда мы ходили, — говорит Дорте.

— Ну и что?

Качая головой, Дорте всматривается в даль, где дорога скрывается за стволами деревьев и туманом.

— А эта дорога куда ведет?

— Да никуда. В лесную чащу, там и кончается.

— Это там они собирались охотиться на лис?

— Одно я тебе точно могу сказать: у этих двоих и в мыслях не было охотиться на лис, — говорит Карл.

— А чем же они собирались заниматься? — спрашивает Дорте, но брат уже шагает дальше.

Карл

На обратном пути они встречают Яна Инге с Лабаном. Пес не бросается им навстречу, а остается

на месте, виляет хвостом и перебирает лапами от радости. Карл опускается на корточки, чтобы погладить его.

— Слабит его, — говорит Ян Инге. — Уж второй раз за час вывожу.

Карл щекочет собаку за ушком, только до этого местечка еще не добрался дождь.

— Животик болит, дружок? Ты всегда любил покушать.

— Да вот и странно, здесь-то мы ему только сухой корм даем. А вы где были?

— Ходили посмотреть на оползень, — отвечает Карл.

— Ого, ни фига себе. Ну и как оно, на ваш взгляд?

— В смысле, можно ли отсюда выбраться на машине? Исключено.

— Ого, ни фига себе, — повторяет Ян Инге.

— Мы пойдем переоденемся.

Карл выпрямляется. Лабан чапает к обочине погрызть жухлые травинки.

— Собаки здорово умеют сами лечиться, — говорит Карл.

— Хотелось бы, — бормочет Ян Инге.

Капающая с куртки вода образовала на его штанинах два больших мокрых пятна. Удивительно,

что такой благоразумный человек надевает непромокаемую куртку, а непромокаемые брюки — нет. Что за идиотизм.

Винтовки и рюкзаки так и стоят на крыльце, а в холле, в уголке, спят сидя, завернувшись в пледы, оба охотника. Сапоги сброшены, верхняя одежда повешена на спинки оставшихся свободными кресел. Анетте с родителями сбились в кучку перед камином. Услышав, что открывается дверь, они оборачиваются, и Анетте предостерегающе прикладывает палец к губам. Карл и Дорте тихонечко подходят к ним — настолько тихо, насколько это возможно в горных ботинках. Временами переходя на шепот, они рассказывают, где были; как и можно было ожидать, услышанное очень расстраивает мать и Анетте. Но когда Дорте достает мобильный, увидеть фото оползня хотят все.

Воспользовавшись моментом, Карл идет к себе в номер снять мокрую одежду. Возвращаясь, он сталкивается с Яном Инге, который как раз входит вместе с собакой. Не шуметь не получается.

— Псу страшно интересно, что там в этих рюкзаках на крыльце, — громко говорит Ян Инге. Лабан отряхивается, капли летят во все стороны, серый сланцевый пол темнеет от воды. Тут

просыпается старший из охотников, бородатый. Выпрямляется в своем кресле и обескураженно смотрит на Яна Инге.

— Извините, если разбудил, — говорит Ян Инге. — Наш пес влез в один из рюкзаков, которые вы оставили на крыльце. В них ведь нет съестного?

У охотника забегали глаза, но он молчит. Потом скидывает плед и встает. Прямо в шерстяной футболке и кальсонах идет и распахивает дверь на крыльцо. Ян Инге остается стоять на пороге. Придерживает Лабана за ошейник, чтобы не выскочил наружу. Карл подходит к ним, гладит пса по голове.

— Что там у вас в рюкзаках? — спрашивает он через полуоткрытую дверь. Ему видно, что из одного рюкзака, где клапан лег криво, свешивается полоска бумаги. — Если это приманка, может быть, лучше поставить ее на холод?

Охотник медленно оборачивается. Глаза как две узкие щелки над окладистой бородой. Не поймешь, он злится или просто не до конца проснулся.

— Если хотите, давайте я ваши рюкзаки унесу в холодную кладовку, — говорит Карл.

Очевидно, предложение не актуально. Мужчи-

на резко поворачивается и хватает рюкзаки. Взяв по рюкзаку в каждую руку, он протискивается с крыльца в дом и прямо в носках шлепает на кухню.

— Похоже, он знает, где здесь кладовка, — говорит Ян Инге.

— Милый типчик, — вставляет Анетте.

Карл удрученно качает головой и ради отца с матерью пытается изобразить на лице улыбку. Никто из них не улыбается в ответ. Карл замечает, что храп утих. Младший из мужчин заворочался в кресле, не открывая глаз.

— Их на самом деле зовут Стейн и Свейн? — тихонько спрашивает Дорте.

— А разве не Гейр и Стейн? — говорит Ян Инге. Выпустив из рук ошейник Лабана, он пытается стянуть с себя промокшую куртку. Анетте приходит ему на помощь.

— Идем, тебе надо обсохнуть, — говорит она и тянет его к камину.

Дорте подходит поближе к Карлу.

— Что ружья там стоят, это ведь тоже не дело? — шепчет она.

— Нет, — отвечает Карл. — Я думаю, мы с Уле этот вопрос решим.

И замолкает. Старший из охотников возвраща-

ется без рюкзаков. Коротко кивает им и плюхается в кресло, где сидел раньше. Закутывается в плед с головой. В углу воцаряется полная тишина.

— Ну-ну, — слышит Карл бормотание отца.

— Слушай, поболтай пока с мамой и отцом, — просит Дорте брат. — А я пойду, переговорю с Уле.

На кухне Уле вытаскивает из духовки большой противень с плоской, но толстой, благоухающей травами лепешкой. Ставит противень на стол и несколько скептически оглядывает свое произведение.

— Надеюсь, похоже на фокаччу. Выпечкой обычно занимается жена.

— На мой взгляд, вполне.

Карл склоняется над столом, сложив руки на груди крест-накрест.

— Мы с Дорте сходили посмотрели на оползень.

Уле вскидывает на него глаза. Потом идет за решеткой, переваливает хлеб на нее.

— Я так и думал, что ты туда сунешься. В ширину он сколько метров будет?

— Примерно восемь-десять. Пройти там еще долго будет невозможно. А машина уж точно не проедет.

Уле кладет противень на рабочий стол, снимает кухонные рукавицы.

— Пришло сообщение, что геологи выехали обследовать место оползня, надеюсь, уже к концу дня доберутся сюда. Кто его знает, вдруг можно будет вас вывезти гусеничным транспортом. Вертолетом, на худой конец. Но сначала мы все-таки должны постараться как следует отметить годовщину твоих родителей, да?

— Должны, — говорит Карл. — Кстати, убрал Стейн… Свейн… рюкзаки в холодную кладовку? Нам пришлось разбудить его, уж очень содержимое рюкзаков привлекало пса. А дверь на крыльцо легко открыть лапой, толкнул — и готово.

Хозяин слушает, спокойно глядя Карлу в глаза. Карл решается:

— Они ведь не на лисиц собирались охотиться, да?

Видит, что Уле колеблется, и продолжает:

— Я знаю, что здесь водятся волки. Я посмотрел карту, участок “Гретта” вроде тут прямо за перевалом.

— Да, знаменитая волчья территория “Гретта” где-то тут в наших краях. Но я никогда не видел волков возле хутора.

— Я думаю, у охотников в рюкзаках приманка. Можно, я загляну?

Уле подходит к двери, оснащенной большой металлической ручкой.

— Пользоваться приманкой на охоте дело обычное, — говорит он. — И когда охотятся на лисиц тоже. Но в последнее время бывало, что на волков в наших местах охотились без разрешения. Наши края как раз входят в заповедную зону, а многих местных это совсем не радует.

— И они берут дело в свои руки?

— Можно и так сказать.

Уле тянет на себя тяжелую дверь и показывает Карлу рукой, чтобы входил.

— И никто их не останавливает?

Уле не отвечает, и Карл входит в холодную кладовку. Сразу же видит рюкзаки. Клапан на одном из них не застегнут, оттуда по-прежнему торчит узкая полоска бумаги. Еще даже не заглянув внутрь, Карл чует запах сырого мяса. Неудивительно, что Лабан так заинтересовался рюкзаками. Внутри лежат несколько кусков мяса, небрежно завернутых в толстую белую бумагу и сбившихся в один большой ком. Мясо уже посинело и издает сладковатый запах. Карл поскорее запихивает мясо назад в рюкзак и прикрывает

клапаном. Клапан второго рюкзака затянут накрепко, и Карл решает его не трогать. Но судя по весу, и этот рюкзак набит тем же, что и первый.

Уле отошел проверить, не выкипает ли что на плите. Знал небось, что там у них в этих рюкзаках. Карл плотно закрывает за собой дверь и спрашивает, не нужна ли помощь.

— Нет, спасибо.

Уле оборачивается к Карлу и смотрит ему прямо в глаза.

— Послушай. Я понимаю, что важно охранять волков и других хищников, но мне здесь не стоит высовываться с таким мнением. У нас очень многие настроены против волков, а мне важно, чтобы на хутор заезжали и местные тоже. Весной, летом мы тут проводим свадьбы, крестины, конфирмации…

— Ты это серьезно? Если выскажешься за волков, то тебе устроят бойкот?

— Точно устроят, если я сообщу куда следует об охоте на волков без разрешения. Это же все сыновья, братья, друзья, мужья моих знакомых или тех, кто снимает хутор для мероприятий.

Карл не верит своим ушам. Неужели такой достойный мужик, как Уле, идет на поводу у таких людей?

— А… тебя что, предупреждали насчет этого?

— Нет необходимости. Здесь все знают, как принято поступать.

Карл медленно кивает. Он отлично знает, что участвовать в демонстрациях в защиту волка перед Стортингом — одно дело, и совсем другое дело — жить там, где водятся волки, в очаге болезненного конфликта. Откуда ему знать, может, сам Уле и подсказал охотникам, что стая тут рядом.

— А как бы ты отнесся к тому, чтобы поселить у себя группу людей, изучающих поведение волков? Людей с биноклями и фотоаппаратами, а не с винтовками?

Лицо Уле светлеет.

— Ты собираешься привозить сюда туристические группы? Конечно же привози, мы будем очень рады.

— Но, может быть, это небезопасно?

— Это ты на что намекаешь, на волков или на тех, кто за ними охотится?

— Наверное, не всегда разберешь, кто из них опаснее?

— Пожалуй, ты прав. — Уле растягивает губы в улыбке, но тут же вновь хмурится. — Только лучше не приезжать сюда на такой машине, как у тебя. С таким девизом. У нас тут бывали разные

ученые, и случалось, некоторые из них сталкивались с разными неприятными проявлениями. И неважно, изучают ли они волков или ищут редкие виды мха. Этим летом тут недалеко молодежь из Университета Осло работала на полевой практике, так им покрышки порезали.

— Так что… местным законы не писаны, что ли? — Карл не может скрыть изумления.

— О подобных вещах заявляют, конечно, но…

В этот момент в дверях появляется Дорте. Неуверенно останавливается, переводит взгляд с одного на другого.

— Не помешаю?

— Да нет. Уле вот только что ввел меня в курс дела о том, что в этих местах живет много противников волков.

Сначала Дорте теряется. Но вскоре смысл сказанного доходит до нее. Она садится на табурет.

— Так они… они охотятся на волков?

— Я посмотрел, что у них в рюкзаках, — говорит Карл. — Куча сырого мяса. Уле говорит, что это обычное дело, использовать приманку, когда стреляешь рысь, росомаху, лисиц — и волка. Но я же осмотрел их машину, так на заднем стекле у них наклейка с буквами СЗП. Расшифровывается “*Стреляй. Зарывай. Помалкивай*”.

— Но это же черт-те что!

— И у них с собой переносная рация. Пару лет назад состоялось судебное разбирательство по делу группы охотников, которых подозревали в организованной охоте на волков. Они договаривались, кто что делает, разработали свою систему оповещения. Я за этим делом следил.

— Я помню эту историю, — говорит Дорте. — Вроде это дело дошло до Верховного суда?

— Да, пять человек осудили за преступления против диких животных. Сначала им даже предъявили обвинение в создании ОПГ. Полиция узнала, что охота была хорошо организована, прослушивая телефонные разговоры.

Уле отошел слить воду из кастрюли. Пару секунд он почти скрыт за облаком пара. Дорте смотрит ему в спину.

— Вообще-то я пришла, чтобы… В общем, мама очень нервничает из-за того, что на крыльце стоят ружья. И если уж эти двое тут останутся, то как-то нехорошо, чтобы они… — Дорте пытается подобрать нужное слово. — Ну, обязательно им, что ли, маячить в холле? Нельзя ли…

Уле оборачивается:

— С этим я разберусь. У нас тут есть комната для собраний, я туда поставил печку. Подождете

немножко? После обеда я их переселю.

Карл изумленно смотрит на Дорте.

— Ты серьезно считаешь, что мы должны загнать их в тесную комнату для собраний?

Дорте явно неудобно, но отвечает она довольно агрессивно, что ей не свойственно:

— А ты считаешь, пусть лучше они весь вечер толкаются вместе с нами? Может быть, нам еще и за стол их пригласить? На праздничный ужин в честь наших родителей?

— Ничего я не считаю, — говорит Карл. — Но это уж слишком, загонять…

— Комната для собраний не такая уж тесная, — торопится вставить Уле. — Они могут устроиться там вполне сносно.

— Отлично, — говорит Дорте. — Спасибо.

На Карла она не смотрит. Уле вываливает в большой дуршлаг вареные букетики цветной капусты.

— А ты видел волков, Уле? — спрашивает Дорте.

Он оборачивается к ней:

— Наткнулся на них этим летом.

— Правда?

— Ближе к осени шел я в сторону перевала, довольно долго шел, и вдруг смотрю, стоят прямо

передо мной на дороге. Я вышел из-за поворота, так что они меня не сразу увидели. Там был один взрослый волк, может быть, волчица-мать, и четыре детеныша. Играли прямо на дороге. Валялись на спине, боролись, совсем как щенки у собак. Я стоял и смотрел на них, ну может, секунд тридцать, а потом волчица меня учуяла, и они убежали в лес.

— Ты за ними не пошел?

— Нет, я вернулся домой. — Он бросает взгляд на Карла. — Может, это были как раз твои волки из “Гретты”.

Лицо Уле смягчается, когда он рассказывает эту историю. В голосе Уле искренний энтузиазм, убеждающий Карла в том, что не хозяин предупредил охотников о наличии поблизости волков.

Неясная идея организовать волчье сафари начинает принимать четкие очертания. Место подходит идеально. Но велик ли шанс увидеть что-нибудь подобное рассказанному Уле? Даже опытным охотникам, похрапывающим сейчас в креслах холла, не удается обнаружить и уничтожить этих зверей, а Карл воображает, что сумеет их выследить? Но он утешается тем, что и участники китового сафари тоже не всегда встречают

китов. Массу впечатлений люди получают и от самого похода, и от наблюдения за природой.

...Но главный смысл и цель — в пути самом[4]. Эти слова всплывают в его памяти неожиданно, он не успевает защититься от них. Сразу же узнает строку из стихотворения Карин Бойе, которое он в рамке повесил дома над кухонным столом. Аккуратный, изящный почерк Сюсанне, синий фломастер, черная деревянная рамка. *И лучший сон благословляет нас на месте том, где спишь всего лишь раз.* Два года прошло, а от внезапных вспышек памяти у него по-прежнему перехватывает дыхание.

— Как тебе повезло, — слышит он слова Дорте, обращенные к Уле, и видит, как заряжена атмосфера между ними, каким мягким стал голос Уле, как раскраснелись щеки сестры. Берегись, берегись, шепчет он про себя. А она поворачивается к нему, будто почувствовав, что он пытается внушить ей что-то.

— Я тоже хочу увидеть волка, — говорит она. — Может, ты станешь организовывать волчьи сафари, братец?

— Если и стану, то назову это “*По следам вол-*

[4] Примечания: 4

Здесь и далее в этом абзаце строки из стихотворения поэтессы Карин Бойе “В пути” в переводе А. Щеглова.

ка”, — говорит Карл.

– *По следам* — это хорошо, — говорит Уле. — Но мне пора заняться супом, может быть, вы пока накроете на стол?

Он показывает, где взять посуду и приборы. Дорте отсчитывает нужное количество, а Карл ставит на тележку. Стекло дребезжит на повороте к холлу. Мать с отцом поднимают глаза от своих занятий.

— Тише, — говорит Дорте, — как бы не разбудить животину.

Это она об охотниках или о собаке? В углу, где пристроились охотники, покой. Лабан лежит у ног Яна Инге и следит за ними взглядом. Хвост испытующе постукивает по полу. Мать вернулась к своему кроссворду, отец листает толстую книгу со старыми фотографиями. Из камина исходит уютное тепло, все дышит миром и спокойствием. Карл притормаживает и складывает губы в слово *перекус*. Отец снова вперивается в свою книгу. Мать кивает, улыбаясь. Кроме постукивания хвостом слышен еще только один звук: это клацают вязальные спицы Анетте. Она внимательно изучает схему узора.

Карл осторожно вкатывает тележку в столовую. Дорте тут же принимается разжигать стеарино-

вые свечи в латунных подсвечниках на столе и на стенах. Карл стряхивает со скатерти крошки и начинает расставлять суповые тарелки и стаканы.

— Карл, а Карл, я что-то не пойму… это же дорого, начать стартап? Как ты это дело финансируешь, собственно говоря?

Этого вопроса он совсем не ожидал. Мгновенно вспоминается разговор с матерью накануне вечером, который он старался забыть.

— Ну я скопил кое-что. Еще занял в разных местах. И Амунд тоже.

К счастью, она, похоже, не собирается развивать эту тему.

— А обязательно все свечки зажигать? — спрашивает он.

— Обязательно, — говорит она, колдуя над последними свечами. Потом останавливается и смотрит на него. — Как ты думаешь, получится у нас? — спрашивает она. — Сегодняшний вечер, празднование это, вообще все. Мы же сидим безвылазно в этом доме, и два этих чужака рядом, и бедняга Уле крутится как белка в колесе.

Карл старательно складывает салфетки и пытается ухватить за хвост промелькнувшую мысль. На салфетках изображена стилизованная елка, может, он о деревьях подумал? Лес, дерево, мох.

Бег по мягкой лесной подстилке из хвои. Это что же, Сюсанне снова пытается проникнуть в его мысли? Он отмахивается от соблазна рукой и замечает, что Дорте остановилась и не сводит с него глаз.

— Что тебя мучает? — спрашивает она.

— Да нет, ничего. Просто подумал о Сюсанне. А уж давно не вспоминал ее… очень давно.

Дорте подходит и обнимает его, прижимается щекой к его плечу. Волосами, которые от влажности вьются колечками, щекочет ему нос.

— Я догадывалась, что ты по-прежнему думаешь о ней, — бормочет она.

— Я же сказал, не думаю! Я о ней очень, очень долго не думал. А потом ни с того ни с сего подумал о ней сейчас. Понятия не имею, с какого рожна.

Дорте отступает на шаг и склоняет голову на бок. Не верит ему, точно. Он добродушно толкает ее в плечо.

— Она видением проскользнула мимо, но сейчас ее и след простыл.

— А она с тобой не связывалась после того, как…

— Нет. Такой у нас был уговор. А уговор дороже денег, так ведь говорят?

— Ну, это как посмотреть.

— В твоем мире, может быть. Но не в моем.

Открывается дверь, входит Ян Инге. Останавливается и пустым взглядом обозревает стол. Ты-то обжора почище своего пса, думает Карл. И внезапно понимает, что еще несколько лет назад вполне мог сказать это вслух. Теперь же разумно помалкивает. Может быть, взрослеет наконец?

— Суп днем? — говорит Ян Инге. По его голосу слышно, что это для него не настоящий обед.

— Зато к нему фокачча, — утешает Дорте.

Показывая рукой на джинсы Яна Инге, Карл качает головой.

— Так и ходишь в мокрых брюках?

— У меня только они одни и есть, да еще костюмные.

— Простудишься же, ты что! Пойдем ко мне в номер, думаю, я найду тебе что-нибудь подходящее.

— Нет у тебя брюк, которые влезли бы на меня, — говорит Ян Инге, похлопывая себя по животу.

— Ерунда. Идем, — говорит Карл, придерживая дверь для мужа сестры. Ян Инге ныряет в проем, Дорте остается разложить ложки и расставить стаканы поаккуратнее. Ее зеленый джемпер

ярким пятном светится в комнате. Как мерное зеленое мерцание маяка.

Анетте

Расправившись с третьей порцией супа, Ян Инге отодвигает тарелку.

— А еще тарелочку, на десерт? — поддразнивает его Карл.

— Эта и была на десерт, — говорит Анетте.

Окидывает мужа нежным испытующим взглядом. Щеки у него пылают, на лбу выступили капельки пота.

— Ты у меня не заболеваешь ли?

— Нет-нет, наоборот, согрелся.

Все нахваливают суп, благодарят Уле, который заглянул на секунду, и тех двоих, кто, собственно, всего лишь накрыли на стол. Анетте и сама должна признаться, что этот суп из цветной капусты чуть не лучший из тех, что ей доводилось отведать. Это внушает надежды на качество праздничной трапезы, ожидающей их вечером. А пока единственное, чего ей хочется, это вязать. Как раз перед тем, как их позвали обедать, она ввела нитку нового цвета. Вишневая полоска на бежевом фоне; вроде красиво получается. Еще два ряда туда-обратно, и можно будет добавить еще цвет, вывязывая квадратики белой пряжей.

Ничто так не успокаивает, как работа руками, когда вывязываешь узор и видишь, как вещь постепенно обретает форму.

Анетте больше не переживает из-за того, что им целый день придется слоняться без дела. Ведь полдня уже прошло, родители наверняка будут долго отдыхать, а хозяину скоро опять потребуется помощь. Вот пускай Карл с Дорте и похлопочут, сама-то она за всю жизнь достаточно потоптала на кухне.

— А не вздремнуть ли после обеда?

Отец дает понять, что можно выйти из-за стола. Сминает салфетку в шар и встает. Подает руку матери, от этого жеста на душе у Анетте становится радостно. Когда отцу нечем заняться, он бывает довольно вредным, а нечем заняться ему обычно вдали от дома. Но сейчас, как ни странно, он кажется вполне спокойным. К тому же у всех поднялось настроение, когда выяснилось, что, пока они обедали, Уле переместил непрошеных гостей в комнату для собраний. Юбиляры удаляются рука об руку. Дорте поворачивается к Анетте и Яну Инге.

— Если вам хочется прилечь, я могу все убрать.

Анетте обиженно откликается:

— Не такие уж мы старые и немощные!

— Ну если честно, я чуточку соснул перед обедом, — говорит Ян Инге.

Анетте шлепает его по ляжке. Штанина под ее рукой натянута туго. Какие-то трениками, одолженные ему Карлом.

— Приведи Лабана, а? Пусть побудет с нами до ужина.

Ян Инге уходит. Дорте с Карлом убирают со стола, и Анетте выскальзывает вслед за мужем. В холле теперь, когда там больше не пыхтят и не храпят два мужлана, пусто и тихо. Огонь потух; она подкладывает в камин пару полешков и пытается вдохнуть жизнь в тлеющие угли. Не получается, только по комнате разлетаются легкие белые хлопья золы. Оставив безуспешные попытки, Анетте трет рукой глаза, запорошенные золой, и усаживается вязать. Но дело не идет, она сидит и прислушивается. Глухие стуки из столовой и кухни не заглушают шума вновь зарядившего дождя. Неужели так и будет лить все время? А если дорогу и в другом месте завалит? Уле думает, что завтра в течение дня их, скорее всего, заберут отсюда. Как — неизвестно. А вдруг сойдут еще оползни…

В коридоре слышатся шаги. Обычно пес мчится впереди, но сейчас Ян Инге появляется один.

Останавливается перед ее креслом.

— Кажется, Лабан заболел. Его вырвало.

— Да ты что? И он не пошел с тобой?

— Он спрятался под кроватью. Я не сумел его выманить.

Анетте сидит и смотрит прямо перед собой. Этого только не хватало. Больная собака сейчас, когда они застряли в этом медвежьем углу.

Ян Инге стоит столбом. Все пытается засунуть руки в карманы, вот только на одолженных штанах карманов нет, вот он и стоит, переминается.

— Пойдем, посмотришь его?

— Ты блевотину-то убрал?

— Да. Было-то немного. Его и давеча вырвало, на прогулке.

— Ты мне не говорил!

— Не говорил, но с ним же бывает. Раз, и стошнит.

— Может быть, переел своих вкусняшек? Ему нельзя давать много сушеной печенки, которую ты купил в последний раз.

— Я ему вообще ничего не давал. — В голосе Яна Инге проскальзывает обида.

Анетте жалеет, что ляпнула лишнее. Бедняга, ему ведь сегодня пришлось несколько раз мокнуть под дождем. Просто он ни в чем не может

отказать своему псу. Сует ему вкусняшки, стоит ей отвернуться.

— Иду, иду.

Анетте аккуратно кладет вязание на кресло и следует за Яном Инге по стеклянному коридору. Накануне вечером, когда они шли из одного крыла здания в другое, вкрадчиво играла джазовая музыка, горели и отражались в стекле большие фонари. Сейчас здесь полутьма, все тихо. Анетте искренне надеется, что хозяин сумеет справиться с приготовлениями в одиночку. Ему ведь приходится еще заниматься теми двумя, попавшими в оползень. Он заверял, конечно, что ужин пройдет так, как они и планировали, и что речи быть не может о том, чтобы охотники сели за стол вместе с их семьей. Но кто может поручиться, что они за весь вечер не выйдут из комнаты для собраний?

Вообще-то Уле производит впечатление надежного человека. И собой хорош. Анетте видела, как сестра на него поглядывает. Это неудивительно. А он-то держит себя в узде?

Воздух в номере сырой и спертый. Собачья лежанка пустует, а Лабан и правда лежит под кроватью. Забился в дальний угол у изголовья, спиной прижался к стенке. Одни глаза поблескивают.

— Что же ты, Лабан наш миленький, что с тобой такое? Тебе нехорошо? Не хочешь к нам?

На слова Анетте он слегка приподнимает голову. Анетте лезет под кровать, ощупывает ему голову, нос. Сухой и горячий.

— Но здесь-то нельзя лежать, понимаешь!

Лабан снова кладет голову на пол. Не похоже, чтобы он собирался вылезти. Ян Инге опустился на колени рядом с кроватью, в его голосе звенит беспокойство:

— Как ты думаешь, может, он забрался на кухню и налопался там чего-нибудь? Или Уле дал ему поесть? Может, он не знает, что собакам нельзя шоколад… и виноград.

Анетте выползает из-под кровати и садится на колени рядом с Яном Инге.

— Не думаю, чтобы Уле дал Лабану что-нибудь без спросу. Но можно узнать у него, не попадался ли ему Лабан на кухне.

— Вот прямо сейчас пойду и узнаю.

Анетте с трудом распрямляет ноги и тяжело плюхается на край кровати. Коленки ноют. В голове носятся всякие мысли. Она слышала, что животные уползают и прячутся, когда чувствуют приближение смерти. Но не может быть, чтобы все было настолько серьезно. Что они скажут

дочкам, если с Лабаном что-нибудь случится? Первый вопрос Каролины, когда она по воскресеньям звонит из Бразилии, всегда о Лабане. Как там дела у моего лапочки? Девочки придумали своему любимцу столько смешных прозвищ, будто мало, что у него и кличка смешная: “Лабан” значит “шалопай”. Вспомнилось, как однажды он подавился косточкой. Операция стоила несколько тысяч. Но у них не было выбора, девочки плакали и умоляли спасти его. И с тех пор он ничем не болел. Но теперь-то, тут, вдали от людей, от ветеринаров, что они могут?

Тренькает мобильный: конечно же, это сообщение от Каролины, которая спрашивает, во сколько ей ждать звонка сегодня вечером. Они договорились, что девочки устроят бабушке с дедушкой сюрприз — поздравят их в “Зуме”, но время звонка заранее не определили. Лучше всего во время ужина, не слишком рано, но и не так поздно, чтобы Кристина усвистела развлекаться. Анетте никак не сообразит, что ответить.

Когда Ян Инге возвращается, она все сидит и пустым взглядом смотрит на экран телефона.

— Уле не видел, чтобы Лабан заходил на кухню, и еды ему не давал. — Ян Инге подсаживается к ней на кровать. — А ты чего такое делаешь?

— Да вот Каролина спрашивает, во сколько ей сегодня вечером ждать звонка. А откуда мы знаем, в какое время, мы же понятия не имеем… Все может сдвинуться из-за того, что Уле один готовит еду, и потом, мы не знаем, что такое с Лабаном…

Последние слова завершаются всхлипом. К изумлению Яна Инге, да и к собственному тоже, Анетте разражается отчаянным плачем. Плечи ходят ходуном. Ян Инге придвигается поближе и прижимает жену к себе.

— Да ничего такого особенного с Лабаном, наверное? Ну съел что-то, чего его организм не принимает, все образуется.

— Но на него совсем не похоже, чтобы он куда-то забился, спрятался. Я его таким никогда не видела.

Голос у нее срывается. Ян Инге растерянно гладит ее по спине. Потом приносит из ванной моток туалетной бумаги. Она берет бумагу, утирает сопли и слезы, но они льются только еще сильней. Он приносит еще бумаги. Высморкавшись, она всхлипывает:

— Я не понимаю… просто я так устала. Или нет, не устала. Я боюсь. Тут все… все совсем не так, как должно быть!

— Но чего же ты боишься? Мы здесь в безопасности. У нас есть крыша над головой, и еда, и…

— Нам отсюда не выбраться, — рыдает Анетте. — Могут и еще оползни сойти. А Лабану обязательно надо к ветеринару.

И тут под кроватью что-то происходит. Они слышат, как Лабан скребет лапами, и вот он уже выползает из-под кровати. Выбравшись полностью, он с трудом усаживается. Обнюхивает колени Анетте, кладет на них голову и поднимает на хозяйку странный взгляд. Не свой привычный просительный взгляд. Не нетерпеливый взгляд “а скоро гулять?”. Странный, пустой, черный взгляд.

— Хочешь утешить меня, да? А? Услышал, что мама расстроилась, и пришел утешить?

Анетте нежно гладит его по голове. Ян Инге склоняется над Анетте и тоже гладит собаку.

— Умничка ты наш. Тебе не получше?

В ответ раздается неровное тоненькое попискивание. Анетте нагибается и целует пса в нос.

— Что нам с тобой делать, Лабан? Что же нам с тобой делать? — бормочет она.

Раздается стук в дверь, и не успевают они откликнуться, как появляется голова Карла.

— Как у вас дела? — спрашивает он, переводя

взгляд с сестры на ее мужа. — Уле сказал, что Лабану нехорошо?

Карл входит, и Лабан слабо шевелит хвостом.

— Привет, приятель, нехорошо тебе, да?

Карл присаживается рядом с собакой. Лабан лижет его в нос и снова опускает голову на колени Анетте.

— Вроде бы ему немного получше сейчас, — говорит Ян Инге.

Карл поглаживает Лабана по спине. А потом начинает осторожно ощупывать ему бока и живот.

— Просто я боюсь, что он наелся испорченного мяса, — говорит он, не поднимая глаз.

— Испорченного мяса? — Анетте наклоняется вперед. — Откуда?

Карл отвечает не сразу, продолжает щупать пса. Потом откидывается назад, прислоняется к стене и смотрит на Яна Инге.

— Я давеча заглянул в рюкзаки охотников, они полнехоньки сырого мяса. Я сразу не сообразил, что Лабан мог добраться до него, пока рюкзаки стояли на крыльце. А мясо испорченное, в худшем случае отравленное. Надо, наверное, спросить у Лейфа и Гейра без обиняков, не начинили ли они мясо ядом.

— У Стейна и Гейра, — бормочет Ян Инге.

— Но ему могло стать плохо просто потому, что мясо протухло, — продолжает Карл. — Кто его знает.

— Конечно, зачем бы им понадобилось отравленное мясо? — спрашивает Анетте, к которой вернулся дар речи.

— Затем, что они вовсе не лис собирались подманивать, а убивать волков.

Лабан издает протяжный дрожащий вздох, будто подчеркивая чудовищность сказанного Карлом. Анетте осторожно гладит его указательным пальцем по мягкой впадинке между глаз.

— Господи, — только и говорит она.

Ян Инге встает и начинает ходить взад-вперед по тесному проходу между кроватью и платяным шкафом.

— Представим, что чего-то они в мясо напихали. Тогда нам нужно постараться узнать, чего именно, тогда хоть будет понятно, что спрашивать у ветеринара.

Карл еще раз озабоченно и очень внимательно осматривает Лабана, потом неловко поднимается на ноги.

— Прямо не знаю, не могу заставить себя зайти к ним. Может быть, уговорю Уле поговорить с ними. Но все-таки хочется сразу сказать им о

наших опасениях, пусть знают. И тоже озаботятся состоянием Лабана.

На пороге он оборачивается и кивает в сторону окна.

— Проветрить бы немного, — говорит он, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Ян Инге подходит к окну и начинает дергать за ручку. Одна половина не поддается вообще, но вторую в конце концов удается распахнуть. Вдохнув напитанного влагой воздуха, он принимается чихать.

— Ты простыл, — говорит Анетте без всякого выражения.

Ей не хочется двигаться, пока на ее бедре покоится голова Лабана. Но из пасти у него текут слюни, юбка уже промокла. Нога чешется, и Анетте осторожно меняет позу. Лабан снова обращает на нее этот свой бездонный взгляд, потом сползает на пол и остается лежать у ее ног.

— Может, попробовать уложить его на подстилку? — говорит она тихонько. — Ему ведь там будет лучше?

Ян Инге издает последний мощный чих.

— Ты простыл, — повторяет Анетте.

— Надо заставить его попить.

Ян Инге подталкивает миску с водой поближе

к собаке. Отливает немножко воды в горсть и подносит к собачьему носу. Нос подрагивает, и Лабан приподнимает голову настолько, чтобы вылакать немножко воды. А потом облизывает пальцы Яну Инге.

— Мне кажется, он просто хочет меня порадовать, — говорит Ян Инге. — Надо звонить ветеринару, просить совета.

— Сегодня суббота, и день уже заканчивается. А мы даже не знаем, чего он такого наелся.

— А я думаю, все-таки надо позвонить.

Карл

В холле никого. Из-за закрытой двери комнаты для собраний не слышно ни звука. На кухне хозяин сосредоточенно колдует над жарким из двух отличных кусков оленины, а Дорте управляется с большой посудомоечной машиной так, словно всю жизнь только этим и занималась. Она оборачивается, в руках у нее поднос с чистыми бокалами и чашками.

— А, это ты. Как дела у собаки?

Она всегда говорит “собака”, а не “Лабан”. Сестра любит ходить в горы, а в последние годы все больше увлекается защитой животных. Но она никогда не выражала желания завести собаку или другого домашнего питомца. Сам-то он всегда

мечтал о хомячке, кошке и пони, но эта розовая мечта с примесью горечи так и не осуществилась. Поскольку они жили на территории школы, о том, чтобы держать животных, нечего было и думать.

— Неважно. Он вялый такой, впечатление, что ему уже все равно, что будет. Я почти на сто уверен, что ему перепало мяса из рюкзаков, стоявших на крыльце. И вот подумываю, не начинили ли двое храбрых охотников мясо каким-нибудь ядом.

Уле оборачивается молча, но лицо напряженное. Карл так и видит, как в его голове крутятся разные мысли.

— Ой-ой, — бормочет Дорте.

— Похоже на то, разве нет? — продолжает Карл, не сводя глаз с Уле. — Это ведь у них отравленная приманка? Волков не раз уничтожали таким способом.

— Я знаю, что так делают, — тихо говорит Уле. — Слухи всякие ходят. И могу предположить, что Стейн и Гейр среди тех, кто балуется охотой, даже когда это запрещено. Но ядовитая приманка — это уж слишком. Мне не верится. И чтобы так неосторожно обращаться с ней?..

— Пес вряд ли мог так сильно отравиться,

просто поев подтухшего мяса, — резко бросает Карл. — И если в мясо на самом деле добавлен яд, надо выяснить какой, чтобы оставался шанс спасти Лабана.

Дорте издает слабое восклицание. Неужели до нее только сейчас дошло, о чем речь, что поставлено на карту? Карл понимает, каково ей. Серьезно больная собака сестры гораздо сильнее угрожает испортить так долго готовившееся празднование, чем дождь, оползень и незваные гости, вместе взятые.

— Так ты хочешь, чтобы я с ними поговорил?

Уле ставит формы с подготовленным мясом в холодильник и идет к раковине вымыть руки.

— Я понимаю, что тебе нелегко, — говорит Карл ему в спину. — Но мы не собираемся заявлять на них в полицию. Нам нужно только знать, каким ядом они пользуются. Если они не скажут, а собака умрет… то им придется за это ответить.

Уле идет к двери.

— Я с тобой, — говорит Карл.

Уле на это не отвечает, возможно, он предпочел бы договориться с мужиками в одиночку. Карл решает держаться на заднем плане. Уле стучится в дверь комнаты для собраний, выжидает пару секунд и входит. Внутри царит полутьма, толь-

ко в щелочку между гардинами просачивается тонкая полоска дневного света. Карл неуверенно подходит поближе. Стол для заседаний занимает большую часть помещения, на стоящих вокруг него стульях мужчины развесили свою одежду. У торцевой стены стоит большая белая доска, и по бокам от нее, неудобно устроившись на стульях, лежат охотники. Когда входит Уле, один из них, старший, чуть приподнимается. Щурится из-под толстого пледа.

— Ну что еще?

— Извините за беспокойство, — говорит Уле. — Но нам нужно выяснить одну вещь.

Молодой охотник тоже начинает ворочаться. Уле повышает голос.

— Собака гостей сильно заболела, мы думаем, что она поела мяса из рюкзаков, которые вы оставили на крыльце.

— Да он чего угодно мог наесться! — говорит Стейн. — На кухне или на дворе.

— Лабрадоры метут все подряд, — поддакивает Гейр. Из-под одеяла торчат встрепанная голова и две белесые ноги.

— Да, а вот он сожрал половину мяса, что было в одном из рюкзаков. — Карл не может удержаться и встревает в разговор. — Я проверил. Он точно

добрался до приманки и налопался ее.

— Никто вас ни в чем не обвиняет, — говорит Уле. — Но, если вы чем-то начинили мясо, нам надо знать чем, собаке нужно помочь.

— Начинили чем-то? Не понял?

Похоже, Стейн просто тянет время.

— Неясно, что ли, что он про яд. В ваших краях такое не редкость, — резко говорит Карл.

Стейн выворачивается из-под одеяла, видимо, собирается встать. Уле останавливает его движением руки.

— Нам надо только узнать, что там было в этой приманке. И мы оставим вас в покое.

— Да б… испорченное мясо. Лежало долго, начало вонять. Тухлятина! Ты ж знаешь, мужик, что у приманки должен быть запах?

— Значит, ты гарантируешь, что туда ничего не добавляли? — Уле потихоньку пятится к двери.

— А ты, ты гарантируешь, что в этом доме нигде не разложен крысиный яд? — бросает Стейн ему вслед.

Уле останавливается.

— Уверяю вас, что нет. — Теперь в его голосе сквозит злость. — И если уж мы заговорили о том, кто что гарантирует, пойду-ка я спрячу винтовки в безопасное место. Запру их пока у себя

в кабинете.

В ответ слышит только хмыканье; берет по ружью в обе руки и, проходя мимо Карла, качает головой и буркает что-то в том духе, что, мол, чего только не наслушаешься…

Карл старательно закрывает за ним дверь. Видит, что Уле отпирает узкую дверцу позади стойки бара и заходит туда.

Карл медленно идет в сторону кухни. Не слишком ли это, забрать оружие? У него снова возникает ощущение, что Уле знает об этих людях больше, чем рассказывает.

Дорте, собирающая на кухонный стол продукты для готовки, вопросительно взглядывает на Карла. Он пожимает плечами.

— Они уверяют, что в рюкзаках было просто мясо.

— Но ты им не веришь?

— Нет. Я тут нужен?

— Я собрала все для первого блюда. Не поможешь мне приготовить его?

Рядом с раскрытой кулинарной книгой лежат яйца, дрожжи, масло и мука. Горшочек с зеленым луком. Банка с перламутрово-оранжевой икрой. Карл читает рецепт, не воспринимая смысла. Дорте встает рядом.

— Русские блинчики, это такие маленькие…

— Что я, не знаю, что такое русские блинчики?

— Ладно, ладно.

Дорте отходит. Карл поднимает руки к лицу; ладони пахнут псиной. Нельзя работать на кухне такими грязными руками. Тщательно вымыв руки, он принимается смешивать тесто для блинчиков.

— Как там Анетте с Яном Инге?

Окончив мыть посуду, Дорте собирает волосы в хвост и закрепляет резинкой. На кухне воздух влажный, волосы вьются сильнее.

— У Анетте глаза красные. Она будто оцепенела вся.

— Вообще не помню, чтобы сестра плакала.

На кухню влетает Уле, распашная дверь еще несколько мгновений болтается туда-сюда. Вжик-вжик. Уле резко останавливается и одаривает их мрачным взглядом.

— В любом случае, спасибо, что ты хотя бы попытался, — говорит Карл. — Но теперь я даже не знаю, что и делать. Раз уж они тебя не хотят слушать…

— Идите, помогите своей сестре. Здесь я все сделаю.

Они покидают кухню, как послушные дети.

Идут по стеклянному коридору, и Карл одной рукой обнимает Дорте за плечи. Она поднимает на него глаза.

— Как быть, когда мама с папой встанут после дневного отдыха? Не будем им рассказывать?

— Что Лабан заболел? Вряд ли получится.

— Да нет, я не о том, — шепчет она. — Я про мясо и яд и…

Они осторожно стучатся в дверь. На сей раз Карл дожидается, пока не услышит тихое “войдите”. Теперь воздух в комнате немного свежее. На лице Анетте следы недавних слез почти не видны, а Лабан лежит на своей подстилке. Карлу бросается в глаза, что вокруг пасти у собаки тонкой полоской налипла пена. Он никак это не комментирует, спрашивает только, сам ли Лабан перебрался на лежанку или его перенесли.

— Отчасти заманили, отчасти перетащили, — отвечает Ян Инге.

Только теперь Карл замечает, что у зятя к уху прижат мобильник. Видимо, дожидается в очереди.

— Ветеринару?

Анетте кивает одновременно с Яном Инге.

— Они отпираются, говорят, что мясо не было отравлено, — говорит Карл. — Но что-то я сомне-

ваюсь.

Дорте опускается на колени возле Лабана.

— Эх, собака ты, собака! — говорит она и осторожно кладет руку ему на спину. Карл вдруг понимает, что это она так ласково называет Лабана. Собака! Нежнее ведь и не скажешь?

Лабан приподнимает голову, но снова опускает ее на пол. Глаза у него блестящие, стеклянистые.

Ян Инге дозванивается наконец и, запинаясь, описывает ситуацию. Анетте пытается подсказывать ему, но он раздраженно отмахивается от нее, выходит в коридор и закрывает за собой дверь. Его голос звучит то громче, то тише. Карл представляет себе, как он там расхаживает по коридору, не останавливаясь. Карл присаживается на кровать и кладет руку на плечи сестре. Чувствует, как она дрожит, и хочет сказать ей, что все будет хорошо. Но тогда лучше бы ему и самому в это верить. Что толку от советов ветеринара, если они не могут им последовать? Кто знает, найдется ли на хуторе то, что им надо.

Дорте так и сидит рядом с лежанкой пса. Листает что-то в телефоне.

— Я так и думала, — говорит она. — Можно позвонить в справочное по отравлениям. Они работают круглосуточно.

— Отлично, — говорит Карл. — Давай, звони.

Теперь Дорте дожидается в телефонной очереди. Ян Инге возвращается с непроницаемым лицом, ищет, куда положить мобильный. В конце концов находит место на подоконнике.

— Не очень-то они помогли, да? — констатирует Анетте.

— Они ничего не могут сделать, не осмотрев его, — отвечает Ян Инге. — Но они сказали, что можно попробовать дать ему угля.

— Какого угля? — вступает Дорте. — Который берут с собой на юг на случай поноса?

— Это таблетированный уголь, — объясняет Анетте. — А есть еще жидкий уголь, он действует сильнее. Уголь связывает разные вещества.

— А пожалуй, неплохая идея, — медленно говорит Карл.

— Может быть, уголь нейтрализует вещество, попавшее ему в организм? Только вот есть ли уголь в этом хозяйстве?

— Я, во всяком случае, не ношу его с собой в сумочке, — говорит Анетте. — Неужели они не могли еще что-нибудь посоветовать?

— Ветеринар сказал, что если собака наелась испорченного мяса, то пусть все идет своим ходом. Тогда надо давать ему побольше воды и ак-

тивированного угля, если у нас есть с собой, — и просто ждать, что будет. Именно этими словами. Ждать, что будет. Когда я сказал, что он вялый и не хочет шевелиться, она явно насторожилась. Но пока они не знают, о каком яде идет речь, ничего другого они посоветовать не могут.

— Пойду посмотрю, может быть, у нас найдется уголь, — вздыхает Карл, поднимаясь. Взглядывает на Дорте. — Когда дозвонишься, поподробнее опиши, как он… да ты сама видишь.

Дорте кивает, в глазах стоят слезы. На лице читается тревога. Совершенно ясно, что Лабану плохо. Он часто дышит, у него хлюпает и пищит в носу, в ноздрях надуваются пузыри, они тут же лопаются или втягиваются назад. Ян Инге стоит с повисшими вдоль тела руками и пустым взглядом смотрит в спину Карла, выходящего в дверь.

На кухне полнейший порядок, все поверхности стерильно чисты. Из холодной кладовки выходит Уле с охапкой овощей. На вопрос, не найдется ли у него угля, жидкого или в таблетках, он сначала качает головой.

— В аптечке у нас ничего такого нет, это я точно помню. — Кладет овощи на стол. — Но пойду-ка, пожалуй, посмотрю в запасах у Элисабет. У нее в одном ящике хранится всякая всячина, обычно

никому не нужная. Я скоро!

Он скрывается в двери на другом конце кухни, и почти сразу над головой Карла раздаются шаги. Топот, скрип половиц. Кухня новенькая, современная, стерильная, но само здание, должно быть, возведено давным-давно. Любопытно было бы посмотреть, какая обстановка в комнатах Уле с женой. Непривычно ведь жить практически там же, где работаешь, когда между тобой и ордой постояльцев, за которых ты несешь ответственность, всего лишь дверь и лестница. Взяв горсть орешков из блюдца, стоящего на столе, Карл задумывается о том, сможет ли он быть таким же терпеливым со своими туристами, как Уле с членами его семьи.

Уле скоро возвращается, в руках у него плоская коробочка. Встряхнув, он передает ее Карлу.

— Почти полная. Но вы правда думаете, что псу это поможет?

— Вопрос-то в том, чего именно он наелся. — Карл открывает коробочку и достает два блистера. Не хватает всего двух таблеток. — Но лучше хоть что-то сделать, чем ничего.

— Ему не стало лучше?

— Нет. И это явно не просто расстроенный желудок. Черт бы их побрал, этих мерзавцев с их

ядовитой приманкой, что они туда пихают?

Уле пожимает плечами.

— Я читал о волках, которых умертвили таким способом. Может быть, поискать в интернете, что об этом писали в новостях?

Входит Дорте, и Карл машет у нее перед носом коробочкой с таблетками.

— А, здорово, — говорит она. — Но как заставить его проглотить их? Он даже пить отказывается!

— Придется затолкать таблетки ему в глотку, — говорит Уле.

— Но они совсем сухие. — Карл достал одну таблетку и крутит ее в пальцах. Пальцы окрашиваются в черный цвет. — И большие.

— В справочном по отравлениям сказали то же самое, — говорит Дорте. — Дать ему угля. Наверное, тогда лучше бы жидкого. Его ведь надо очень много. Она беспомощно смотрит на них. — Мы же все равно не можем ничего другого сделать, пока не знаем, чем он отравился?

— Может быть, поговорить с охотниками попробуешь ты? — предлагает Карл. — Не будут же они так по-хамски вести себя с женщиной.

С тем же успехом он мог предложить ей спрыгнуть со скалы. Дорте бледнеет.

— Уле забрал у них оружие, так что они тебя не

пристрелят!

— Не шути так, Карл.

Карл снова устремляется в другое крыло, Дорте едва успевает за ним. Анетте и Ян Инге сидят на полу по обе стороны собачьей лежанки. Их взгляд Карлу как нож в сердце. В нос шибает резкая вонь.

— Смысла нет вытирать за ним, — говорит Ян Инге. — Пока он здесь лежит.

Под собачьим задом растеклось темное пятно. Карл едва сдерживается, чтобы не зажать нос. Дорте отходит к распахнутому окну. Стук дождя кажется вдруг освежающим и радостным.

— На тебе уголь.

Карл протягивает упаковку Яну Инге, который достает один блистер и внимательно рассматривает его.

— Они сказали, сколько ему дать? — спрашивает Анетте.

— Надо попытаться впихнуть в него как можно больше.

Раздается стук в дверь.

— А вдруг это мама? — шепчет Анетте.

Карл приоткрывает дверь. Нет, это охотник, тот, что помоложе и покряжистее. Чуть поодаль ангелом-хранителем маячит Уле.

— Я… я тут подумал про одну вещь, вдруг да поможет, — говорит он, запинаясь; он явно чувствует себя не в своей тарелке.

Не произнеся ни слова, Карл открывает дверь и показывает, чтобы охотник вошел. Тот неуверенно входит в номер. На охотнике камуфляжные брюки, но особенно воинственным он не выглядит из-за вязаного свитера в катышках. При виде сцены в углу, между стеной и кроватью, он застывает. Два человека в отчаянии над ложем горячо любимой домашней собаки. Запах блевотины, поноса и страха тоже, должно быть, произвели впечатление.

— Это, ну… жаль, что так вышло, — начинает он. Все молча смотрят на него.

— Если это из-за мяса, попробуйте дать ему угля с желтками, — говорит он. — Уле сказал, что уголь вы нашли, и я тогда вспомнил… Мне это посоветовали, когда у меня собака поела мяса, которое я поставил на засолку. У нее был солевой шок, она шевельнуться не могла, стояла только и дрожала. Я в нее натолкал желтков и таблеток угля, и через пару часов она смогла выбраться на двор, стояла писала минут десять. На том все и кончилось.

— Похоже, что здесь тоже все скоро кончит-

ся, — жестко бросает Анетте.

— Все-таки стоит попробовать, — говорит Уле. Только теперь Карл видит, что у него в руках картонка с яйцами.

В номере тесно, Карл пятится и чуть не упирается в Дорте. Охотник тоже пятится, но наталкивается на стену. Его взгляд бегает по комнате; он не находит, на чем его остановить.

— Если смешать таблетки с желтками, глотать их будет легче, — бормочет он, отходя бочком в сторону коридора. И как только Уле и Ян Инге начинают возиться с яйцами и таблетками, спешит выскочить вон. Но ему не суждено умереть во грехе. Карл выходит следом и нагоняет его перед самой стойкой.

— Постой-ка!

Парень неохотно останавливается и оборачивается.

— Свейн, так тебя зовут?

— Гейр.

Волосы у него уже начали редеть, но лицо округлое и гладкое, вряд ли ему больше тридцати. От него несет какой-то кислятиной, так пахнет от холостяков, которые не умеют правильно стирать и сушить шерстяные вещи. Высокий с бородой — отец ему, что ли, думает Карл, или они про-

сто товарищи по охоте? Как бы то ни было, этот кажется Карлу, меряющему его взглядом, более сговорчивым. На приборной доске застрявшего автомобиля у него, как и можно было ожидать, наклейка с девизом “Настоящий мужчина стреляет волков”. Карл решает не церемониться.

— Для волков или лисиц вы эту приманку готовили, неважно, она отравлена. Просто от тухлого мяса псу не стало бы так плохо. У тебя это последний шанс спасти собаку, мирно с нами договориться и остаться честным человеком. Какой дряни вы насовали в приманку?

Гейр мелко моргает, нервно переступая с ноги на ногу.

— Ничего… ничего другого все равно…

— Чего ничего?

— Чем дать ему яиц и угля. Здесь в горах… здесь ничего другого сделать нельзя…

— Гейр! — раздается резкий окрик. В дверях комнаты для собраний возник старший, более рослый охотник.

Обернувшись, Гейр пытается отодвинуться от Карла, но тот успевает схватить его за локоть.

— Что ты сказал… Значит, он в любом случае от этого яда умрет?

— Что здесь происходит?

Второй охотник стеной встает между ними. Но Карл такого же роста. Выпустив руку Гейра, он смотрит старшему мужчине прямо в глаза.

— Мы не идиоты. Понимаем, что вы мясо отравили. Нам нет никакого резона на вас заявлять. Мы просто пытаемся спасти псу жизнь.

— Может, все будет хорошо, — говорит Гейр. — Я своей собаке давал, и обошлось.

— Да не обойдется, если там яд, сам же понимаешь! — кричит Карл. — Скажите же наконец, какой дряни вы насовали в это чертово мясо?

Высокий плотно сжал зубы. Знаком показывает Гейру, чтобы шел в комнату для собраний. Карл видит, что парень колеблется, и пробует еще раз.

— Ну говори же, — молит он. — скажи, что за яд.

Гейр что-то бормочет. Проглатывает гласные, остается что-то вроде *“нтыфрыс”.*

Старший из охотников разворачивается и уходит в комнату для собраний, но Карл успел заметить, какие молнии метнули его глаза. Гейр шкандыбает следом, оглядываясь через плечо. Отчаяние в его глазах неподдельное. Когда оба мужчины скрываются за дверью, закрыв ее за собой, в стеклянный коридор быстрым шагом входит Уле. И резко останавливается.

— Настоящие мужчины отравили свою приманку антифризом, — говорит Карл, проходя мимо него. — А ради собственной безопасности взяли с собой винтовки, — бросает он через плечо.

Добравшись до другого крыла, он видит, что из своего номера выходят отец с матерью. Что же придумать? Они ведь не договорились между собой, что сказать родителям. Но какой смысл делать вид, что все в порядке? Мать улыбается, увидев Карла.

— Весь в делах? — ласково спрашивает она.

— Мне нужно зайти к Анетте, сказать ей кое-что. Вы идите к камину, мы к вам скоро присоединимся.

Отец окидывает его проницательным взглядом.

— Что-то не так?

— Да вот, Лабан заболел, нужно, чтобы я помог немножко. Я скоро вернусь!

— Заболел? — спрашивает мать. — А что с ним?

— Его слабит, — говорит Карл, пытаясь выразить лицом, что не стоит им знать подробностей.

Это срабатывает. Они осторожно проходят мимо двери номера Анетте и Яна Инге и идут дальше. Дождавшись, когда родители свернут в

стеклянный коридор, Карл заглядывает в номер. Лабана удалось поставить на ноги. Ян Инге поддерживает пса снизу, Дорте раздвигает руками его челюсти, а Анетте аккуратно вливает ему в глотку желтки. Они сосредоточены и не могут отвлечься от своего занятия. Карл пользуется моментом, чтобы поискать в мобильном телефоне информацию об антифризе, и выясняет, что в нем содержится ядовитое вещество этиленгликоль. Зайдя на сайт службы здоровья, он видит, что состояние Лабана соответствует описанным там симптомам.

— Сколько? — слышит он голос Яна Инге.

— Два желтка и восемь таблеток вроде бы, — выдавливает из себя Анетте.

Карл потрясает в воздухе еще не погасшим мобильным.

— Подождите. Я знаю, чего наелся Лабан.

Дорте

Дорте снова мчится через двор, переодеться. Морозная сырость в секунду пробирается под одежду. Рукава нового джемпера замурзаны собачьей слюной и яичным желтком. Поразительно, как резко стемнело. Последние часы пронеслись незаметно за суматохой, дурным запахом, телефонными переговорами и слезами. Ничего

удивительного, что она потеряла счет времени. Дрожа от холода, Дорте карабкается по крутым и скользким ступенькам. К счастью, она забыла выключить лампу над кроватью, так что хотя бы не придется внутри пробираться в темноте на ощупь.

В амбаре царит полнейший беспорядок. На кровати раскиданы одежда и косметика, на стенных крючках развешена промокшая походная одежда. Дорте решает надеть худи, в котором ходила накануне. Ни к чему тратить время на переодевание. И так все задерживается из-за драмы с собакой. Они с Карлом прямиком отправятся помогать на кухне.

— Все будет хорошо, — сама себе говорит Дорте вслух, моя руки и споласкивая лицо холодной водой. Вытирается, решает не краситься. — Все будет хорошо.

В тесной ванной ее голос звучит будто чужой. Руки все еще сохраняют память о чудесном мягком собачьем носе. Собачьей пасти, которую ей пришлось насильно раскрыть. Что ей сейчас нужно, так это бокальчик вина, да поскорей. И конкретное поручение, чтобы отвлечься; чистить, резать, мыть, да что угодно. Ключ, огроменный такой, она оставляет в двери. Раз уж

отсюда никому не выбраться, то и сюда ведь никому не проникнуть.

В холле сидят родители. Руки сложены на коленях. Сидят, будто ждут вызова на прием к врачу. На стуле валяется вязание Анетте. Дорте осторожно улыбается. Мать наклоняется вперед.

— Приходили, взяли пива, — говорит она тихим голосом.

Сначала Дорте не понимает, о ком это она. Анетте и Ян Инге, что ли, взяли пива? Но замечает, что мать косится в сторону двери в комнату для собраний. Дверь приоткрыта.

— А, ну понятно. Эти.

Дорте растеряна. Потом присаживается на корточки перед матерью и кладет свои ладони сверху на материны.

— Ну ничего, не страшно.

— А вдруг они напьются и начнут безобразничать?

Отец ничего не говорит, молча смотрит в камин. В его зрачках танцуют язычки пламени.

— Я уверена, что Уле за этим проследит. Только мамочка, мне нужно на кухню, помочь с ужином. У тебя ничего нет почитать? Принести тебе?

— А когда же Анетте придет? Чем они там занимаются?

— Наверное, разговаривают с ветеринаром, хотят узнать, как быть с Лабаном. Наверняка уже скоро придут.

Отец оборачивается и вперивает острый взгляд голубых глаз в Дорте.

— А что, собственно, происходит с псом?

Пес. Как-то нехорошо говорить так о собаке, которая, может быть, скоро умрет. Но сколько можно ему рассказать? Чтобы уж окончательно не испортить праздничный ужин?

— Он слопал что-то, что его организм плохо переносит, и довольно сильно расхворался. Так что Анетте и Ян Инге у себя в номере вместе с ним.

Мать, похоже, собирается встать, и Дорте пожимает ей запястье.

— Лучше не мешать им, мам. Ян висит на телефоне, звонит повсюду, пытается выяснить, что можно сделать.

— Но чего же он такого наелся-то? Ему же дают только сухой корм?

— Эта псина метет что ни попадя.

Псина. Пес. В словах, которые выбирает отец, его жизненная позиция. Практичная, лишенная сентиментальности. У Дорте никогда не получалось совместить резкий язык отца с тем человеком, каким она его считает. Да что там, с

тем человеком, каким он и является. Но у отца не всегда поймешь, язвит он или режет правду-матку.

Например, когда он высказывается о своем единственном сыне. Такое впечатление, что, когда он говорит о Карле, в его словах слышится ирония, а то и презрение. Когда Дорте прошлым вечером разговаривала с отцом, он скептически отозвался о планах сына работать на собственную фирму.

— И он, не умея отличить осины от дуба, собирается показывать людям природу? — ворчал отец.

Хорошо еще, Карл был занят разговором с матерью, и работал телевизор.

— Он занимался-то чем? Сноубордингом, серфингом, кайтингом, и как там еще все это называется. Что он знает о лесе, о жизни животных, о вегетации?

Дорте не стала ему перечить, надеясь, что отец замолчит, пока Карл не услышал его. Но теперь, когда отец так холодно говорит о собаке сестры, она чувствует, что в ней поднимается злость. Почему отцам так сложно гордиться своими сыновьями?

— Ну я пошла, мне надо помочь Карлу и Уле с готовкой.

Дорте переносит свою руку на подлокотник плетеного кресла, опирается на него и встает. Ей приходит в голову, что можно же включить телевизор. К счастью, показывают передачу о природе, а не какую-нибудь бесконечную новостную программу. На какое-то время родители отвлекутся.

На кухне сильно пахнет жареными грибами. Уле жарит крохотные золотистые лисички; они плавают в масле и скворчат. Дорте так и тянет к плите, понюхать. Все лучшее, что есть в лесу, сконцентрировалось в этом насыщенном аромате. Уле бросает на нее быстрый взгляд и улыбается, опустив глаза к сковородке, — теплой, едва заметной улыбкой, которая, может быть, предназначена ей.

— В вашем распоряжении, — салютует она.

— Мы тебе оставили настоящую синекуру, — говорит Карл за ее спиной.

— Правда, правда. — Уле улыбается еще шире. — Повысили тебя в звании с посудомойки на чистильщицу картофеля.

Уже стоит наготове большой пакет продолговатых золотистых картофелин, можно приступать. А где же вино? Кок ведь может себе позволить бокальчик вина для поднятия духа. Но, видимо,

жалкая чистильщица картошки — не может. Дорте вздыхает и принимается за работу, конца и краю которой не видать. Уле несет разделочную доску и нож.

— Картошку порежь потом кубиками.

Он положил руку ей на плечо. Его ладонь как ни в чем не бывало покоится у нее на плече. Вообще-то она не любит, чтобы мужики ни с того ни с сего трогали женщин, с которыми разговаривают. Многие так делают: ладонь на талии, легкое прикосновение к руке. Показать: мол, моя собственность, я господин, или мы, мол, друг друга понимаем, нас соединяют невидимые узы. Но тут как не поддаться? Не поддаться руке Уле, которая дает ей понять, будто между ними что-то есть, и это как раз взаимопонимание, узы?

Она глубоко втягивает воздух.

— Пюре будет, да?

— Не просто пюре. Когда картошка сварится, мы ее разомнем с чеддером, яйцами и маслом, потом уложим в формы для маффинов и отправим ненадолго в духовку.

— А-а, будет вкусно.

Рука соскальзывает с ее плеча, Уле ускользает. Но плечу еще тепло. Дорте чувствует спиной взгляд Карла. Приперев миску к кухонному шкаф-

чику, она срезает с картошки тугие длинные спиральки. Складывает пирамидку из бледных продолговатых картофелин. Отвлекается только на звук распахнувшейся двери. Анетте пришла. В резком свете на кухне кажется, будто на ее лице застыла белая маска.

— Дайте мне какое-нибудь задание, — говорит она. — Мне нужно отвлечься.

Карл приобнимает сестру и подводит ее к рабочему столу.

— Прежде всего тебе нужно выпить, — говорит Дорте, вытирая руки о кухонное полотенце.

Вопросительно взглядывает на Уле, тот кивает на холодильник. Дорте находит там бутылку белого вина с отвинчивающейся крышкой и прихватывает с полки бокал. Анетте облокачивается о высокий стол и закрывает лицо руками. Испускает долгий дрожащий вздох. Дорте наливает ей вина. Переглядывается с Карлом над головой сестры. Никто не произносит ни слова.

В конце концов Анетте поднимает голову, берет бокал за ножку и трясущейся рукой подносит его к губам.

— Мне нужно делать что-нибудь руками, — говорит она, отпив большой глоток.

— Накроешь на стол, может быть? — осторожно

спрашивает Уле, подошедший к ним с еще тремя бокалами.

— Да, могу.

Вот стоят они со своими бокалами, но никому не приходит в голову предложить тост. С какой радости? Дорте пригубливает вино. Снова цветочное. Похоже, Уле — или его жена — подсели на новозеландские вина. На вкус Дорте, в них слишком заметны тропические фрукты. Но в этом вине проступает легкая зеленая нота, оставляющая долгое послевкусие. Ее тянет причмокнуть, посмаковать, но она вовремя спохватывается.

Анетте уже выхлестала половину бокала.

— Это конец. Мы не можем ничего сделать, — говорит она, не глядя на них.

— Нет. Не может быть! — выпаливает Дорте.

— Мы дозвонились до двух ветеринаров и до справочной по отравлениям, они все твердят одно и то же. Вероятно, ему ненадолго станет лучше, но потом у него откажут почки.

— А как же уголь…

Анетте поворачивается к Дорте. Глаза блестят, бледные губы вытянуты в струнку.

— Чтобы уголь вообще как-то подействовал, нужно растворить в воде самое меньшее сто таблеток и влить в него эту воду. Нам никогда

не впихнуть в него столько жидкости. Единственное, что могло бы помочь, это если бы ветеринар дал ему противоядие. Но нам отсюда не выбраться. И вообще уже прошло слишком много времени.

— А где Ян Инге? — тихо спрашивает Карл.

— Сидит возле собачьей лежанки и ревет, — отвечает Анетте и вливает в себя остатки вина. Потом шлепает ладонями по столу. — Покажите мне, где стоит посуда, и я начну накрывать на стол.

Дорте подводит Анетте к посудным полкам. Вяло показывает полку с бокалами и блюдцами. От слов Анетте она совершенно обессилела. Бедная собака. Сколько же времени ему придется… Она не решается додумать эту мысль до конца. Слышит, как Уле с Карлом обсуждают, как лучше распределить оставшуюся работу, чтобы блюда были готовы к тому времени, когда их будет пора подавать.

— Гейр и Стейн тоже ведь должны поесть? — спрашивает Карл.

— Я им дам то, что осталось со вчерашнего дня, — отвечает Уле. — В холодной кладовке стоит кастрюля, только разогреть.

Анетте оборачивается.

— Они пьют, — говорит она. — Мама сказала, что они много раз лазили в бар за пивом.

Между глаз Уле складывается резкая морщина.

— Я им сказал, что они могут взять себе по банке, но напиться я им не позволю.

— Вот как? — говорит Карл. — А что, бывало и такое?

— Да нет, не то чтобы именно с ними, Стейном и Гейром. Но нечего им вести себя здесь как у себя дома. Еще не хватало, чтобы они испортили торжество.

— Тогда, наверное, тебе стоит запереть бар, — говорит Анетте, переставляя стопку тарелок на тележку.

— Что ты сказала маме и папе? — спрашивает Дорте. — Я их немножко просветила днем, но не все им открыла.

— Я сказала все как есть, — отвечает Анетте.

— И про отравленное мясо тоже?

К ним подходит Карл.

Анетте воинственно упирает руки в боки.

— И что? Какой смысл скрывать это от них!

— Ну не знаю, — говорит Дорте. — Может быть, не надо бы их пугать, они и так…

— Как папа к этому отнесся? — перебивает ее Карл.

— Ну как, страшно разозлился, естественно. — Она повышает голос. — Уле, а Уле, посуду под закуски тоже ставить?

Тот трясет головой, и Анетте начинает резкими движениями шваркать на тележку столовые приборы. Дорте возвращается к картошке, но, оказывается, Уле уже нарезал ее, сложил в кастрюлю и залил водой. Расторопный мужик. Сел рядом с рабочим столом, выдвигает табурет для нее. Карл тоже тут как тут, отхлебывает из своего бокала.

— Не думаю, что от них будут еще какие-нибудь неприятности, — говорит Уле в воздух. — Я про Стейна и Гейра. Они знают, что проштрафились.

— А старший младшему отец? — спрашивает Дорте.

— Нет, Стейн ему не отец. Но он отчасти заменил Гейру отца, когда родители того погибли от несчастного случая много лет тому назад. — Он допивает вино, улыбается. — Не все такое, каким кажется, верно?

Дорте он нравится все больше и больше. Повезло чертовой Элисабет, такого мужика отхватила. Дорте смотрит на брата, но он крутит в руке бокал, взгляд обращен внутрь себя. Она до сих пор под впечатлением от его беззащитного лица,

когда он днем признался, что по-прежнему думает о Сюсанне. И почему им обоим, вполне себе умным и вполне красивым — ну, о Карле можно даже сказать, что он очень красивый, — так не везет в любви?

Дорте всего однажды общалась с Сюсанне, когда та гостила у Карла в Осло и они позвали Дорте с собой в пригородный лесопарк погулять. Карлу хотелось, чтобы Дорте пригляделась к Сюсанне и высказала свое мнение. Она присмотрелась и сама чуть не влюбилась. Была весна: сияли все озерца, встречавшиеся на пути, сияла каждая лужица, а солнце засылало острые стрелы между деревьев. Сюсанне и Карл были в шортах, и Дорте шла позади влюбленных и восхищалась их длинными мускулистыми ногами. Они вышагивали, как две породистые лошадки, и так замечательно дополняли друг друга, что смотреть было больно.

Сюсанне собиралась расстаться со своим партнером в Стокгольме. Похоже, что Карл верил в это на все сто. Но потом Сюсанне забеременела, и брат отступил в сторону. Дорте так и не поняла этого до конца. Почему он не боролся, как он мог согласиться на то, чтобы никогда больше не общаться? Она подозревает, что брат, осознанно,

нет ли, показал, что еще не готов взять на себя ответственность. И что он не догадывается, как сильно такие вещи воздействуют на женщин. Карл всегда ценил свою свободу.

Дорте выпрямляется. Вино высвободило первый пузырек счастья. Никогда не знаешь, где проявится первый признак того, что алкоголь начал действовать. На этот раз Дорте неожиданно чувствует его в переносице. Медленно, но верно по всему телу расплывается покой.

— А теперь что мне делать?

— Да уж вроде все под контролем, — говорит Уле, соскальзывая с табурета. — Сейчас пройдусь, посмотрю, все ли в порядке. Ну и спрошу Стейна с Гейром, не хотят ли они уже есть.

— Да уж, надо их накормить, пока не упились, — бросает Анетте.

Дорте видит, что резкие замечания сестры неприятно задевают Карла.

— Я могу поставить кастрюлю с лосятиной на огонь, — говорит он.

— Отлично. Она стоит в холодной кладовке. Да я говорил уже.

Уле медлит, оглядывается по сторонам, на секунду встречается взглядом с Дорте. И уходит. Закончив загружать тележку, Анетте подходит

выпить еще полбокала. Дорте наливает ей. Карл заходит в кладовку и возвращается с большой чугунной кастрюлей в руках.

— Уле же не отдаст им отравленное мясо? — спрашивает Дорте. — Назад они его не получат?

— Через мой труп.

Карл с грохотом плюхает кастрюлю на конфорку.

Анетте сидит, уставясь в никуда, и отхлебывает из бокала часто-часто. Потом встает, берется за тележку и так резко проталкивает ее в дверь, что тарелки подпрыгивают. Дорте и сама чувствует отчаяние, бушующее в сестре, пусть не в той же степени. Но все, похоже, твердо решили провести сегодняшнее торжество по плану. Оно и к лучшему, наверное. Или нет?

Дорте так и сидит на месте, нет сил подняться.

Настроив газ, Карл оборачивается к ней.

— Ляжешь с ним в постель?

Дорте и не думает отвечать, но кидает быстрый взгляд на дверь. Она сильно раскачивалась на петлях после внезапного ухода Анетте, но теперь все тихо. Они на кухне вдвоем.

— Ляжешь, думаю. Чую.

Брат поддразнивает ее, и обычно она отвечает ему так же шутливо. Но ей вдруг кажется, что за

его словами скрывается больше, чем добродушное поддразнивание. Не издевка ли? Не вредное ли подкалывание? Хочет дать ей понять, что она заигралась? Она подумывает ответить ему серьезно, сказать то, что они оба знают: что овчинка не стоит выделки. Слишком это разрушительно, лечь в постель с человеком, который сразу же отвернется от тебя. Несколько часов удовольствия, за которые, возможно, придется расплачиваться днями, неделями, месяцами боли и тоски. Но сейчас у нее нет сил на такой разговор. У нее душа болит по другой причине.

— Неужели собака умрет прямо тут, при нас? Будет лежать в унылом номере и умирать, пока мы сидим за праздничным столом?

Карл слышит, как сбивается ее голос, и тотчас же отбрасывает шутливый тон.

— Не знаю, но боюсь, что это может продлиться долго. Может быть, Лабан и переживет праздник. Но, наверное, его бедное тело сдастся раньше, чем мы отсюда выберемся.

Дорте тяжело принять это. Она чувствует личную ответственность за мучения собаки. И ей непонятно, считает ли и Карл тоже, что все произошедшее — ее вина. Спросить она боится, боится даже прозондировать его настроение. А

как бы ей хотелось, чтобы хоть брат был на ее стороне.

— Ты же хотел искупаться в бассейне? Я его включила днем, так что можешь прямо сейчас попробовать!

— Отличная мысль. — Карл оглядывает кухню. — Вроде мы сделали все, что обещали? Надо только за кастрюлей следить.

— Просто поставь газ на минимум. Пойду посмотрю, как там Анетте. А Уле наверняка где-то поблизости.

Обернувшись в дверях, она видит, что Карл как-то нерешительно топчется у буфета. Берет бутылку и подливает себе вина.

Анетте

Она накрывает на стол, не включив в столовой света. Отсвечивают белизной пустые овальные тарелки, выстроившиеся двумя ровными рядами вдоль продольных сторон стола. Анетте тянется за столовыми приборами и укалывается о вилку. Чертыхается про себя. Почему тарелки овальные? Или теперь еще в моде квадратные. Чем провинились круглые тарелки? Она механически кладет возле каждой тарелки по два ножа и две вилки. Сколько ненужных церемоний, чтобы поесть. Есть даже рестораны, где блюда подают

на плоских деревянных дощечках, с которых соус или заправка, только соберешься посмаковать, — моментально растекаются по столу или оказываются у тебя на коленях вместе с блюдом, для которого предназначены. Мазюкаться только.

Она кладет последнюю десертную ложку, тутто и включается свет. В дверях стоит Ян Инге и смотрит на нее.

— Ты чего тут в темноте?

Она не отвечает, и он входит в столовую. Его круглое лицо побледнело, выражение на нем несчастное. Анетте затаила дыхание. Лабану хуже? Он умер? Ян Инге пододвигает стул и садится.

— Лабан вроде немножко успокоился сейчас, — говорит он.

Анетте начинает расставлять посуду для напитков. По рюмке, бокалу и фужеру на каждого едока, да еще по стакану для воды. Непросто расставить их красиво и симметрично. А Ян Инге сидит и смотрит.

— Дорте небось как войдет, так и раскритикует сервировку, — говорит он.

— Я приглядела бокалы для красного вина, но к разным-то блюдам подадут, разумеется, разные

вина. Я хотела взять на кухне бокалы для белого и рюмки для десертного, но там никого не было. Вот я и поставила эти высокие узкие бокалы, хоть я и знаю, что Дорте не любит пить белое вино из обычных бокалов для белого. Ей подавай бокалы пошире, что-то там такое с носом, но я ведь не могу поставить по два бокала, и оба для красного? Вот и не знаю. Она меня убьет.

— Ну-ну. Не убьет. А по мне, так все как надо.

Анетте фыркает.

— Послушай, — говорит Ян Инге. — Я вот что подумал. Пусть Лабан полежит здесь за ужином сегодня вечером. Можно же сделать исключение… раз он заболел.

Ноги не держат Анетте, надо сесть. Коленки трясутся странной такой дрожью, она не помнит, чтобы такое бывало с ней раньше.

— Вот именно на этот раз они, наверное, и не захотят делать исключение. Кому нужна в столовой за праздничным ужином больная, вонючая собака!

— Но Уле производит впечатление разумного человека. Никто же не сможет получить удовольствия от богатого стола, зная, что Лабан лежит совсем один и…

Ян Инге замолкает. Потом продолжает:

— Я думаю, все поймут. Нам не успеть постирать его лежанку. Но можно же попросить пару-тройку старых одеял. Он мог бы лежать… вон там, например. — Ян Инге показывает в уголок. — Чтобы ему было видно нас. А нам его. Чтобы быть вместе.

— Последние в его жизни часы, — бормочет Анетте.

— Да. Именно так.

Голос Яна Инге тверд. Такое впечатление, что он отрепетировал свои слова.

— Надо думать рационально. Очевидно, Лабан умрет. Никто не пошлет санитарный вертолет за больной собакой. И мы ничего не можем сделать. Но если все пойдет так, как говорит ветеринар, то ему на какое-то время станет лучше, прежде чем снова станет плохо. Тогда у нас есть, может быть, несколько часов, пока все будет как бы нормально. И мы сумеем высидеть этот ужин и отметить этот юбилей. Согласна?

Анетте тяжело опирается о стол. Праздничный стол, который она накрыла в какой-то прострации, без мысли о том, что скоро они в самом деле сядут за этот стол, будут поднимать бокалы, и чокаться, и есть, и разговаривать, и вспоминать былые дни. Неужели она и правда будет через

полчаса стоять здесь и держать речь в честь родителей, речь, написанную, когда все было пусть не безмятежным, но, во всяком случае, благословенно нормальным?

— Я не в состоянии делать вид, что ничего не случилось, — стонет она.

— Мы и не будем делать вид. Твоим родителям тоже нужно знать правду.

— Они знают. Я им рассказала уже. Но… а где же они?

Во всей этой сумятице она совершенно забыла о стариках. И понятия не имеет, где они. Задумывается. В холле никого не было, когда она везла через него тележку с посудой. Странно, что она тогда не обратила на это внимания.

— Наверняка у себя в номере, — говорит Ян Инге.

— Бедные мои. Мы их вытащили в эту глухомань и не обращаем на них никакого внимания. Дорте тоже хороша, ей позарез нужно было закатить этот юбилей. А теперь бегает за хозяином. Он же женат!

Ян Инге поднимается, подходит к ней. С рассеянным видом похлопывает ее по плечу. Она знает: ему кажется, что она ведет себя как ребенок. Но в ней темным и жадным цветком

распускается ярость.

— А Карл, это на что похоже? Тоже мне, великий кулинар, гарцует по кухне и потягивает вино.

— Похоже, ты тоже хорошо приложилась к бутылке. — Ян Инге легко ерошит ей волосы. — Ну давай, иди поищи своих родителей. А я поговорю с Уле насчет Лабана.

Он забирает пустую тележку и катит ее к двери. Анетте идет следом и осторожно выглядывает в коридор. Ни за что на свете не хочет она встретить там типов, отравивших их собаку. В холле пустота и безмолвие. Дверь в комнату для собраний заперта. Но они пользуются туалетом в гардеробе. Того и гляди столкнешься с одним или с другим.

Распахивается дверь кухни, оттуда спешит к ним Уле.

— А, вот она где, тележка! Она мне понадобится, чтобы накормить… других гостей.

Лицо у него серьезное.

— Как дела? — спрашивает он, понизив голос, хотя рядом нет никого, кто мог бы их услышать.

Ян Инге пускается в объяснения, но Анетте не в состоянии беседовать. Ее тошнит, она торопится в свой номер. Брошенное на кресло вязание так и валяется там. Сочетание цветов, так восхищав-

шее ее, кажется теперь тоскливым, как осень за окном. Да и краски осени, которые весь день приглушал туман, скоро поглотит темнота. Анетте едва волочит ноги по коридору, в мокром стекле окон бредет ее отражение. Сыро, тихо. И в доме, и снаружи. Надо бы постучаться к родителям, но к горлу подступает тошнота. Ей теперь понятно, что это паника вызывает в ней такие ощущения, но, может быть, ей станет лучше, если ее стошнит. Она открывает дверь в номер и, к своему изумлению, видит, что Лабан встречает ее. Он поднялся и стоит, хотя и неустойчиво, на четырех лапах, неуверенно повиливая хвостом.

— Ах ты мой хороший, услышал, что я иду?

Анетте приседает на корточки и без колебаний позволяет ему лизнуть себя в губы. Горячий и влажный поцелуй. Она тычется носом в его большое плоское ухо и вдыхает его запах. Пахнет соленым морем, увядшей травой, теплой землей. Пахнет собакой, живой собакой. Но Лабан протискивается мимо нее в коридор. Слышен громкий голос Яна Инге, обрадованного, что пес встречает его. А она торопится в ванную и едва успевает склониться над унитазом. Кислая блевотина вылетает мелкими толчками, будто тело не до конца определилось с тем, стоит ли расстаться с

этим содержимым. Анетте спускает воду, и в этот момент в ванную входит Ян Инге.

— Тебя рвет?

— Да, так вдруг затошнило.

С трудом поднявшись, она подходит к раковине. В горле свербит. Она выпивает пару глотков воды. Лабан улегся позади Яна Инге, тяжело дышит. Анетте умывает лицо и пытается нащупать полотенце; добрый Ян Инге кладет полотенце в ее руку.

— Я, наверное, слишком быстро пила. На кухне начали праздновать заранее, да ты понял.

— Угу.

Она вытирается и вешает полотенце на крючок, муж потерянно стоит рядом.

— Уле согласился, чтобы Лабан на время ужина остался с нами. Ему эта идея понравилась.

— Хорошо.

Выходя, она протискивается мимо мужа, и ей приходится переступить через задние лапы Лабана. Ян Инге выходит вслед за ней.

— Я спросил, нет ли у него проектора, чтобы девочек показать на большом экране. Но проектор в комнате для собраний, и я тогда сказал, что лучше не надо. Посмотрим на компьютере.

— Да, можно и так.

— Тебе очень плохо?

Она качает головой.

— Да нет. Надо, наверно, принять душ и одеться к вечеру. Может, ты первый в душ?

Звучит это скорее как приказ, чем как вопрос. Ян Инге без единого слова возвращается в ванную и закрывает дверь. Вскоре Анетте слышит, как на пол в ванной льются струи воды. Надо взять себя в руки, приготовить ему костюм. Дверь шкафа она открывает медленно, будто опасаясь, что оттуда на нее вывалится что-нибудь. Но там всего-то ее платье и две белые рубашки Яна Инге. На вид совершенно одинаковые. Но кто его знает, может, чем-то они и отличаются.

Платье, купленное к пятидесятилетию Яна Инге — она всегда чувствовала себя в нем такой элегантной, — на плечиках выглядит жалкой дешевкой. Можно было сообразить, что яркий лиловый цвет выйдет из моды, не успеешь оглянуться. Просто загадка, как это вещи, которые выглядят свежими и соблазнительными, когда видишь их впервые, совсем скоро начинают казаться скучными и простецкими. Она кладет платье на постель и достает колготки, купленные накануне. Три по цене двух. Они скреплены широкой липучкой вроде скотча, Анетте пытается

отковырнуть кончик. Ведь можно, наверное, извлечь одну пару, не порвав? В конце концов она вцепляется в липучку и дергает что есть сил. Из ее глотки вырывается грубое рычание.

— Извини, Лабан, — говорит она и плюхается на угол кровати, откуда он ей виден. Пес не поднимает голову, но ушами шевелит. — Я не сержусь, просто…

Вздохнув, она пытается отделить одну из пар колготок от других. Никак.

— Что ты говоришь? — Ян Инге приоткрывает дверь ванной и высовывает голову. Бедра он замотал полотенцем, но вообще мокрый весь, с него стекает вода.

— Да нет, это я с Лабаном разговариваю. Он тоже не понимает, зачем так все засупонивать к чертовой матери…

Ян Инге отбирает у нее колготки. Две секунды, одно легкое движение, и дело сделано. Подмигнув, он бросает все три пары ей на колени.

— Можешь идти в душ.

И снова скрывается в ванной. Ей слышно, как он насвистывает там, наверняка очень довольный собой.

Анетте обрывает остатки клейкой ленты и сминает ее в плотный шарик. Думает о сестре и

брате, у которых нет в жизни никого, нет никого такого, кто всегда рядом, всегда подставит плечо, поможет. И речь не только о таких мелочах, как эти дурацкие колготки, ее переполняет сейчас глубокое и многогранное чувство. Словом, она очень рада, что у нее есть муж.

— Что бы мы делали без Яна Инге? — тихонько произносит она, бережно касаясь ладонью собачьего тела. Под гладким мехом прощупываются ребра, ряд слегка изогнутых косточек совершенной формы, они вздымаются и опускаются чаще обычного.

Все в семье всегда следили за тем, чтобы не перекормить пса, лабрадоры легко набирают вес, а ведь так трудно не поддаться на просительный взгляд влажных собачьих глаз. Особенно трудно это Яну Инге, который и сам вечно ищет, чем бы перекусить. Если честно, то последние восемь лет рядом с ней живут два обжоры. Но Лабан весит не больше, чем следует. Во всяком случае, не намного больше. Он само совершенство.

— Какой же ты красивый, — шепчет она, легонько поглаживая его по шерстке. — Такой совершенный. Такой гармоничный. Такой гладкий и блестящий. — Она все гладит его и гладит. — Носик идеальный, — говорит она, проводя

указательным пальцем по его носу. — Ушки идеальные. — Она осторожно трогает его ухо. — А уж лапки-то. Какие чудесные лапки. Мягкие, теплые, сильные лапки.

Она соскальзывает на пол и целует его в лапу. Лабан чуть приподнимает голову и смотрит на нее непроницаемым взглядом. Может быть, считает, что она должна взять себя в руки. Может быть, готов принять ее поклонение.

Так мог бы вести себя Ян Инге, а не она. Лежать на полу и целовать лапы своей собаке. А он свистит в ванной. Ян Инге никогда не насвистывает узнаваемые мелодии, а свистит и все, выдавая обрывки музыкальных фраз. Если она говорит ему об этом, он удивляется. Он-то уверен, что насвистывает мелодию. Темное дело. Но как он может быть так спокоен сейчас? Обычно он больше всех волнуется из-за Лабана. Стоит псу слегка захромать, или его слабит, или он начинает драть когтями ухо, Ян Инге тут же поднимет переполох. А сейчас он, кажется, смирился с ситуацией. На него не похоже.

Что-то сильно толкает Анетте в бок; это Ян Инге хотел открыть дверь из ванной.

— Подожди, — говорит Анетте и забирается назад, на постель. Ян Инге стоит на пороге, от

него попахивает лосьоном после бритья. Он переводит глаза с нее на собаку и назад.

— Странная ты, — говорит он.

Карл

Карл откидывает голову назад и вдыхает полной грудью. Все, как он и надеялся, все косточки в теле наслаждаются теплом. Вместе с паром уходят скованность и боль. Всего несколько минут, и все тело становится мягким и податливым. С внутренней стороны к бортику бассейна приделана полочка с отверстием, в которое идеально вставляется бокал с вином. Карл непроизвольно улыбается: это же самая суть норвежского хюгге. На бортике лежит мыло, и Карл готов поклясться, что оно пахнет хвоей. Так и есть, хвоя. Все как надо. Он бы мог нежиться тут долго. Но до ужина остается меньше часа. Уле, похоже, вполне справляется с готовкой, но Карл хочет разведать обстановку прежде, чем все сядут за стол.

Хорошенький отдых вышел. Ему жаль Дорте: понятно, что она винит себя в том, что все повернулось так неудачно. И душу бы вытрясти из этих горе-охотников. Но толку-то? Сделанного не вернешь. Бедная псина отравлена, уже, считай, мертва. Эх, неуклюжий Лабан! Этот ласковый зверь вдохнул жизнь в скучную до оскомины

семью сестры. Карл лежит в облаке благоухающего лесом пара и думает о том, что Лабан для него — нечто вроде смягчающего обстоятельства в деле старшей сестры и ее мужа. Обычно такие правильные и педантичные (Ян Инге редкостный зануда), они делаются ребячливыми и озорными, да просто живыми, когда рядом Лабан. Умеют же собаки творить с людьми чудеса! Другие животные тоже, но из песни слова не выкинешь, собаки — особенно.

Карл отпивает глоток вина, уже тепловатого. Трагедия трагедией, но он, признаться, глаз положил на этот хутор, и в голове у него множатся планы. Иннсетра — настоящая находка, идеальная стартовая точка для вылазок на дикую природу. Надо только приурочить походы к другому сезону, хотя бы не позже сентября.

Открывается дверь, входит Дорте. Останавливается возле идиотского балдахина, со всех сторон нависающего над кроватью, и теребит его пальцами.

— Ну как тебе бассейн?

— К хорошему быстро привыкаешь. — Карл приподнимает бокал, показывая, что пьет за нее. — А ты где была?

Она раздвигает балдахин и садится на кровать

вполоборота к нему.

— У мамы с папой. Зайчики, разрядились в пух и прах и не желают выходить из номера, пока мы не придем.

— Придется поторопиться.

— Да. — Дорте дергает себя за суставы пальцев, она всегда так делает, когда волнуется. — Уле кормил охотников обедом, и они начали качать права. Потребовали вина, но Уле налил им по одному бокалу, и баста.

— А они что хотели, полную бутылку?

— Именно. В общем, хамили. Мама видела, что они уже и так вовсю попользовались баром.

— Остается надеяться, что они не слетят с катушек. Такое впечатление, что они крепко держат нашего хозяина за яйца.

Дорте опускает глаза.

— Можно было ожидать.

— Да, можно было.

Желая подбодрить ее, Карл показывает на платье, висящее на вбитом в стену крючке. Платье розовое, но фасон такой, что оно выглядит смело, несмотря на цвет.

— Классное платье!

Она бледно улыбается.

— Я его не надену. Как-то розовое сегодня вече-

ром не в тему.

— Ты серьезно?

— Да. Надену лучше маленькое черное. Я его всегда беру с собой, на всякий случай.

— Но у нас и не похороны ведь, сестренка!

— Как сказать, кое-кому предстоит скоро умереть. Представляешь, какое будет лицо у мамы и Анетте, если я к ним выйду в этом платье? Нет, исключено.

Дорте открывает дорожную сумку и роется в ней. Вытаскивает какую-то маленькую тряпочку. Карл закатывает глаза.

— Ну знаешь, это тоже довольно секси.

Дорте ухмыляется.

— К счастью, я пока еще могу носить платья без рукавов. Не знаю, как долго смогу.

Он смотрит, как она вешает черное платье поверх розового.

— Надеюсь, ты не ждешь, что я облачусь в парадный костюм?

— Да конечно, нет. Но ты ведь оденешься понаряднее?

Дорте закрывается в ванной, а Карл уговаривает свое тело вылезти из горячего водяного кокона. Конечно, он прихорошится. На стуле уже приготовлены черные хлопчатые брюки, светло-

зеленая рубашка и черный шерстяной пиджак. На его вкус, наряднее некуда. Быстро одевшись, он выкрикивает короткое “пока!” в сторону ванной, где скрылась Дорте.

В холле полутьма, огонь в очаге не горит, свечи не зажжены. Зато из широко распахнутой двери в комнату для собраний бьет резкий белый свет. Отобедавшие охотники сидят на стульях и наблюдают за Уле, убирающим за ними со стола. Грязные тарелки, пустые бокалы, почти опорожненную кастрюлю он переставляет на тележку движениями, в которых читается сдерживаемая ярость. Карл останавливается на пороге. Мужчины поднимают на него глаза, и Уле оборачивается.

— А, это ты.

— Тебе помочь? Похоже, от твоих новых гостей помощи не очень-то дождешься?

В резком свете висящих под самым потолком ламп под глазами у всех легли синеватые тени. При виде Карла лицо старшего охотника заметно помрачнело, и теперь он наклоняется вперед.

— То есть?

— Ну как… — говорит Карл, становясь рядом с Уле. — Вы завалились на семейное торжество, отравили собаку моей сестры, а с Уле обращае-

тесь как с прислугой. Некрасиво как-то.

Уле легко касается его руки.

— Ладно, Карл, спасибо, скоро все будет готово.

Но теперь уже оба охотника выпрямились, и младший вызывающе заявляет:

— Ты прекрасно знаешь, что мы отравили собаку случайно!

— Знаю, и знаю, для кого предназначался яд. В тех рюкзаках отравленного мяса хватит, чтобы погубить целую волчью семью. А волки здесь защищены законом, и вы это знаете, я думаю!

— Мы не… — начинает младший, но старший одаривает его таким взглядом, что тот замолкает.

Потом старший поднимается со стула, расправляет плечи и встает прямо перед Карлом, свесив руки вдоль тела. Он весь с ног до головы серый: волосы седые, борода седая, шерстяное нижнее белье серое с какими-то выцветшими зеленоватыми полосками. Высокий, крупный. Карл противится инстинкту, подсказывающему, что лучше бы отойти на шаг. Стоит, где стоял, но придерживает тележку рукой, так что и Уле приходится остаться на месте. Карл спокойно встречает взгляд старшего. Как там его, Стейн, что ли?

— Много ты знаешь, — медленно выговаривает Стейн. — Но вот спорим, что ты понятия не имеешь, каково жить в тутошних селах, когда вокруг рыщут дикие звери.

— Да просто ужас, наверное. Ведь не больше двухсот лет прошло с тех пор, как у нас в стране в последний раз волк загрыз человека.

— Волки суются все ближе, кто здесь живет, знают. Если бы решения принимали такие, как ты, то в деревнях никого бы уже не осталось.

Карл качает головой. Сколько уж раз он слышал, что “такие, как он”, то есть городские, ни черта не понимают!

— Вы сами толкаете народ бросать свои дома. В зоне расселения волков немало совестливых людей, кого не устраивает, что каждый второй волк, умирающий в Норвегии, погибает от руки браконьера.

— Местные спят и видят разделаться с волками, — жестко бросает Стейн. — Волк — животное-вредитель. Он нашей природе чужой.

— Чужой, да? — Карл переводит глаза со Стейна на Гейра и назад. — Премию за отстрел волка в Норвегии платили с 1730 года, так что в наших лесах он уже долгонько водится.

— В наших местах волков совсем не было уже

давно. А бедствием они тут стали только после того, как сюда их стали специально завозить и выпускать. Крестьяне скоро не осмелятся выгонять овец на выпас.

— И сотни охотничьих собак порваны волками, — фальцетом вставляет Гейр.

— Что волков сюда завозят, это конспиративная теория, сто раз разоблаченная, — спокойно говорит Карл. — Скорее дело в том, что охотники видят в волке конкурента и не желают делить с ним добычу. И воюют с ними не ради бедных детишек, боящихся идти в школу, не ради крестьян, оплакивающих своих овечек. А ради собственной выгоды.

Карл говорит, но не сводит глаз с ручищ Стейна, постепенно сжимающихся в кулаки.

— Да ты видел хоть раз пастбище, усыпанное порванными овцами? — говорит Стейн дрожащим от гнева голосом. — Видел бы, не скоро бы забыл.

— Понимаю, как это ужасно, и для крестьянина, и для его животных, — отвечает Карл. — Но все ли крестьяне поддерживают запрещенную охоту на волков? Действительно ли те, кто оплакивает своих животных, сквозь пальцы смотрят на то, чтобы другие животные гибли в муках, наев-

шись яда?

— Здешние крестьяне нас поддерживают. Ты же можешь подписаться под этим, Уле?

Карл чувствует укол совести за то, что втянул в перепалку Уле. Пытается придумать, что бы такое сказать, чтобы направить разговор в другое русло, но Уле опережает его:

— Но ведь не все согласны с такими методами, — бормочет он.

— Если волков разведется еще больше, всем занятиям и промыслам в наших селах конец, — говорит Стейн, вперив в Уле жесткий взгляд. Потом переводит глаза на Карла. — И да, волки убивают много лосей. Отбирают у нас пищу, отбирают собак, отбирают скотину, отбирают у нас свободу…

— И баб? — тут же вставляет Карл, не сумев сдержаться.

У Стейна бледнеют костяшки на пальцах рук.

— Что ты сказал?

— Ты говоришь, что волки отбирают у вас все, значит, они и баб у вас отбирают?

Похоже, Стейн вот-вот накинется на него.

Уле покашливает.

— Ну, господа, прошу меня извинить, мне через четверть часа подавать праздничный ужин.

И исподтишка бросает на Карла взгляд, говорящий, что лучше бы он тоже сейчас ушел. Они оба разворачиваются к двери и видят на пороге комнаты для собраний наряженных и причесанных юбиляров. На отце темный парадный костюм и белая рубашка, мать в красном платье простого покроя.

— Что здесь происходит? — спрашивает отец.

Стейн так и стоит столбом, а Гейр сдвинулся на самый край стула.

— Да просто немного не сошлись мнением о волках, — говорит Карл с улыбкой. — Пока не договорились, и не думаю, что договоримся.

— Позвольте, — говорит Уле; отец отодвигается, чтобы дать ему выйти и выкатить тележку. — Скоро подаю ужин, — бросает Уле через плечо.

Но тут он обнаруживает, что в холле стало совсем темно, и принимается зажигать свечи, приглядывая одним глазом за происходящим на освещенной сцене. Карл стоит как буфер между отцом и охотниками. Но отец обходит его.

— Так вот они, люди, которые отравили Лабана, — отчетливо выговаривает он, прищурив глаза.

Карл до сих пор помнит, как он ребенком боялся у отца этого острого взгляда прищуренных глаз.

Стоило Карлу сморозить какую-нибудь глупость или нашалить, как его пронзали две голубые молнии. Случалось ему отведать и знаменитую директорскую хватку отца. Жестко вцепится в плечо или больно прищемит ухо. Что делать, угомонить отца или выждать, посмотреть, что дальше будет?

А дальше вот что: из коридора входят Анетте и Ян Инге. Облаченный в костюм Ян Инге скрючился в три погибели, поддерживая Лабана за ошейник; Анетте идет бок о бок с мужем, как опора. Кривобокое трехголовое чудище останавливается посреди холла в конусе яркого света из комнаты для собраний. В таком освещении собачьи глаза отсвечивают странным синим блеском. При виде больного пса Стейн сразу сникает. Кулаки разжимаются, руки беспомощно повисают вдоль тела.

— Простите, — кашлянув пару раз, хрипло говорит он. — Простите, — повторяет он чуть громче. — Нам жаль, что так вышло.

Карл исподволь оглядывает отца. Окинув быстрым взглядом сгорбленного пса и бледное лицо дочери, он стоит в своем черном костюме прямой, как натянутая стальная струна, слегка наклонившись вперед. В паре шагов позади него мать,

испуганная, но исполненная любопытства. И она, и Карл не сводят с отца глаз; тот же, похоже, намерен испепелить охотников своим взглядом. Кажется, вечность проходит, пока он наконец не открывает рот.

— Лес, — говорит он, и это одинокое слово зависает в пространстве комнаты, так что можно ощутить тяжесть влажной земли, камней, вековых деревьев с корявыми корнями. — Настоящие охотники умеют беречь лес. Знают, что стоит выпасть хоть одному мельчайшему элементу, и это потянет за собой другие изменения и разбалансирует всю систему. И рано или поздно ударит по нам, находящимся на вершине пищевой цепи.

Стейн отступает на шаг и медленно опускается на стул, с которого встал. В его взгляде читается неприязнь, смешанная с изумлением. В кои-то веки Карл наслаждается помпезным стилем, типичным для выступлений отца перед публикой. Достаточно ему оказаться стоящим перед людьми, которые сидят, или счесть своим долгом просветить слушающих о чем-либо, его голос тут же приобретает более глубокое звучание, он смакует каждое слово.

— Со временем… — Снова искусственная пауза. — Со временем мы пошатнем всю эту тонко

налаженную систему. Это не останется без последствий.

Он разворачивается в сторону холла, где дочь и зять застыли, как столбы, а на полу темным комочком лежит, не шевелясь, Лабан.

— Одно из последствий халатного обращения с ядами состоит в том, что могут пострадать невинные души. На этот раз досталось нашей любимой собаке.

Отец опять переводит взгляд на двоих, сидящих перед ним на стульях.

— Но даже если бы вы не оказались здесь из-за оползня, а творили бы свои подлые делишки, все равно пострадали бы невинные. Волки, лисы, росомахи, рыси. Вам совсем нет дела до тех, кого вы лишите жизни? Ястребы, зайцы, мыши, любое существо, обитающее в лесу, может отравиться ядом, который вы таскаете с собой. Это безответственно. Совершенно безответственно.

Из двери на крыльцо потянуло холодом — это вошла Дорте. И замерла как вкопанная. На плечах у нее большая серая шаль из мохера, и Карл видит, что сестра тщательно накрашена. Она шевелит губами, явно собираясь спросить, что происходит, но мать знаком подзывает ее к себе. Может статься, сейчас как раз подходящий

момент, чтобы прекратить эту сцену и закрыть дверь. Карл протягивает руку, чтобы дернуть отца за рукав, предложить ему выйти отсюда, но тут опять встревает Гейр. Нет чтобы промолчать.

— Волк — животное-вредитель.

У отца уже готов ответ:

— Самое вредное из животных — это человек. И что бы вы ни говорили, волк защищен законом. Травить волков — экологическое преступление!

Выдав эту тираду, он уходит, печатая шаг. Карл бросает осторожный взгляд на охотников. Они сидят рядком, выпрямившись, губы сжаты, словно они судьи, а не преступники, которым только что огласили приговор. Стараясь сохранять показное спокойствие, Карл выходит из комнаты и закрывает за собой дверь. Уле как раз зажигает свечки в баре. Окружающее внезапно опять обретает краски и даже кажется уютным и безопасным. Но непохоже, чтобы члены семьи, кучками разбредшиеся по холлу, чувствовали себя уютно. Отец скрывается в гардеробе, слышно, как он захлопывает дверь туалета.

В распахнутых глазах Дорте изумление.

— Это что такое было? — шепчет она. — Маразм начинается?

Карл пожимает плечами. Выходка отца оша-

рашила его так же, как и всех. Да, конечно, отец несколько десятилетий преподавал в школе естествознание. Но все же. То, что он в этой ситуации выступил как защитник леса и диких животных, удивляет Карла в той же мере, в какой он чувствует неожиданную гордость за отца. Но Уле за стойкой бара выглядит не особенно довольным.

— Разрядил обстановку, так сказать, — сухо комментирует он.

— Может быть, и стоило прояснить позиции. — Карл подходит к нему.

— Прояснить позиции? — Уле качает головой. — Я тут из кожи вон лезу, чтобы они не испортили вам праздник. Надо следить, чтобы они не напились, чтобы не высовывались из комнаты для собраний. Пока они вели себя относительно покладисто.

— А что… — говорит Карл. — Что нас ждет, если они станут менее покладистыми?

Уле не отвечает, но Карл не опускает взгляда, смотрит ему прямо в глаза.

— Ты думаешь, они могут выкинуть какую-нибудь подлянку?

Уле вздыхает.

— Я просто не хочу, чтобы они болтались у вас под ногами. Но они попросили разрешения

сидеть у камина, пока вы будете ужинать.

Карл слышит, как мать резко втягивает в себя воздух.

Ян Инге, сидевший на корточках и гладивший Лабана по голове, вскакивает на ноги:

— Ни за что!

Карл холодно смотрит на Уле.

— Ты не согласился, надеюсь?

Уле выпрямляется.

— Я им разрешил там сидеть, пока вы сидите за столом.

Мать подходит к Карлу и становится рядом.

— Но ведь… мы тогда будем натыкаться на них, выходя… если надо будет в туалет… — говорит она просительно.

— Ничего не поделаешь. У меня нет для них другого туалета. Так что в этом отношении никакой разницы.

— Но послушайте! — Обняв мать за плечи одной рукой, Дорте говорит несколько взвинченным тоном. — Может, ты заселишь их в номер? Им же все равно на ночь нужна кровать? В номер с кроватью и телевизором, и не придется постоянно натыкаться на них?

Уле смотрит на нее неуверенно.

— Разумеется, я думал об этом, — говорит он. —

Только свободный номер у меня в том крыле, где живут все, кроме тебя. Тоже будут крутиться на одном с вами пятачке. Не могу же я запереть их в номере.

Карл оборачивается к Яну Инге, и тот кивает:

— Все-таки так будет лучше.

Мать, видимо, согласна с таким решением, и Карл подмигивает Дорте. Похоже, она спасла ситуацию, хотя бы на этот момент. На лице Уле тоже читается облегчение.

— Тогда так и поступим. Я немножко закрутился с ужином, так что придется чуточку подождать. Позвольте пока угостить вас бокальчиком вина здесь?

— А нельзя нам уже в столовую? — вступает Анетте, молчавшая все это время. — Стол накрыт уже, все готово. А мы пока приготовим лежанку для Лабана.

Карл видит, что из гардероба показался отец, и спешит сказать:

— Вполне уже можем сесть за стол, кому мы помешаем.

— Конечно, конечно. — Уле, откинув столешницу, выходит из-за барной стойки. — Я вот нашел парочку старых одеял. Для собаки. Может быть, кто-нибудь зажжет свечи… — Он выуживает из

кармана передника коробок спичек. — Напитки сейчас принесу, я мигом.

И он чуть неуклюже кланяется в сторону столовой. Все ждут, пока Ян Инге отбуксирует туда собаку. Дорте принимает из пальцев Уле спичечный коробок, и у Карла щемит сердце при виде того, как их руки соприкасаются чуть дольше необходимого. Карл дает пройти родителям и в этот момент чувствует, что мобильный у него в кармане жужжит раз, и два, и три. Три сообщения одно за другим. Наконец мать просунула руку отцу под локоть, и они неторопливо шествуют в столовую. Карл едва удерживается, чтобы не придать им небольшое ускорение.

Анетте

Анетте вытаскивает из сумочки два сложенных вдвое листочка бумаги и незаметно подсовывает их под тарелку. Она зачитает свою речь, только если это будет уместно. Пока что все, похоже, заняты своими мыслями. Мать разглядывает узор на серебряных столовых приборах, отец рассеянно смотрит на три бокала, выстроившиеся перед ним. Ян Инге помогает Лабану поудобнее устроиться на старой перине, накрытой кучкой мягких шерстяных одеял. Его пытались напоить, но ни вода, ни вкусности его не соблазняют.

У короткого края стола сидит Дорте. Кажется, мерзнет, хотя она завернулась в шаль, на вид дорогущую. Может быть, из альпаки. Анетте прекрасно могла бы связать для Дорте такую шаль, только попроси. Рядом с сестрой сидит Карл, не сводит глаз со своего мобильника. Он единственный не убрал мобильный телефон. Сама она спрятала свой в сумочку, выключив на нем звук. Анетте шлет брату строгий, должно быть, взгляд, потому что он кладет телефон на стол рядом с тарелкой. Анетте видит теперь, что он сильно побледнел.

— Плохие новости? — слышит Анетте вопрос Дорте.

— Да нет… просто непонятное сообщение, — отвечает он сестре, не глядя ей в лицо.

Открывается дверь, входит Уле с бутылкой. Под красным передником на нем белоснежная футболка. Интересно, думает Анетте, как он ухитряется так отбеливать вещи, и решает, что просто эта футболка новехонькая. Подойдя вплотную к столу, хозяин останавливается.

— Я думаю, начать стоит с этого шампанского.

Уле показывает им этикетку. Анетте замечает, что сестра смотрит не на самого хозяина, но следит за тем, как его руки срывают фольгу и

начинают откручивать проволочку, удерживающую пробку.

— Это за мой счет, — продолжает Уле. — Компенсация морального ущерба. День прошел совсем не так, как хотелось бы. Но все могло обернуться гораздо хуже, если бы не вы, дорогие гости, выказавшие столько терпения и готовности помочь.

Раздается едва слышный хлопок, и хозяин принимается в полной тишине наполнять бокалы для белого вина шампанским. Анетте не удается найти подходящие слова, она ощущает какую-то странную отрешенность. Только когда Уле разливает все до последней капли, Дорте благодарит его от лица всех присутствующих.

Уле уходит, забрав с собой бутылку. Ян Инге берет бокал за ножку и поднимает его высоко в воздух.

— За здоровье моих замечательных тещи и тестя! — говорит он.

И за любовь на всю жизнь, думает Анетте, но это лучше сказать попозже. Она подносит бокал к кончику своего носа — этому ее мать научила, не поднимать бокалы выше кончика носа — и старается, как это и принято, обменяться взглядом с каждым за столом. Но такое впечатление,

что все на самом деле находятся не здесь. Карл вертит бокал за ножку, взгляд обращен куда-то вдаль. А вот Дорте уткнулась в бокал носом, долго и тщательно нюхает, потом закрывает глаза и делает маленький глоток.

— Ну и каковы ретроназальные характеристики этого напитка, Дорте?

Ну конечно, Ян Инге не смог придержать язык. Но Дорте вопреки ожиданиям не раздражается, а светлеет лицом. Может быть, она рада, что муж сестры вообще в состоянии шутить.

— Очень даже мощные! Пузырьки ведь служат моторчиками развития аромата, — говорит она, держа бокал перед собой. — А знаете, вот в таком бокале несколько миллионов пузырьков!

— Неужели? — говорит отец.

Он с обновленным интересом отпивает еще глоток, изучая тоненькие струйки поднимающихся со дна пузырьков. Дорте смотрит на него, и на ее губах играет улыбка.

— Ну и сцену ты им закатил, папа!

Отец бурчит что-то в ответ, но тут Ян Инге со стуком ставит бокал на стол:

— Надеюсь, мы больше эту шваль не увидим!

Раздается дрожащий вздох Лабана, и все поворачиваются к нему.

Пес растянулся на перине, вроде бы ему совсем не плохо. Анетте хотелось бы верить, что он выживет. Но ветеринар, с которым общался Ян Инге, был категоричен. Собаке может стать лучше, но это улучшение будет кратковременным. Ночью их ждет кошмар. Сейчас Лабан дышит спокойно, но в любой момент может начать давиться слюной и задыхаться; его будет бить дрожь. И вроде еще что-то про судороги, про кому? И что им тогда делать? Как помочь страдающей собаке?

Анетте представляет себе, как вся семья окружит его смертное ложе. Как они будут утешать его и гладить. Лучшее, на что можно надеяться, это что он быстро впадет в кому, тогда ему уже не будет больно.

— От девочек ничего пока?

Ян Инге склонился над столом и говорит шепотом. Анетте качает головой и выуживает из сумки мобильный. Новых сообщений нет.

Открывается дверь, Уле вносит и ставит на стол два блюда с крекерами, украшенными кусочками копченого лосося.

— Перекусите немножко, пока я приготовлю блинчики. Скоро уже!

Ян Инге потирает руки.

— Ой, я голодный как волк!

— А ты, папа, всегда про волков говорил *“лютый волк”*, — говорит Анетте, глядя на розовые кусочки лососины. Желудок выворачивает от одного только вида еды.

— Мне вот больше нравится называть волка серым, — говорит Карл. — Тогда он как бы физически существует, у него есть свой цвет. Он живой, а не просто символ проблем, несчастий и опасности.

— Серый… — Дорте пробует слово на вкус.

— Никак не возьму в толк, как люди, любящие собак, могут быть противниками волков. Они же ближайшие родственники, — говорит Ян Инге, одним махом закидывая в рот два крекера.

Анетте видит, что и остальные закусывают, и для приличия передвигает кусочек рыбы в своей тарелке. Мать поворачивается к ней.

— С тобой все в порядке? — спрашивает она тихонько.

— Конечно, все нормально, — отвечает Анетте. Кто его знает, уяснили ли мать с отцом, насколько болен Лабан. Они же не видели его, когда ему было совсем плохо.

— Ну, придется через это пройти, — вздыхает мать, и не поймешь, имеет ли она в виду ужин, борьбу собаки со смертью или же ее вздох отно-

сится ко всему происходящему в Иннсетре.

Наверное, настроение поднимется, когда на экране появятся девочки, утешает себя Анетте. На столике позади нее стоит наготове полностью заряженный лэптоп.

— Только бы эти охотники не встревали, — говорит мать.

— Да вряд ли им хочется общаться с нами больше, чем нам с ними, — спокойно говорит Карл.

Анетте чувствует, что у нее снова схватило живот. Приходится согнуться и притвориться, что она делает это специально, чтобы дотянуться до бокала. Никто не обращает на нее внимания, и, к счастью, спазм скоро проходит. Но дальше все как она и опасалась: крошечный кусочек лососины разбухает, стоит ему оказаться у нее во рту. После пары укусов крекер рассасывается, но жирная рыба заполняет весь рот целиком, в нос шибает запахом копченого. Остается одно: попробовать языком собрать прожеванное в комок и заглотить. Она глотает, с трудом проталкивая комок в горло, но на глазах у нее выступают слезы. Сквозь эти слезы она видит испуганное лицо Яна Инге и поднимает руку, показать, что ничего не случилось.

— Не в то горло попало? — спрашивает он, про-

тягивая ей свою салфетку.

Кивнув, она прикрывается салфеткой и чихает пару раз, потом вытирает слезы под глазами.

— Выпей воды, — говорит мать.

Знакомая интонация. Мягкая, но настойчивая. Анетте вдруг снова семь лет, и ей велено не стучать ногами по стулу. Она и раньше считала, и сейчас думает, что быть единственным ребенком в семье — радость сомнительная. Когда мать вынашивала близнецов, родители боялись, что Анетте станет ревновать. Ведь не шутка обзавестись братом и сестрой, когда тебе почти десять лет. Но для Анетте это значило выскользнуть из тисков внимания, заботы, ожиданий. Во всяком случае, ей это запомнилось так. Она еще раз промокает глаза и проверяет, не осталось ли на салфетке следов косметики.

Где моя тушь? Последние слова писательницы Джин Рис. И как раз эта фраза засела в голове Анетте на встрече книжного клуба перед этими выходными. Книгу “Антуанетта”[5], которую они собирались обсудить, оказалось непросто раскусить. Но библиотекарь рассказала, что писательница долгие годы возвращалась к на-

---

[5] Примечания: 5

“Антуанетта” (“Wide Sargasso Sea”) — роман Джин Рис (1890–1979), приквел к роману Шарлотты Бронте “Джейн Эйр”.

писанию этого романа и сумела завершить его только к концу жизни, когда ее книги неожиданно оказались востребованными. Писательница к тому времени была несчастной, спившейся, злоупотреблявшей косметикой женщиной. Ее портрет служил тому иллюстрацией. И наверняка она была в такой же ярости, как та женщина, что подожгла Торнфилд-Холл. Так вот, перед самой смертью Рис спросила, где же ее тушь.

Анетте отпивает большой глоток шампанского. Она теперь предвкушает эти посиделки в библиотеке. Постепенно у них сложилась постоянная компания женщин, которые вяжут и обсуждают книги, которые они никогда бы не прочитали, если бы им их не предложил библиотекарь.

Открывается дверь, входит Уле, волоча тележку. Бедняга. Была бы здесь его жена, все шло бы куда легче. Тогда бы и Дорте, наверное, держала себя в руках. Анетте неловко слышать, как сестра помогает накладывать еду на тарелки и воркует при этом наигранно детским голоском. Анетте и раньше замечала у женщин сильно моложе себя, что они и взрослыми продолжают разговаривать нежными и тоненькими девчачьими голосками. Просто невыносимо очутиться рядом с компанией молодых женщин в автобусе или в кафе. Уши

режет, как от визга ножовки.

Вот и Дорте сейчас:

— Подожди-подожди, я помогу. Вот смотри, папуля. А вот и тебе, мамочка. Красотища, правда?

Блюдо подносят и Анетте. Да, все выглядит очень нарядно. Пожалуй, маленькие тоненькие блинчики она сумеет проглотить. Какое-то у них есть название. К ним подано грузинское натуральное вино, белое. Дорте встала поближе к Уле, собралась просветить их в этом отношении. Особенность этого вина состоит в том, что его выдерживают под землей в глиняных кувшинах. Уж конечно, без вина с особенностями было никак не обойтись. Анетте косится на Яна Инге, смотрит, сумеет ли он удержаться от шуточек. Но он, похоже, и не слушает. Ей видна только половина его лица, потому что он отвернулся от стола. Наверняка ему бы хотелось улечься на пол рядом с Лабаном. А может, это ей самой хочется прижаться к теплому, дышащему собачьему телу, лежать себе там и слушать, как то тише, то громче звучат голоса.

Дорте все еще распространяется о вине, и Уле потихоньку удаляется, предоставив ей разливать вино по бокалам. А бокалы опорожнены только у самой Дорте и у отца, вот Дорте в первую очередь

туда и подливает.

— Ян Инге? — спрашивает она.

Выпрямившись, тот быстро вливает в себя остатки вина. Вино, которым его потчуют сейчас, какое-то мутноватое. Когда Анетте была в Осло последний раз и случайно зашла в бар, где подают натуральное вино, то узнала, что так и должно быть. Попробовать что-то новое всегда интересно, но ей трудно понять, зачем пить нефильтрованное вино, когда можно угоститься свежим и прозрачным, без привкуса соломы, камней и, в некоторых случаях, уличной уборной. Думается, большинство сотрапезников разделяют ее мнение, но Дорте, разумеется, до этого дела нет. Если ей что втемяшилось, ее не остановить, так было всегда.

Но почему Анетте постоянно раздражается из-за сестры? Это что, проявление пресловутого “женщина женщине враг”?

Может, дело в зависти? Но Анетте не вполне понимает, чему она могла бы завидовать. Конечно, Дорте моложе ее на десять лет, стройнее, красивее. Но Анетте не поменялась бы с ней ни работой, ни гражданским статусом.

— Ой, смотрите! — восклицает мать, глядя в окно.

— Что там такое?

— Луну видно!

И правда, за тонкой пеленой тумана просвечивает круглый, но довольно бледный диск луны. Ян Инге раздвигает кружевные занавески до конца, чтобы всем было видно. Еще и несколько звездочек поблескивает.

— Почти совсем прояснилось, — говорит он. — Ну что, на сей раз непогода миновала.

— Просто невероятно, раз — и все по-другому, — говорит Дорте.

— Тогда завтра, может быть, выберемся отсюда? — с надеждой вопрошает мать.

Анетте видит, что все уже доедают закуски. Пусть иногда и работа, и муж сильно напрягают, но, положа руку на сердце, ничего другого она для себя не желает. А уж не иметь детей, ну нет, даже мысль об этом невыносима. Для сестры этот поезд ушел, пожалуй. Так что дело не в зависти. Но если быть откровенной перед самой собой, и Анетте считает, что она себе не врет, то в распирающем ее раздражении присутствует толика морального осуждения. Мать такая же, она то клюет младшую дочь, то горячо переживает за нее. У Анетте нет желания быть такой, как мать.

Анетте быстро опустошает два бокала и протя-

гивает руку за добавкой:

— А мне можно?

Подлив ей вина, Дорте похлопывает Анетте по плечу, и она сразу чувствует укол совести за свои мелочные мысли. Принюхивается к содержимому бокала. Вино не отдает ни уборной, ни псиной.

— Очень вкусно, — говорит мать, подбирая вилкой последние икринки. — А ты, ты вообще хоть чего-нибудь поела?

Воцаряется тишина, все смотрят на Анетте и блинчики, которые громоздятся перед ней, словно башня.

— Я съела один, — говорит она, бледно улыбаясь. — Вкусный.

— Ну еще один, — говорит Ян Инге.

И Анетте послушно съедает еще блинчик.

Разговор за столом продолжается, один только Ян Инге присматривается к жене. К счастью, он не умеет читать ее мысли, не видит, какой хаос царит в них, какая буря в них бушует. Уж несколько часов как пошла бушевать, и конца-краю этому не видно.

Появляется Уле убрать со стола. Дорте тянется забрать тарелки у Карла и Яна Инге, шаль соскальзывает, обнажая белое плечо. Конечно, не

намеренно. Но Дорте не спешит поправить шаль. Ох как же давно были у Анетте такие длинные, стройные руки, как у сестры, но Анетте старается держать себя в форме, хотя бы раз в день выводя пса на долгую прогулку. Ее вновь пронзает осознание ужаса ситуации. Как им с Яном Инге упражняться, когда не станет Лабана?

Анетте откидывается назад, заглядывает за спины отца с матерью. Вот он лежит. Черный увалень. И слюнявый-то он, и, как от некоторых других собак, от него всегда сильно пахнет. Какой только собачий шампунь, какое мыло они не пробовали, проходит всего пара часов, и Лабан снова пахнет Лабаном. Сейчас он, кажется, спит, но время от времени по его шерсти мелкими волнами пробегает дрожь.

В сумочке раздается жужжание; Анетте вытаскивает телефон. Это Кристина. Пора? Анетте показывает сообщение Яну Инге, тот кивает и встает.

— Ну все, начинаем!

— Что такое? — спрашивает мать.

— Сюрприз, — отвечает Ян Инге.

И уже на столе перед юбилярами стоит лэптоп, а на его экране — милые личики обеих внучек.

— Поздравляем, бабушка и дедушка! — пыта-

ются они прокричать хором.

Карл с Дорте становятся позади родителей, и на какое-то время воцаряется полнейший хаос: все кричат что-то свое, и никто не может разобрать ни слова. Анетте стоит сбоку и на экране не видна, но это и не страшно. Она видит, что Каролина расположилась в саду среди зеленых деревьев и ярких цветов. Кристина звонит с мобильного, картинка немного плывет, ее лицо часто оказывается не в фокусе. Виден главным образом потолок какой-то комнаты, видимо, это ее съемное жилье. И что такое? Она накрасилась? На заднем плане слышны музыка, громкие голоса. Ян Инге отважно пытается настроить звук, но помехи такие сильные, что половину сказанного не слышно.

— Попробуй отключать звук, когда они ничего не говорят, — командует Карл.

Это мало помогает, но Анетте удается уловить, что отец спросил об учебе, а Кристина взахлеб рассказывает о студенческом фестивале, который продлится целый месяц. В конце концов и матери удается вставить вопрос, она хочет знать, очень ли жарко в Бразилии, и это предлог для того, чтобы рассказать о буре и оползне.

— Вы не можете оттуда уехать? — с ужасом

спрашивает Каролина.

— Никто не может сюда добраться, и никто не может отсюда выбраться, — мрачно отвечает дед.

— Но… серьезно! Сколько же времени вам придется там оставаться? — Кристина пару минут держит мобильный ровно, и все видят ее распахнутые темные глаза.

— Вечно! — смеется Карл. — Шучу, наверняка завтра мы уже будем дома. Но машины придется оставить здесь до тех пор, пока не отремонтируют дорогу.

Внезапно раздается протяжный вой, заставляющий всех вздрогнуть. Лабан поднял голову и смотрит на них, перебирая лапами.

— Ой, а вот кое-кто услышал голоса своих сестренок, — говорит Ян Инге. — Поздороваетесь с ним?

Он забирает лэптоп и подходит с ним к импровизированному собачьему ложу. Опускается на корточки и держит лэптоп перед собой так, чтобы Лабан попал в камеру. Анетте слышит, как голоса девочек взмывают вверх и переходят в фальцет, когда они выкрикивают ласковые прозвища своего любимца. Сердце болит, когда слышишь их восторг и в то же время видишь, как

отчаивается пес из-за того, что не может откликнуться. Короткий тявк звучит скорее как стон, и он сразу опускает голову на пол. Это все, на что у него хватило сил. Уже и Ян Инге сообразил, что его задумка не удалась. Он быстро поднимается с пола и возвращается с лэптопом к столу.

— Что с ним такое? — слышит Анетте вопрос Каролины. Анетте встает так, чтобы смотреть дочкам в глаза.

— У него живот расстроился, — говорит она. — И мы разрешили ему побыть с нами за ужином.

Все остальные молчат. Глаза Кристины раскрываются все шире, а Каролина наклоняется к экрану так близко, что ее лицо заполняет его весь. Но изображение прыгает. Черты лица расплываются и распадаются на пиксели. Она что-то говорит, но им слышно только какое-то шуршание.

— Так что случилось-то, мама? — спрашивает Кристина. — Он выглядит совсем больным.

— Его отравили, — говорит дед, Анетте не успевает остановить его.

— Отравили? — ахает Кристина.

— Ну папа же, — бормочет Анетте.

Отец поднимает на нее глаза.

— Они должны знать, — говорит он.

— Что знать? — всхлипывает Кристина. — Мама? Папа? Что, что?

Больше она не в силах ничего выговорить: из-под длинных ресниц хлынули потоки слез, ручьями струящиеся по щекам.

— Он поел тухлого мяса, — пытается Ян Инге успокоить дочерей. — Сейчас ему нехорошо, но мы надеемся, что все образуется.

Из Бразилии доносятся треск и скрип, иногда кажется, что слышится и голос Каролины, но что она говорит, разобрать невозможно. А вот теперь ее лицо распалось на массу крохотных четырехугольников, хаотично перемещающихся по экрану. Анетте с ужасом смотрит на эту картинку. Впечатление, что где-то внутри этой массы скрывается чудовище, какой-то монстр с огромной кричащей пастью, пытающийся прорваться наружу. Кристина повернула телефон так, что ее не видно, слышны только ее всхлипывания.

— Ну-ну, — сухо говорит Карл, усаживаясь на свое место. — Ты своего добился, папа.

Анетте видит, что отец совершенно выбит из колеи. Да и все они тоже, и она понимает, что исправить ситуацию никому не удастся. Даже Яну Инге. Ровно в этот момент к ним заглядывает Уле, видимо, посмотреть, не пора ли уже

подавать основное блюдо. И поскорее скрывается. Анетте хватает лэптоп и переносит его на соседний стол.

— Послушайте, — как можно более четко выговаривает она. — Каролина. Кристина. Глупо получилось. А еще и связь очень плохая. Я перезвоню немного позже. Хорошо?

Кристина снова кивает в камеру. Бледная, заплаканная. Но хотя бы кивает. У Каролины все черно. Но, может быть, она их слышит.

— Я скоро перезвоню. Хорошо? Я вам позвоню. А сейчас я отключаюсь.

Пока программа выключается, Анетте встает и выпрямляется.

— Задумка, конечно, была неплохая, — слышит она голос матери.

Хватит у нее сил вернуться назад, за стол? Она медленно считает до десяти один раз, потом другой. Возвращается на свое место, а Дорте и Ян Инге следят за ней глазами. Карл внимательно смотрит на отца, сидящего с прямой спиной и смотрящего прямо перед собой.

— Мы собирались рассказать им об этом более щадяще, — говорит Анетте.

Отец поворачивается к ней.

— Они имеют право знать, — говорит он, — что

их собака при смерти.

— Да, но мы же еще точно не знаем… — начинает было Ян Инге.

— Посмотри на него, — говорит отец. — Он же мучается. Надо прекратить его мучения, пока ему не стало хуже.

— То есть? — глухо спрашивает Анетте.

— Вы должны умертвить его и покончить с этим ужасом, — говорит отец. — Это обязанность владельцев собаки.

Как в замедленной хореографии, все поворачивают голову в одну и ту же сторону.

Глаза Лабана полуоткрыты, дышит он с трудом. Время от времени у него дергаются лапы. Если бы не тяжелое дыхание и не странный поворот головы, можно было подумать, что он спит и видит сны.

— Боюсь, папа прав, — тихо говорит Карл.

Анетте чувствует, что задыхается. Чтобы дать доступ воздуху, приходится откинуться на спинку стула. Ян Инге тоже остолбенел.

— Папа… — говорит Дорте.

— Здесь есть два опытных охотника, с ружьями. Что еще думать. — Голос у отца твердый и решительный. — Они не могут отказаться застрелить собаку, раз уж это они ее отравили.

Дорте

Дорте разливает по бокалам красное вино, о котором она много чего занятного могла бы рассказать, и помалкивает. Все равно никого не интересует, что они пьют, знай себе накачиваются. Даже мать пьет густое ливанское вино будто сок. За основным блюдом выхлестали две бутылки. И аппетит ни у кого не пропал, просто не верится. Никто ни слова не сказал о шокирующей инициативе отца, если не считать промямленного Яном Инге: “Мы подумаем”. Но нет-нет, кто-нибудь да и подойдет к псу, посмотрит, как он, осторожно погладит по шерстке, скажет что-нибудь ласковое. Иногда собака реагирует: вильнет хвостом, протявкает булькающее: “Уф”, напоминающее слабое мычание.

Уле практически невидим, скользит туда и обратно, как тень. Ловко и бесшумно он сервировал каждому жаркого из оленины с картофельными маффинами и овощами; все съели и по второй порции. Мать посетовала, что жаркое суховато. К счастью, хозяин в этот момент отсутствовал.

Дорте ест машинально. В голове одна мысль: это мне не привиделось. Не привиделось! Всего сутки назад она раздражалась из-за того, что за столом все сели не туда. Какая роскошь беспо-

коиться из-за такой ерунды! Теперь, когда все самым явным образом летит в тартарары, ей безразлично все, кроме одной-единственной вещи: как ее кинуло в жар, когда Уле — и ей это не показалось! — незаметно приласкал ее, передавая коробок со спичками. Она не могла этого придумать, она все еще ощущает кожей это прикосновение.

Дорте мысленно перебирает ход событий. И никак не может определиться, сделал ли он это целиком и полностью по своему хотенью, или она своим поведением подтолкнула его к этому. Ведь как она брала у него этот коробок, не замешкалась ли чуть-чуть? Не нарочно ли коснулась его ладони своей? Не подала ли ему какой-то знак? Вновь и вновь она перебирает в уме, как он большим пальцем коснулся — нет, не коснулся, он погладил краешек ее ладони и мизинец.

Невозможно истолковать язык прикосновений неверно, этот самый древний язык.

Нужно прекратить думать об этом сейчас, нужно взять себя в руки. Слушать, что говорится за столом. Вот Анетте встает, вытаскивает что-то из-под тарелки. Неужели правда собирается держать запланированную речь? После всего, что произошло… после того, что сказал отец? И

впрямь! Сестра прокашливается, расправляет свои бумажки. Дорте окидывает стол быстрым взглядом, смотрит, у всех ли налито. В бокалах осталось понемножку, но этого должно хватить. А потом уж она попросит Уле принести еще бутылку.

Пока сестра держит речь, Дорте смотрит на мать с отцом. Мать выпрямилась, сложила руки на коленях. Ее поза и взгляд явно показывают, что она ловит каждое слово; все, что говорится, должно отложиться в памяти. Отец сильно клонится на бок, Дорте хочется подойти и выровнять его. Лицо отца остается непроницаемым с того момента, как он своими словами вызвал слезы и хаос. Просто возмутительно. Невозможно понять, сожалеет ли он о сказанном или досадует на мягкотелость остальных.

Дорте только теперь начала в мыслях называть родителей старыми. Они вполне бодры и справляются с бытом, так что Дорте долго не воспринимала всерьез сетования Анетте на то, что они начинают сдавать. Но в последнее время, приезжая их навестить, Дорте и сама стала замечать мелкие изменения. С некоторыми делами они больше не справляются, многое делается на более простой манер. Прошлым летом на виду

все время лежали щипцы для орехов, и Дорте не сразу поняла, что у них не хватает силы руками отвернуть крышечку на пакете с молоком. Кофе родители пьют из одних и тех же чашек, пока те не почернеют изнутри; Дорте тайком совала их в посудомойку, когда матери с отцом не было дома. Еще они жаловались на постоянные обновления на компьютере, а они в этом ни в зуб ногой.

Казавшиеся вечными и неколебимыми, они начинают понемножку, почти незаметно рассыпаться. Дорте чувствует, как подступает горе, о котором она наслышана от друзей: горе терять родителей, пока они еще живы. Внезапно осознаешь, что они уйдут. Потому что они уже уходят, потихоньку удаляясь по пути туда, куда их можно проводить только до определенной черты. А ведь так не хочется думать об этом, отгоняешь от себя подобные мысли, пока удается рассыпающихся стариков видеть цельными и сохранными, так похожими на них прежних.

Get home before it gets ugly[6], давно еще посоветовала ей одна подруга. Один из лучших советов, полученных Дорте. Очень помогал на вечеринках — лучше уйти, пока никто не напился или все не

---

[6] Примечания: 6
Вали домой, пока не началось *(англ.)*.

пошло вразнос. Помогал в отношениях, которые развивались не так, как хотелось бы, помогал на работе, когда она видела, что, как ни старайся, признания не дождешься. Но в этом случае совет не помогает, потому что ужас настигает как раз дома, в собственном теле, в тебе самой. Старость, болезнь, угасание, смерть. И это твой дом. Дорте в полную силу осознает это сейчас, глядя на отца, все сильнее заваливающегося влево, в сторону от той, с кем он пятьдесят лет прожил в браке. Анетте все распространяется о том, как у них в эти годы складывалась совместная жизнь. Но что у них впереди? Год за годом, когда жизнь становится все тяжелее и сложнее. Многое станет для них недоступно, придется вынести потери и боль. Смогут ли они поддерживать друг друга, будут ли они угасать вместе или кому-то из них придется взять на себя заботу о другом, придется ли кому-то из них влачить ополовиненную жизнь в одиночку?

Дорте косится на Карла, весь вечер странно молчаливого. Она ощущает в нем какое-то смятение, хотя он и сидит, лениво развалясь на стуле. Эх, взял бы он дело в свои руки, разрулил ситуацию, угомонил отца, разобрался, как быть с собакой. Не думает же ее любимый брат, что на

самом деле нужно попросить охотников пристрелить Лабана? Анетте и Ян Инге ни за что на это не согласятся.

Анетте завершает речь и поднимает бокал.

— Выпьем за любовь длиной во всю жизнь. Выпьем за Анну и Юна!

И под аплодисменты Дорте, Карла и Яна Инге она подходит к матери и отцу и обнимает их по очереди. Мать тронута до слез, отец выпрямляется, и его лицо немного смягчается.

— Но я не был Дедом Морозом, — говорит он, когда Анетте возвращается на свое место.

— Ну как не был. Тебя же никогда не было дома, когда приходил Дед Мороз. Мы догадались, в чем тут дело.

— Это был не я, — упирается отец. — А учитель Андерсен. Помнишь его? Они жили дальше на нашей же улице, мы с ним встречались на полпути и менялись мешками, и я шел к нему домой с подарками его детям, а он шел к нам.

— Не может быть, что я, твой голос не узнаю! — говорит Анетте чуть ли не обиженно.

— И ты нас столько лет дурил, — говорит Дорте. — Выпьем за это, и я схожу принесу еще вина!

Осторожно прикрыв за собой дверь в столовую,

Дорте заглядывает в гардероб, чтобы посмотреться в зеркало. Из строго затянутого пучка выбилось несколько прядок. Ну и хорошо, ей к лицу, когда волосы слегка растрепаны и вьются на висках. Поправив прическу, она пощипывает себя за щеки. Сойдет, губная помада осталась в сумочке.

Дорте подходит к кухне с колотящимся сердцем. За все время ужина они с Уле едва обменялись взглядами. Она не знает, что скажет, как поведет себя, когда они встретятся. Но, по крайней мере, у нее есть на кухне дело.

Уле сидит на табурете и читает что-то на телефоне. Кухня аккуратно убрана, все начищено. На столе стоит поднос с маленькими десертными тарелочками. Когда входит Дорте, он вскидывает глаза. Встает, и она идет к нему. И видит, что он как бы разводит руки в стороны; она понимает, что можно подойти совсем вплотную. Он обнимает ее, а она обхватывает его руками за талию.

— Ой, — говорит она.

— Попалась, — говорит он. И целует ее.

Иногда все так просто. Что-то происходит просто потому, что должно произойти. Дорте и Уле, как бы неправильно, странно и невозможно это ни было. В самый первый раз, когда они вместе сидели на кухне, она почувствовала, что их обоих

тянет друг к другу, между ними химия. А сейчас они нежно и испытующе целуются, потом стоят, тесно прижавшись друг к другу. Она дрожит, но его теплые руки держат ее крепко.

— Как там настроение, в столовой?

— Совершенно отвратное.

— Я боялся, что так и будет.

Он поглаживает ее по спине.

— Я вообще-то за бутылкой пришла, — бормочет она в ямочку у него под горлом.

— Сейчас сделаем.

— Папа предложил застрелить собаку.

Он чуть отстраняет ее.

— Да ты что?

— Серьезно. Он считает, что раз охотники его отравили, то обязаны его пристрелить.

Уле проводит теплой ладонью по ее щеке, отирая слезы, которых она сама и не заметила. Она видит маленькие мокрые пятнышки со следами туши на его футболке. Никак это не комментирует. Он обхватывает ее лицо руками, а она не знает, может ли он ладонями почувствовать, как стучит кровь у нее в висках.

— Может быть, так лучше. Для собаки.

— Это ужасно. Безжалостно.

— Да.

Они стоят и смотрят друг на друга глаза в глаза, и постепенно все вокруг исчезает. Будто на кухне подкрутили выключатель и приглушили яркое освещение. Очертания вещей расплываются. Дорте чувствует себя невесомой. В ушах низкое гудение, идущее откуда-то из нее самой. Не понять, сколько они так стоят, секунды или минуты. Она мигает, и вновь становится светло. Слышно, как булькает кофеварка, в которой доваривается кофе. Уле кладет руки ей на плечи.

— Значит, бутылку вина? Красного?

— Да. И не обязательно какого-нибудь… изысканного.

— Хорошо. Я тогда возьму одну из тех, что хранятся у меня здесь. — Открывает шкафчик и достает бутылку. — Значит, десерт пока не подавать?

— Пока не надо, но надолго тоже не откладывай. Наверное, скоро все захотят кофе.

Он вручает ей бутылку.

— Тогда я через четверть часика приду.

Дорте медленно подходит к столовой. У нее ощущение, будто в груди у нее взлетела стайка птиц и они порхают там вразнобой. Перед тем как войти, она ненадолго останавливается, пытается изобразить на лице подобающее выражение. Но

когда она входит, никто на нее не смотрит. За столом никого. Ян Инге, отец и Анетте сгрудились вокруг пса. Карл стоит у окна спиной к ним. Дорте ставит бутылку на стол и подходит к брату.

— Где мама? Что-то случилось? Лабану стало хуже?

Карл оборачивается к ней.

— У него начались судороги. На маму это очень подействовало, она не могла здесь оставаться.

Дорте слышит серьезные, сосредоточенные голоса родных. Подвигается ближе к Карлу, берет его под руку.

— Но теперь-то уж хуже не может стать?

— Типун тебе на язык, — отвечает он, похлопывая ее по руке. — Хуже всегда может стать.

На дворе холодная луна светит на ели, отбрасывающие длинные и узкие тени в сторону дома. Будто стрелы, нацеленные на них. В лунном свете между тенями поблескивает земля. Подморозило, что ли? Из окна тянет, Дорте зябко ежится.

— Ты сегодня такой тихий, братик.

— Да. Пришло сообщение и выбило меня из колеи. От Сюсанне.

— Да что ты! И… чего она хочет?

— Не очень понятно.

Дорте закусывает губу. Ясно тогда, почему брат

так притих. Странно, что Сюсанне прорезалась именно сейчас, сегодня, когда Карл впервые заговорил о ней после долгого перерыва. Дорте только собралась спросить, намерен ли он ответить, как Карл говорит:

— Она съехала от своего дружка.

— И сразу же вспомнила о тебе? — выскакивает у Дорте.

— Да нет, не сразу. Я так понял, что они расстались несколько месяцев назад.

Карл поворачивается к ней с улыбкой, но не той задорной, обаятельной, которую она у него так любит, а с натянутой, не достигающей глаз.

— А ты-то сама, ты бегала с Дедом Морозом целоваться?[7]

Дорте опускает глаза.

— Что, так заметно?

— Да брось. У всех голова занята другими вещами.

Она глубоко втягивает воздух.

— Пойду посмотрю, как там мама.

— Ну иди.

Карл присоединяется к остальным. Анетте сидит, вытянув ноги перед собой; Лабан положил

---

[7] Примечания: 7

Карл намекает здесь на популярную песню *“Jeg så mamma kysse nissen”*: “Я видел, как мама целуется с Дедом Морозом”.

голову ей на колени. Она разговаривает с ним ласковым голосом. Ян Инге присел на корточки, спрятал лицо в ладонях. Над ними склонился отец, лицо напряженное. Оглянувшись в дверях, Дорте понимает, что эта картина — три человека и собака — останется с ней навсегда.

Ей не приходится искать мать долго. Один из туалетов в гардеробе занят, Дорте осторожно стучит в дверь.

— Мама, ты здесь?

Проходит пара секунд, щелкает замок, и мать выходит. Глаза у нее опухли, в остальном она выглядит как обычно.

— Нет сил смотреть, как он мучается, — говорит она, подходя к раковине.

— У меня тоже нет.

Дорте стоит позади матери, не зная, что делать; видит ее в зеркале. Из-за красного платья мать кажется еще бледнее. Ей всегда нравились яркие цвета, хотя приглушенные идут ей больше.

— Ты тоже считаешь, что лучше его умертвить? — спрашивает Дорте.

— Не знаю. — Мать трясет головой. — Наверное, твой отец прав. Но чтобы это сделали они? Они же виноваты… неужели эти мерзкие рожи — последнее, что увидит несчастное животное?

Эта мысль не приходила Дорте в голову. Она вообще так далеко не загадывала. Когда отец завел речь об умерщвлении, она не думала, что это примут всерьез. Но время будто ухнуло в какую-то воронку, в бездну, где может случиться что угодно. Непонятно теперь, чего от них ждать — от матери, отца, Карла, Анетте, что они вдруг скажут или сделают в следующую минуту. Кажется, что вообще ничто и никогда уже не вернется к нормальности.

А вот что наверняка, это что своей собаки они скоро недосчитаются. Родителей после такого вряд ли выманишь в какую-нибудь поездку. И в таком случае Дорте — последняя, кто будет сокрушаться по этому поводу.

Мать долго и тщательно мыла руки, теперь методично вытирает их. Дорте, ее сестра и брат научились правильно мыть руки у своей матери-акушерки. Ополосни их под струей воды, не жалей мыла, долго три одну о другую, не забудь местечки между пальцами, следи, чтобы и большой палец был помыт, ополосни. Руки мыть обязательно, вернувшись с улицы домой, перед едой и, разумеется, сходив в туалет.

Строгие правила не могли не наложить отпечатка на их поведение. Насчет Карла и Анетте

Дорте не знает, но сама она часто с трудом удерживается, чтобы не сделать людям замечание. Очень многие, да почти все, моют руки небрежно, некоторые обходятся тем, что бултыхают кончики пальцев в теплой воде. Но сейчас она попробует подольше не мыть руки, ведь они все еще хранят тепло Уле, запах его тела, и при мысли об этом Дорте снова ощущает трепетание в груди.

— Ну идем уж, — говорит она матери.

В холле горят все свечи. Уле заново растопил очаг, над которым висит картина, изображающая мощное сияние солнца. Очевидно, предполагается, что после обеда все соберутся здесь. Но сейчас трудно представить себе, что они смогут снова устроиться у камина и вести приятную беседу. Дорте с матерью стоят на пороге и с сомнением оглядывают комнату.

— Похоже, Уле переселил охотников, — говорит Дорте скорее для того, чтобы прервать молчание.

Охотников не видать, но из мыслей их не выкинешь. Дорте гадает, кто пойдет к ним с просьбой пристрелить собаку. Видимо, и мать задумалась о том же.

— Они довольно сильно выпили, — откликается она. — Мы же не можем позволить, чтобы они застрелили Лабана, набравшись пьяными?

Дорте дотрагивается до руки матери.

— Прости меня, — говорит она. — Это я виновата, что мы влипли в такую историю.

Мать не отвечает. Она что, не расслышала? Или приняла извинение как должное, не пожелав проявить ни капли снисхождения? Неужели невозможно простить Дорте то, что поездка обернулась адом? Дорте ждет, но мать направляется в столовую, пробормотав, что пора, пожалуй, возвращаться к остальным.

Там произошла смена декораций. Отец с Карлом за столом, беседуют. Анетте расхаживает вокруг, разговаривая по мобильному телефону. Теперь на полу сидит Ян Инге, голова Лабана лежит у него на коленях. Мать сразу садится рядом с мужем. В комнате запахло смертью. Но Дорте берет себя в руки и подходит ближе к Яну Инге. Он поднимает на нее воспалившиеся глаза. Его костюмные брюки измазаны слизью. Дорте видит, что у Лабана опять вся морда и пасть покрылись пеной. Он лежит совершенно неподвижно, глаза приоткрыты, но видны только белки; время от времени по его телу прокатывается дрожь.

Пес будто бы посерел за то недолгое время, что ее не было в комнате. У него теперь не черная и блестящая шерсть, а тусклая сероватая оболочка,

скрывающая то, что всего несколько часов назад было воплощением собачьего счастья.

Не успев и слова сказать Яну Инге, Дорте видит, что пришел Уле. Он открывает дверь осторожно и входит спиной вперед, аккуратно неся поднос со сладким и небольшую бутылку десертного вина, заказанную Дорте.

Кажется, что много лет прошло с тех пор, как она вела с хозяином хутора переговоры по телефону, обсуждая, какие вина лучше поставить на праздничный стол. Остановились на токайском, в том числе и потому, что ей хотелось рассказать историю о той роли, которую токайское играет в пьесе “Дикая утка”. Ведь там Ялмар Экдал разоблачает себя, рассказывая старому Экдалу и своей жене, что сладость вина зависит от того, насколько солнечным выдался год. Космополит Ибсен наверняка знал, что решающим фактором тут служит туман. Возможно, и старый Экдал знал это; должно быть, для него мучительно было видеть, насколько невежествен и хвастлив его сын.

Во всяком случае, Уле ее история развеселила, Дорте его смех понравился сразу же. Ей понравился его голос, понравилось обсуждать с ним вина, выбирать, что он может предложить им. Теперь-то вряд ли кому-нибудь захочется выпить

токайского или отведать морошкового крема.

Оглянувшись, Уле понимает, что происходит. Опускает поднос на стол очень аккуратно, совершенно беззвучно. Подходит к Яну Инге и присаживается на корточки.

— Теперь уж никаких сомнений, — говорит он тихо.

Ян Инге качает головой.

— Но мы не знаем, сколько это может продлиться.

Уле протягивает руку и гладит Лабана по шерстке.

— Бедный ты, бедный, — говорит он. Эти слова, предназначаются, пожалуй, и собаке, и ее хозяину.

— Мы тут подумали… — начинает Ян Инге. Замолкает и взглядывает на Анетте, завершившую телефонный разговор. Она выпрямляется и подходит к ним.

— Я им рассказала, — говорит она. Дорте догадывается, что речь о дочерях.

— И как они? — глухо спрашивает Ян Инге.

— Безутешны, — говорит Анетте. — Но они согласны, что ничего другого не остается.

У Дорте перехватывает дыхание. Значит, решение принято. Но как?..

— Мы тут подумали… — повторяет Ян Инге. Смотрит Уле в глаза. — Ну, не можешь ли ты их спросить.

Кромешная тишина; Дорте слышно только, как в горле собаки что-то тоненько булькает. Потом отец и Карл встают и подходят ближе. Все смотрят на Уле, все так же сидящего на корточках возле собаки. Не похоже, чтобы просьба пришлась ему по нраву.

— Все-таки лучше бы их спросил кто-нибудь еще, а не я и не отец, — говорит Карл. — После той нашей перебранки.

Уле неуклюже встает, вытирает руки о передник. Дорте жаль его. После всего, что он сделал для их семьи, ему еще придется идти к этим мерзким типам, просить их совершить такую ужасную вещь?

Внезапно собака резко вздрагивает, тело перекручивается. Глаза Лабана открыты, но они белесые, сероватые. Анетте падает на колени и протягивает к нему руку, но Лабан рычит на нее и скалит зубы. Анетте в ужасе отдергивает руку. Пес не сводит с нее невидящих глаз, потом судороги утихают, и глаза у него закатываются. Он издает жалобный писк, словно прося прощения за то, что плохо себя вел.

— Я тоже пойду, — говорит Дорте. Карл с отцом удивленно оборачиваются к ней, но она смотрит только на Уле. — Пойду с тобой просить их, — говорит она.

Он коротко кивает, и они уходят. Уле поворачивается к ней в холле.

— Ты хорошо подумала? — спрашивает он.

Она в ответ берет его руку в свою. Они идут по коридору, держась за руки. Это могло быть так романтично. Небо полностью прояснилось, над стеклянным потолком раскинулся звездный ковер.

— У них общий номер?

— Да, в самом конце коридора.

Они останавливаются, и Уле стучится в дверь. Сначала тихонько, потом сильнее. Слышно, что за дверью работает телевизор, но никто не отвечает. Уле отворяет дверь и делает шаг в комнату. Дорте за ним. На кровати лежит старший из мужчин, все в той же самой шерстяной майке и кальсонах, в которых она видела его прошлый раз. Одеяло неряшливо сброшено на пол. Соседняя кровать пуста, но и на ней видны следы жизнедеятельности. На сбившемся одеяле валяется полупустой пакет чипсов. На прикроватной тумбочке стоит несколько пустых бутылок из-под пива. Стар-

ший удивленно смотрит на них с кровати, но не похоже, чтобы он собирался убавить звук в телевизоре: там визжат покрышки, там вопят и стреляют.

— Кто там еще? — кричит из ванной второй.

— Убавь звук, пожалуйста, — просит Уле громким голосом, но спокойно.

Стейн пытается нащупать пульт, свалившийся на пол возле кровати. Нашарив его, наконец, выключает звук совсем.

— Да, отдохнешь тут, — говорит он сухо, вперив глаза в Дорте, которой сразу хочется поплотнее завернуться в шаль. — Напраздновались, что ли?

— Можно и так сказать, — отвечает Уле. — И теперь собака при последнем издыхании, лежит и мучается, так что вопрос наш: не сократите ли вы ее мучения?

Стейн смотрит на него, не веря своим ушам.

— Что там такое? — раздается из ванной.

— Да вот, пришли и очень просят прикончить собаку, — кричит Стейн в ответ.

Воцаряется тишина. Дорте чувствует, что и она должна вставить слово.

— Он ужасно страдает, мы подумали, что лучше это прекратить, — говорит она.

У Стейна вид, будто он жует свой язык. Дверь в

ванную приоткрывается, высовывается круглая красная голова молодого.

— Застрелить собаку?

— Не волнуйся, Гейр, — отвечает второй. И говорит, обращаясь к Дорте и Уле: — Гейра не трожьте. Ему пришлось застрелить собственную собаку, ее волк порвал.

Соскользнув с кровати, он стоит и осматривается, наверное, ищет, где оставил одежду.

— А вы придумали, где это сделать? — спрашивает он.

— Пока нет, — отвечает Уле. — Но уж точно не в доме. Надо его вынести во двор.

— Тогда уж отдай мне ружье, — требует Стейн.

— Разумеется. Сейчас достану, — соглашается Уле и уводит Дорте за собой в коридор. Закрывает за собой дверь. Дорте дрожит как осиновый лист, и не от холода.

— Как ты думаешь, Ян Инге справится один? — спрашивает Уле. — Вынесет пса? Может быть, лучше они с Карлом положат его на одеяло и понесут вместе?

— Я могу им помочь, — говорит Дорте.

— Не стоит тебе в этом участвовать. — Уле притягивает ее к себе и гладит по спине крепкой рукой.

Дорте благодарна ему за заботу, но она ведь не слабонервная трусиха. На ней лежит значительная часть ответственности за происшедшее. Почему самую грязную работу должен выполнять Уле? И с ним Карл и Ян Инге? Это что, мужская солидарность?

— Может быть, твой отец пойдет с нами, он, похоже, не робкого десятка. Они с Карлом могут нести. Я пойду достану ружье из-под замка, а ты тогда постарайся придумать, как вынести пса, чтобы не причинить ему боли.

Не причинить боли. Дорте идет в столовую, и ее пошатывает. Не успевает она открыть дверь, Карл тут как тут, перед ней.

— Они согласны, — говорит она, не успевает он спросить. — Старший обещал. Сейчас Уле принесет ружье.

— Окей, — отвечает Карл и отворачивается.

Дорте видит, что прикатили столик на колесах, на котором Уле возит посуду и еду. Ян Инге и отец готовятся поднять туда Лабана. Берутся за концы одеяла, на котором он лежит.

— Подожди, — говорит Дорте. Подходит поближе, чтобы подставить руки под тело пса, когда они начнут поднимать его. Дорте видит, что Анетте не в силах справиться с собой, отвернулась.

Мать стоит рядом и гладит ее по спине.

Пес такой тяжелый, Дорте с трудом удается поддерживать его, а когда Лабана переваливают на столик, ей приходится напрячь все силы. Лабан перебирает лапами, пытается приподнять голову, но не издает ни звука. Лежит на столике, тяжело дыша, время от времени делая беспомощные попытки приподняться. Ян Инге нежно придерживает собачье тело, чуть прижимая его.

— Ну вот и все.

Пальцами он поглаживает пса между глаз. Лабан успокаивается и замирает, лежа на боку. Можно представить себе, будто он лежит на операционном столе, и можно надеяться, что скоро придет кто-нибудь, и Лабан поправится. Ян Инге наклоняется и целует собаку в лоб.

— Скоро все будет хорошо, Лабанюшка мой, — бормочет он. — Мой хороший. Мой добрый. Все будет хорошо. — И опять целует собаку.

И вот Карл откатывает столик к двери. Дорте понимает, что ни Ян Инге, ни Анетте не пойдут с ним. Дорте отворяет перед Карлом дверь и ждет, пока он выкатит собаку. У входа стоит экипированный с головы до ног в охотничью одежду Стейн, в руках винтовка. Уле тоже там, он надел сапоги и толстую серую куртку. Он долгим

взглядом смотрит Дорте в глаза, потом выходит вслед за Карлом и Стейном. В приемную задувает холодный воздух, пахнущий глиной, землей и мерзлой травой.

Дорте остается в доме: ее трясет, у нее нет сил выйти с другими. Но не может же она стоять тут и ждать выстрела. Она не знает, где еще укрыться, кроме кухни. Там она соскальзывает на пол спиной к стене, подтягивает ноги под себя и заматывает голову широкой шалью. Свет внутри мягкий и серый, будто в палатке.

Карл

Столик на колесиках после дезинфекции вернулся к своим обязанностям — возить посуду. Карл и Уле переставляют на него бокалы, скатерти в пятнах от соуса и блюдца с нетронутым морошковым кремом.

— Уберем десерт в холодильник, — говорит Уле. — Вдруг кто захочет на завтрак?

— Ладно, — отвечает Карл, хотя сильно сомневается в этом.

На хозяйстве остались только они вдвоем, остальные ушли отдохнуть. Даже Дорте, раньше говорившая, что хочет помочь с уборкой, ушла поспать. Но она была явно не в себе, когда Карл с Уле обнаружили ее сидящей на полу рядом с

кухонной стойкой.

Они отвели ее в гостиную и усадили вместе с остальными, устроившимися у камина. Уле предложил желающим виски. Разговор не клеился, и вскоре гостиная опустела.

За работой Уле с Карлом не разговаривают. Нет таких слов, чтобы выразить, не говоря уж затушевать, то, что им всем пришлось пережить этим вечером. Теперь в холодной кладовке лежит собачий труп, завернутый в старое одеяло и обтянутый черным пластиком. Об этом лучше не думать.

Карл пытается решить для себя, отвечать ли на Сюсаннины сообщения, а если отвечать, то что именно. Он складывает в уме слова, выстраивает фразы и сразу их отбрасывает. Слова еще ладно, но надо подобрать подходящий тон. Тон решает все.

По тону ее сообщений он отлично представляет себе, в каком состоянии была Сюсанна, когда писала и отсылала их. Похоже, она писала первое, что придет на ум: слова разбегаются в разные стороны, а она торопится поймать их. Но хотя сообщения и написаны в спешке — впечатление, что она была чуть ли не в состоянии аффекта, — Карл подозревает, что она уже давно

вынашивала эти мысли. Потому что она открывает и не слишком много, и не слишком мало. Не поймешь только, чего она хочет. Под конец она и сама пишет: “Вероятно, ты не поймешь, зачем я пишу тебе сейчас, но, правду сказать, я и сама не знаю. Просто я никогда не переставала думать о тебе”[8].

— Ну вроде все.

Голос Уле возвращает его к действительности. На столе ничего, тележка нагружена.

— Ты не мог бы прихватить одеяла, а? — Уле показывает на три тоненькие шерстяные одеяла в углу, импровизированную собачью подстилку. Карл внимательно их оглядывает, прежде чем взять в руки.

— Больше всего попало на перину, — говорит Уле. Карл кивает, но все-таки несет одеяла на кухню, отставив руки подальше от себя.

Уле забирает у него тряпье и выбрасывает на лестницу.

— С остальным я сам прекрасно справлюсь, тебя наверняка клонит в койку, — говорит он, сводя плечи так, будто сворачивается калачиком.

Уле наверняка устал до смерти. Интересно,

---

[8] Примечания: 8

В оригинале сообщение написано по-шведски, но норвежцы легко читают на этом языке.

думает Карл, я такой же бледный и осунувшийся, как хозяин? Ну и досталось парню за эти дни. И ведь ни на секунду не выказал слабости, не оставил их в беде. Цельный и порядочный человек, единственное, в чем можно его упрекнуть, это заигрывания с Дорте. Конечно, Карл знать ничего не знает об отношениях Уле с женой, да и не его это дело. Но не та сейчас ситуация, чтобы Карл, как эдакий старорежимный патриарх, выспрашивал Уле о его намерениях по отношению к сестре.

Поэтому Карл задает совсем другой вопрос:

— Один точно справишься?

Уле вяло кивает.

— Кое-что может и до утра подождать. А ты и так сделал более чем достаточно.

Карл стоит и смотрит на него. Потом говорит:

— Если уж кто сделал больше всех, так это ты.

Идет к Уле обняться. Но чувствует себя немного неловко, обхватывая Уле руками, и перестраивает жест на мужской манер — похлопывает Уле по спине. Уле воспринимает это со своим неизбывным спокойствием.

— Иди поспи. Завтра ждет новый день, новые проблемы, — усмехается он.

— Будем надеяться, ночь пройдет спокойно, —

выходя в приемную, бросает Карл через плечо.

По пути проверяет, все ли свечи погашены. В камине еще тлеет несколько угольков, и он разбивает их кочергой, чтобы уж потушить наверняка. Только пожара не хватало. Остается кучка серой золы. Но ему страшно неохота идти в свой унылый холодный номер. Знает, что не заснет, хотя измотан донельзя. Вроде в стеклянном коридоре стояли кресла. Там темно и тихо. Туда достает слабый свет из коридора спального крыла и бледное сияние луны, прячущейся за елями. Но достаточно темно, чтобы видеть звезды. Карл опускается в кресло и откидывается головой на спинку.

Звезды будто вкручены в иссиня-черное небо строительным пистолетом — умиротворяющее зрелище. Смотришь на них и осознаешь свое место в мире. Иногда стоит вспомнить, как ты мал, как мало значимого вокруг. Карл втягивает воздух глубоко в легкие. Хочет стереть из памяти печальную сцену, как они на столике выкатили пса из дома — умирать. Не хочет думать об исказившемся лице старшей сестры, о том, как отвернулся ее муж, как затряслись у него плечи. Совершенно не желает держать в памяти сцену жарких объятий хозяина и другой сестры. Не хочет отвечать на Сюсаннины сообщения, но

придется. Да, надо ответить.

Он достает мобильный телефон и перечитывает все три сообщения. Потом выключает телефон и опять поднимает глаза к звездам. Первое, что пришло ему в голову, это вежливо расхолодить ее. Спасибо, что написала, но в моей жизни уже наступил другой этап. В каком-то смысле это так, но не подразумевает ли эта банальная формула, “другой этап”, что ты нашел себе новую подругу? А это не совсем так, хотя за последний год он встречался с одной женщиной, потом с другой, но очень недолго. Да и не особенно ему хочется отваживать Сюсанну. Может, просто написать, что ее сообщение явилось для него неожиданностью, что ему нужно время, чтобы переварить весточку от нее? Но тогда он, может быть, слишком уж раскроется, покажет свою уязвимость. Может быть, написать все как есть, рассказать, какую драму они пережили на Иннсетре за последние сутки? И как бы мимоходом упомянуть о своем стартапе… Нет, этим он не ответит на вопрос, который читается между строк в ее сообщении. Все придуманные ответы звучат и глупо, и фальшиво. Все-таки такого она не заслужила. Карл откладывает мобильный в сторону, ложится головой на спинку кресла. Что бы посоветовала ему Дорте?

Сказала бы, наверное, что писать надо просто то, что хочется. А чего ему хочется? Чего-нибудь в таком роде: я тебя люблю. Я тебя ненавижу.

Ведь она предала его. Забеременела и сочла отцом ребенка мужика, с которым жила уже несколько лет. Само собой, так надежнее. Но откуда у нее такая уверенность в том, кто из них отец? Двойную жизнь она вела больше года. Карлу же просто сообщила о своем решении. Так надо. Спасибо и прощай. Ко всему прочему заставила его пообещать, что он не будет контактировать ни с ней, ни с ее сожителем. Мол, это разрушит ее жизнь. Разрушать ее жизнь не входило в намерения Карла, и он обещал не звонить и не писать. Ну и недотепа же он. Дорте именно так и сказала. Как она может требовать от тебя этого? Но вот потребовала. А он согласился.

Может, и правда утро вечера мудренее, думает Карл. Пусть подождет. Как знать, не ворочается ли она сейчас в постели без сна, косясь краем глаза на мобильный… Ха! Размечтался. Ладно, он еще немножко посидит тут, посмотрит на звезды и отправится на боковую. Когда наступит утро, будет понятнее, как поступить. На худой конец можно посоветоваться с Дорте.

Должно быть, он задремал, а проснулся внезап-

но от переполоха в спальном крыле. Хлопанье двери, громкие крики, настырный стук в дверь. Карл вскакивает и бежит туда. В коридоре стоит Стейн и колотит в чью-то дверь. Карл видит, что это дверь в его собственный номер, и кидается к Стейну.

— Эй, тише, всех перебудишь!

Стейн поворачивает к нему застывшее в ярости лицо.

— Я и хочу всех перебудить!

Открывается другая дверь, высовывается голова Яна Инге: глаза как щелочки, остатки волос вокруг лысины встопорщились.

— Что происходит?

Стейн идет к нему, дрожащим пальцем тыча в Карла.

— Он… он хочет нас убить!

И вдруг скрючивается в три погибели, будто от удара в живот. Карл смотрит на корчащегося от боли верзилу, вытаращив глаза. Не разгибаясь, Свейн неверными шагами бредет прочь по коридору, а на заду его серых шерстяных кальсон расплывается коричневое пятно.

— О как приспичило, — говорит Ян Инге, вышедший в коридор в трусах-боксерах и футболке. Они с Карлом смотрят, как охотник скрывается

в номере, не закрыв за собой дверь. — Они что, опять тусовку устроили, что ли?

— Нет-нет, — отвечает Карл. — Я тут заснул в кресле, а проснулся, когда он начал колотить в дверь моего номера.

Помолчав немного, Ян Инге говорит:

— Надо, пожалуй, заглянуть к ним, посмотреть, все ли в порядке.

Еще не зайдя в открытую дверь, они чувствуют запах пота и блевотины. В полутьме комнаты видно, что Гейр лежит на кровати, свернувшись калачиком на боку. Будто спит. Белье замарано лужицами рвоты, на полу жидкая кучка полупереваренной пищи. Из ванной доносятся звуки, которые трудно не распознать.

— Вот ведь черт, — говорит Ян Инге. — Здорово их прихватило.

Карл подходит к Гейру и трясет его за плечо. Парень слегка приоткрывает глаза, но тут же со стоном снова крепко сжимает их.

— Чего они могли нажраться? — Ян Инге задирает свою футболку и зажимает ею нос, обнажая дряблый волосатый живот.

— Им вчера досталось на ужин рагу из лосятины, остатки нашего обеда, — говорит Карл, подумав.

— Но у нас-то вчера никаких проблем из-за еды не возникло? — Ян Инге трет живот рукой. — Может, рагу испортилось в тепле?

— Кастрюля стояла в холодной кладовке…

— Это все ты! Ты нас отравил! — ревет Стейн из ванной.

— Что за бред, — говорит Карл, но его слова перекрывает новый вопль из ванной.

— Ты нас прикончить хочешь! Хиппи поганый! Все вы, вся ваша кодла, красные террористы!

— Ай! — доносится с кровати. Тело Гейра выгибается дугой. Он изворачивается и зарывается лицом в подушку. — А-а-а!..

— Что здесь происходит? — слышит Карл за спиной.

В дверях стоит отец в накинутом на плечи поношенном халате.

— Хотел бы я знать, — говорит Ян Инге, отступая от кровати.

— Папа, не позовешь маму? — спрашивает Карл. — Пусть бы она осмотрела этого типа.

Не сказав ни слова, отец уходит. Ян Инге использует его уход как повод выскользнуть в коридор. Карл щупает лоб Гейра. Кожа ледяная и липкая от пота. Слышно, как в ванной шумит вода. Потом оттуда выходит Стейн, замотавший

бедра полотенцем.

— А вы ели что-нибудь, кроме рагу? — спрашивает Карл.

— Нет, — стонет Стейн, с ужасом глядя на своего товарища, корчащегося от боли.

— Он же вот-вот концы отдаст, не вишь? Убийца подлый! — Он тяжело ковыляет к кровати и валится на нее с другого края, спиной к Карлу.

— Убивать — это не мое, я ни людей, ни зверей не трогаю, — твердо говорит Карл. — Скоро придет моя мать, осмотрит и Гейра, и тебя. Так что не балуй, накройся.

— Твоя мать? — тявкает Стейн и снова корчится.

— Она акушерка, много чего повидала на своем веку, — говорит Карл. — Так что ведите себя прилично.

Выходя, он в дверях сталкивается с матерью. На ночную рубашку она накинула куртку.

— Как хорошо, что ты тут, — говорит Карл. — Ян Инге все тебе объяснит. Я только проверю кое-что.

Останавливается перед дверью в номер и показывает им рукой, чтобы вошли. Ян Инге неохотно идет вслед за тещей. Карл, не ответив на вопрошающий взгляд отца, торопится на кухню. В

нем зреет ужасное подозрение. У стойки темно и тихо, на кухне свет сейчас тоже погашен. Карл нащупывает выключатель, и вот уже на ярком свету блестят надраенные дочиста стальные поверхности. Дверь в холодную кладовку не желает открываться, и Карл пугается, что Уле запирает ее. Но нет, просто ручка поворачивается с трудом. Дверь распахивается; внутри стоят рядышком оба рюкзака.

Один из них выглядит сильно просевшим. Тихо ругнувшись, Карл приподнимает клапан. На самом донышке рюкзака лежит прозрачный пластиковый пакет с комком окровавленной бумаги. Карл тут же проверяет второй рюкзак. В нем остается довольно много мясных обрезков, на вид не определить, сколько отсюда взято. Все равно понятно, что мяса стало гораздо меньше. С отвращением он опускает клапаны на место. Карла пробирает холод. Просачивается под праздничный наряд, все ближе, ближе к телу, ледяным кольцом сжимает сердце. Что же это за дикость происходит. Уходя, Карл плотно закрывает за собой дверь. Надо предупредить Уле.

К счастью, и дверь в его семейный отсек тоже не заперта. Карл ступает в полутьму лестницы и медленно поднимается на хозяйский этаж, а

мысли так и крутятся у него в голове. Кто, к черту, мог сотворить такое? На площадку лестницы выходят две двери, Карл стучит в обе. Стучит еще раз, громче. Уле, наверное, спит как убитый. Не дождавшись ответа, Карл открывает одну из дверей. Чуланчик. Открывает вторую и оказывается на кухоньке, домашней, уютной. Совсем в другом стиле, чем на первом этаже.

— Эй? — испытующе выкрикивает он. Еще раз, погромче. Идет дальше и оказывается в заставленной мебелью комнате с бревенчатыми стенами. Круглый год будто на даче, думает Карл и еще раз подает голос. Ни звука в ответ. Проходит в маленький коридорчик. Три двери, одна в ванную, вроде бы. За другой пустующая двуспальная кровать. За последней дверью кабинет. Вот оно что. Теперь понятно, где Уле.

Ничего не поделаешь, придется их побеспокоить. Сбежав с лестницы, он обнаруживает в торцевой стене дверь во двор, отсюда до амбара ближе. Под ногами шуршит мерзлая трава; поскользнувшись, он чуть не плюхается на пятую точку. Забыл, что на ногах по-прежнему парадная обувь. Лесенку амбара он минует в два прыжка. Хочет дать им минутку, чтобы привести себя в порядок, поэтому прежде, чем войти в коридор,

громко стучит в старую деревянную дверь и выкрикивает:

— Эй, это я, Карл! Я к вам!

Стучит и в следующую дверь. Выждав пару секунд, осторожно заглядывает в комнату. Там что-то слабо отсвечивает розовым; приглядевшись, он видит, что это платье, которое Дорте решила не надевать. Теперь оно накинуто на стоящий в углу торшер. Уле уже вылезает из постели, а Дорте, натянувшая одеяло до самых глаз, с испугом таращит на Карла глаза.

— Мне правда неудобно, — говорит Карл, переступая через высокий порог. — Но тут такое стряслось. Уле, ты нужен там.

— А что, что? — спрашивает Дорте из-под одеяла.

— Охотников прихватило. Кто-то отравил их мясом, которое хранилось у них в рюкзаках. И они думают, что это я.

Уле застывает, не успев до конца натянуть штаны.

— Чего? — вот все, что он в состоянии выдавить из себя.

Глаза у Дорте круглые, как блюдца. Карл испытующе оглядывает ее.

— Мама пошла осмотреть их. Особенно моло-

дой плох.

— Да, но… как же это могло случиться?

Карл только трясет головой. Кто его знает как.

Уле застегивает штаны и натягивает джемпер.

— Ты уверен, Карл?

— В одном рюкзаке ничего не осталось. Все отравленное мясо куда-то делось. Похоже, угодило в рагу, которое они ели на обед.

— Но кто же?..

— Хороший вопрос.

Все трое переглядываются. Карл видит, что услышанное никак не укладывается у Дорте и Уле в голове. Сам-то он сразу понял, открыв опустевший рюкзак, что это кто-то из них. Один из семерых, застрявших на хуторе, намеренно достал шмат отравленного мяса, нарезал его помельче и подложил в рагу, предназначенное охотникам.

Карл сам принес и поставил на огонь кастрюлю с остатками рагу. Он помнит, как пару раз снял крышку и перемешал содержимое, а потом убавил огонь и оставил кастрюлю на плите. Неужели он не заметил бы, если бы мяса в кастрюле прибавилось?

А потом, должно быть, пришел Уле разложить еду по тарелкам. Но разве выгодно хозяину, если

в его вотчине разыграется скандал с отравлением? Взгляд Карла переходит на Дорте. Трудно представить себе, чтобы сестра учудила нечто в этом роде.

Уле забирает с комода мобильник и ключи. Карл первым выходит из номера, успев услышать Дорте, которая кричит, что скоро придет. Мужчины торопятся в спальное крыло. Уле распахивает торцевую дверь, и они оказываются прямо перед номером охотников. Перед дверью топчется кучка людей. Видно, в постели никто не остался. Отцу, по-прежнему в одном халате, притащили кресло, на спинку его кресла опирается Анетте. Ян Инге безостановочно ходит туда-сюда. Когда появляется Уле, все вытягиваются в струнку и смотрят на него с мольбой во взгляде: спаси нас, сделай что-нибудь!

Уле проходит внутрь, за ним Карл. И сразу видит Стейна, вперившего неподвижный взгляд в потолок, и мать, прощупывающую ему живот. Услышав Уле с Карлом, она поднимает на них глаза. Ее лицо серьезно.

— Да, все, как и думал Стейн, они угостились тем же, что и пес, так что дело плохо. Вон этот особенно много съел.

Она кивает в сторону Гейра. Он лежит на боку,

вперив бессмысленный взгляд в стену, и тихо постанывает.

Карл не хочет разговаривать при охотниках и показывает рукой на коридор. Мать кивком обозначает, что поняла, но сначала она заботливо укутывает Стейна одеялом. Карл с матерью выходят, а Уле подсаживается к Гейру и пытается установить с ним контакт. Карл закрывает дверь в номер. Дорте успела одеться, теперь она вместе с остальными молча стоит у дверей, ждет, что будет.

Карл подходит к креслу, в котором сидит отец, и рукой подзывает остальных поближе.

— Значит, так… — Он замолкает и жестко трет лицо обеими руками. — Извините, просто… Ну в общем: эти господа неисповедимым образом наелись собственного яда. Отравленное мясо пропало из одного рюкзака.

Лица вокруг застыли, как маски. Карл чуть ли не наяву видит, как за бледными лбами мечутся мысли.

Карл продолжает:

— Наверное, кто-то подбросил отравленного мяса в кастрюлю с остатками рагу, которым они сегодня обедали.

— Кто-то… то есть один из нас? — резко спра-

шивает Ян Инге.

— Ну да, кроме нас-то некому? Вряд ли они сами.

— Ну есть ведь еще хозяин… — говорит Ян Инге.

— Ты серьезно? Зачем бы ему рисковать делом своей жизни?

Карл смотрит в глаза каждому по очереди. Всем, кроме отца: тот сидит, опустив глаза, и качает головой.

— Стейн уверен, что им досталось этого мяса, — говорит мать. Взглядывает на Карла. — И он уверен в том, что знает, кто это сделал.

— Да, я знаю, — говорит Карл. — Они думают, что я. Из-за того, что мы поругались.

— Это же просто абсурд, — говорит отец. Он поднял наконец голову и теперь пытается встать со стула. — Кто же в здравом уме мог пойти на такое?

Все смотрят друг на друга. Не похоже, чтобы кто-нибудь был готов объявить себя лишенным здравого ума. Молчание прерывает мать:

— Надо действовать, да поскорее.

— Но что мы можем? — восклицает Анетте. — Нам же отсюда не выбраться!

— Им надо в больницу. Слишком большой риск

оставлять их здесь.

Дверь в коридор открывается, осторожно входит Уле.

— Мама считает, что им надо в больницу, — говорит ему Карл. — А ты как думаешь?

Уле чешет в затылке.

— Не знаю. Как ты думаешь, сколько они съели?

— Чтобы эту парочку свалить, требуется куда больше, чем для собаки весом сорок кило, — бормочет Ян Инге.

— Да, но не можем же мы успокоиться на этом? — говорит Карл. — Ведь и Лабан съел не так уж много этого мяса.

— Может, дать им древесного угля с желтком?

Карл смотрит на мужа сестры снисходительным, как он надеется, взглядом. Понятно, что Ян Инге переживает и злится, но голову-то надо включать.

— Меня больше беспокоит молодой, — говорит мать. — У него могут почки отказать.

— Ну что ж, — говорит Карл, — выходит, если кто-то из них умрет, один из нас убийца.

Он сам слышит, как резко это прозвучало. Снова воцаряется молчание. В тишине слышно, как прерывисто дышит Уле. Ведь львиная доля

ответственности лежит на нем. Если эта история всплывет, чего, вероятно, не избежать, нужно ждать расследования всех событий этих дней. И тогда и хозяин, и все, кто имел дело с отравленным мясом, предстанут в весьма невыгодном свете.

— Я звоню на 113, — говорит наконец Уле. — По крайней мере они подскажут, что можно сделать.

— Ты же можешь сказать, что это случайно вышло, — делает шаг вперед Дорте. Но под взглядами остальных тушуется. — Ну, поначалу хотя бы. Пока мы так мало знаем о том, как это случилось.

Уле смотрит на нее с сомнением, потом выуживает из кармана брюк мобильный и отходит в сторону. Им видно, как он нажимает кнопки, но не слышно, что он говорит. Карл пару раз слышит слово *отравление*. Видит, как Уле кивает, видит, что Уле ни на минуту не сводит с них глаз.

В его взгляде Карл читает свои собственные чувства. Что рядом с ним здесь стоят пять чужаков. Что знакомые лица и жесты скрывают нечто чужое, нечто темное, нечто дикое, до поры до времени таившееся в глубинах сознания. И как-то не особенно ему хочется узнать, что имен-

но там прячется. За добрым лицом матери, за растерянностью Дорте. Задумывался ли тот, кто это сделал, о последствиях своего поступка? Или он был совершен в состоянии аффекта, без плана, без замысла? Два часа тому назад он не мог бы представить себе, чтобы кто-то в их семье мог совершить такое. Теперь же от них можно ждать чего угодно. Раз это действительно сделал кто-то из них, этим человеком может оказаться любой.

Внезапно на Карла наваливается страшная усталость. Мысли путаются. Он слышит, как тихонько переговариваются отец с матерью, видит, как Анетте цепляется за руку Яна Инге, но и звуки, и краски приглушены. Возвращается Уле, и Карлу удается уловить всего несколько слов, и среди них — слова “санитарный вертолет”.

— Вертолет? А где ж он здесь приземлится? — спрашивает Ян Инге.

— Попробуют сесть на дорогу чуть повыше отсюда. Как ворота проезжаешь, там есть площадка для разворота, — отвечает Уле. — А если не получится, придется их на вертолет поднимать.

— Хорошо, — говорит мать. — Хорошо.

Разворачивается и направляется к больным. Карл идет за ней. Он впечатлен тем, как скоро к ней вернулась прежняя властность, читающаяся

в движениях, в голосе, во взгляде. Уж она точно не могла этого сделать, думает он, пока мать объясняет Стейну, что будет дальше. Ведь вроде бы все медики дают клятву Гиппократа? Или только врачи?

Она права, Гейра прихватило сильнее. Он лежит совершенно апатичный, весь в блевотине. Карл откидывает с него одеяло. В нос шибает тошнотворная теплая вонь. К счастью, на Гейре хотя бы трусы-боксеры и светлая майка, вся в пятнах, Карл оглядывается в поисках чего-нибудь на смену. В этот момент в дверь всовывается голова Анетте.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Карл был бы рад спихнуть Гейра на нее, но справляется с этим соблазном.

— Да нет, спасибо. Хотя, может, найдешь майку почище?

Анетте тут же возвращается с одной из застиранных черных футболок Яна Инге; у него несколько одинаковых футболок с планом гастролей какой-то рок-группы на спинке.

— Ладно, пойду тогда помогу Яну Инге. Он пытается соорудить освещение на месте, где будет садиться вертолет. Уле ищет, где у него фонари на аккумуляторах.

Анетте скрывается. Мать сумела усадить Стейна в постели. Карл переводит взгляд с худой и бледной спины старшего охотника на плотное и тяжелое тело молодого, в котором едва теплится сознание. Рвотные массы воняют невыносимо. Карл отирает самые грязные места полотенцем и бросает его потом в душевую кабину. За мытьем рук он замечает в зеркале, какое усталое у него лицо. Пусть он не знает, что творится в голове у других, но уж, по крайней мере, о себе он это знает. А может, и нет? Поплескав на лицо холодной воды, Карл возвращается к своему пациенту. Будить его или попробовать стащить с него майку так, с лежачего? Карл пробует второе. Гейр бормочет что-то и вяло шевелит руками.

— Саппи, — жалобно хнычет он, приоткрыв глаза. — Саппи, — повторяет он чуть погромче.

— Что ты говоришь? — спрашивает Карл. Ему удалось задрать майку на больном только до подмышек. Может быть, и не стоит его сильно ворочать.

— Это собака у него была, Саппи, — раздается с другой кровати. С помощью матери Стейну удалось натянуть на себя шерстяную майку, но нижняя часть тела у него по-прежнему неприкрыта. Он чуть поворачивает голову. — Он так

эту собаку любил. А в прошлом году она пропала во время охоты. Мы ее несколько часов искали и нашли еще живой. Только с вырванными кишками. Вот они, волки ваши.

— Уф, — говорит мать. — А что у тебя, Карл?

Карл качает головой и укрывает больного одеялом.

— Вам-то… вам-то наплевать на это, — бормочет Стейн.

И снова валится на кровать.

Карл на это ничего не отвечает. Гейра начинает бить дрожь, похоже, у него озноб. Подходит мать, и вместе они пытаются закутать парня в одеяло поплотнее. Закручивают потуже, чтобы он не ударился, не упал с кровати. Через некоторое время дрожь унимается.

— Скорей бы их забрали, — тихо произносит мать. — Это может плохо кончиться.

Она тяжело опускается на край кровати. Карл подсаживается к ней. Берет ее за руку и обнаруживает, что ладонь просто ледяная. Под курткой на матери одна только тоненькая ночнушка. Ноги босые.

— Ну что ж ты, мама… — Он растирает ей руки. — Не могла одеться потеплее.

Мать удивленно смотрит на ноги.

— Ох, и правда.

— Иди скорей в постель, согрейся! Здесь ты уже сделала все, что могла.

— Послушай, Карл… — Мать взглядывает на него. — Как ты думаешь, кто мог это сделать?

— Понятия не имею, мама. Точно знаю, что не я.

— И не твой отец. Уж точно не он? Тогда это только…

Открывается дверь, входит Дорте.

— Могу я что-нибудь сделать?

— Где ты была? — спрашивает Карл.

— Я была с папой. Он переволновался.

— Еще бы, — говорит мать.

Карл поднимается.

— Проводи тогда маму в постель, пусть согреется. А потом возвращайся, поможешь мне.

— Ну мама, у тебя руки как лед! — Дорте помогает матери подняться и ведет ее к двери.

Карл тяжело встает и подходит к кровати с другой стороны. Из этой парочки больше всего ему неприятен Стейн. Но сейчас, вытянувшийся на спине, с головой на подушке и натянутым по пояс одеялом, это дедок как дедок. Только по легкому подрагиванию век поймешь, что он все еще жив. Хладнокровно скормить этим людям отрав-

ленное мясо, уже насмотревшись на страдания, выпавшие на долю Лабану… Карл чувствует, как подступает тошнота. Кого ж это так переклинило? Дорте импульсивна, но не сумасшедшая же она? У Анетте и Яна Инге есть все основания желать охотникам зла, но чтобы отомстить таким образом? Они же разумные люди. Остается отец, так поразивший всех, когда отчитал охотников перед обедом. Странно было слушать ту речь. Может, у него случился удар, пусть несильный?

Словно прочитав его мысли, Стейн распахивает глаза и вперивает в Карла дикий взгляд.

— Кто, кроме тебя? — Голос искажен, хрипит, как в фильме ужасов.

Карл разводит руками.

— Хотел бы я знать.

— Ты не знаешь, так полиция узнает.

— Да, надеюсь, — холодно говорит Карл. — А еще они узнают, как на хутор попал яд, и узнают, что от этого яда, еще до того, как он оказался в ваших тарелках, погибла собака.

Он говорит, а глаза у пожилого мужчины затягивает серая пелена. Болезненная судорога сотрясает тело. Стейн беспорядочно дергает руками, вцепляется одной из них в руку Карла. Да так крепко, что Карл едва удерживается, чтобы не

выдернуть руку. Несколько раз сильно вздрогнув, рука Стейна слабеет. Но не выпускает руку Карла. Стейн лежит молча, тяжело дыша. Потом открывает глаза, поднимает их на Карла и говорит с отчаянием:

— Пожалуйста, доставьте парня в больницу.

— Гейр скоро уже будет в больнице, и ты тоже.

— Эта собака… — Голос Стейна глух и слаб, Карлу приходится наклониться к нему поближе, чтобы расслышать. — Он эту собаку так любил. И найти ее такой…

Карл пытается высвободить руку, но Стейн сжимает ее сильнее. Его худая ладонь словно коготь. Придется Карлу потерпеть, посидеть с ним.

— Скоро уже прилетит вертолет, вам обоим помогут.

Входит Дорте.

— Смотрите-ка, — говорит она. — Может быть, нам всем надо было пойти по маминым стопам. Приносить людям пользу. Ты хоть пытаешься, я вижу.

— Глянь, как там Гейр, — командует Карл.

Дорте послушно наклоняется к Гейру и пальцами касается его шеи. — Дышит, — говорит она.

— Может, попробуешь растормошить его? Мне не нравится, что он так затих.

В этот момент Стейн издает какой-то странный звук, его тело застывает, а лицо как бы стягивается, челюсти сжимаются, и Карлу слышно, как скрипят его зубы.

— Господи, — говорит Дорте. Они смотрят, как тело старшего из мужчин напрягается и выгибается дугой, и ничего не могут сделать. Потом его отпускает, и рука, сжимающая ладонь Карла, слабеет. Стейн дышит прерывисто. Открывает глаза, во взгляде страх. Карл осторожно поглаживает его по груди.

— Скоро за вами прилетит вертолет, — говорит Карл, чувствуя себя идиотом.

Встает, и они с Дорте отходят подальше от кровати.

— Похоже, им обоим стало хуже, — шепчет Дорте.

— Да, похоже, что так, — шепчет Карл в ответ. — Скорей бы уж помощь пришла.

— Послушай, Карл… Это ведь не ты, правда?

Он качает головой. Ее голубые глаза широко открыты, взгляд ясный.

— И не я. Значит… — И вдруг застывает, прочтя что-то в его взгляде.

— Ты же не думаешь, что это я?

Карл прячет лицо в ладонях.

— Нет, — бормочет он, — нет.

Дорте отрывает его руки от лица, вынуждая его посмотреть ей в глаза.

— Карл!

— Но я же не могу знать точно? — говорит он. — Как нам теперь доверять друг другу?

воскресенье

Дорте

Гул вертолета постепенно стихает и оставляет после себя звенящую в ушах тишину. Дорте смотрит на часы. Времени скоро шесть, но все еще темно. Ян Инге и Уле начали убирать фонари. Взлетая с крохотной площадки, вертолет тяжело качнулся носом к земле. Потом выровнялся и пошел прямо вверх. Какое-то время Дорте еще видна светящаяся точка над вершинами деревьев, но она все удаляется, а вскоре и вовсе пропадает. Дорте замечает на себе взгляд Карла. Он поднес ладони ко рту и дует на них, чтобы согреть. Внезапно и Дорте чувствует, какая стоит холодина. Дорте словно просыпается от сна. Рев вертолета, слаженную и сноровистую работу спасателей она наблюдала как будто не наяву, да и сейчас все это кажется привидевшимся.

— Остается надеяться, что это закончится хорошо, — говорит Карл, пряча руки в карманы куртки.

— Да. — Вот все, что смогла выдавить из себя Дорте.

Она забирает фонарь, забытый на площадке. Уле и Ян Инге уже спускаются к хутору, она идет за ними. Свет фонарей у них в руках танцует и скачет перед глазами. Услышав позади поступь Карла, она замедляет шаг.

— Ты написал Сюсанне? — спрашивает она, когда он подходит ближе.

— Нет, — коротко бросает он.

Возле входа в дом он останавливается.

— Я собирался. Но никак не мог придумать, что именно написать, — говорит он.

Дорте улыбается ему, и они входят в прихожую.

К ним поворачиваются три бледных лица. Мать, отец и Анетте сгрудились перед камином. Карл сразу идет к огню, чтобы согреться, Дорте же проходит за Уле и Яном Инге на кухню. Уле открывает дверь кладовки, и они убирают фонари на полку. Он смотрит на Дорте, не говоря ни слова. Ей бы очень хотелось хоть на пару минут остаться с ним наедине. Но Ян Инге и не думает удалиться. Значит ли это, что они с Анетте почуяли, что между ней и Уле что-то происходит? Размечталась.

— И что теперь? — спрашивает Ян Инге, когда они возвращаются на кухню.

Уле взглядывает на часы, потом на них. Морщины, которые вообще-то ему к лицу, залегли глубже, из-за этого он выглядит старым.

— Ну а вы как думаете? Надо бы обсудить это дело. Попробуем поспать еще пару часиков или лучше сразу сядем завтракать?

— Вопрос только, сможет ли кто-нибудь уснуть, — говорит Дорте. — И полезет ли кому кусок в горло.

— Ну тогда просто сварю кофе. И разогрею булочки с корицей.

— Хороший план, — говорит Ян Инге.

— Я помогу, — торопится вставить Дорте.

Уверенно, как у себя дома, подходит к кофеварке и, заливая в нее воду, слышит, что дверь за спиной распахивается. Это ушел Ян Инге, и на кухне остались только она и Уле. Ей хочется подойти и обнять его, но что-то в том, как он двигается, удерживает ее от этого. Он достает из морозильника пакет и шмякает его на стол. Потом включает духовку. Стоит, облокотившись о рабочий стол, спиной к Дорте. Она отмеряет нужное количество молотого кофе и включает кофеварку.

— Ты тоже думаешь, что это сделала я? — спрашивает она у его спины.

Он оборачивается с улыбкой, которую трудно истолковать.

— Кто ж это думает, что это твоих рук дело?

— Карл, — отвечает она. — Во всяком случае, он этого не исключает.

— Знаешь, — говорит Уле, выдвигая табурет из-под рабочего стола, — кто бы это ни сделал, отвечать-то буду я.

— Почему это? — Дорте достает табуретку и для себя, но ни он, ни она не садятся.

— Отравленное блюдо приготовлено на моей кухне. Я отвечаю за то, что тут происходит, — говорит Уле, широко разведя руки. — За то, что подается моим гостям. Скандал с отравлением будет означать конец нашему бизнесу.

— Ну а если мы выясним, кто это сделал?

— Для этого нужно, чтобы виновный признался.

Это говорит Карл, бесшумно вошедший на кухню. Он всегда был такой, неожиданно появлялся, неожиданно исчезал. Легко и мягко двигался. В юности он ухитрялся беззвучно спускаться по скрипучей лестнице у них дома. Никогда не знаешь, где он, сидит ли у себя комнате или ушел.

Уле пожимает плечами.

— Полиция в любом случае заведет дело. И не

успеешь оглянуться, как по всей округе поползут слухи. Я и сейчас могу сказать, о чем будут судачить: Иннсетра — а, это где подают рагу с антифризом.

— Но с какой стати полиции заводить дело? — спрашивает Дорте.

— А ты не понимаешь? — Карл удрученно смотрит на нее. — Это тебе не испорченные мидии, это яд, которым намеренно отравили еду.

— Ну да… Если они выяснят, что это за яд…

— Они знают. Я предупредил врачей, — отвечает Уле.

— Уже? — удивляется она.

— Разумеется, само собой! Остается только надеяться, что никто не умрет. А вообще, если бы я не сказал врачам о яде, так Стейн бы сказал.

— Ты уверен? — парирует Карл. — Стейн знает, что законом то, чем они занимались, запрещено.

— Вряд ли думаешь об этом, когда речь идет о спасении жизни.

Уле начинает выкладывать булочки с корицей на противень.

У Дорте земля уходит из-под ног. Слова Уле звучат упреком. Что она за чудовище, если ее в первую очередь заботят не эти люди на пороге смерти? Или она считает, что так им и надо? Нет,

вовсе нет. Но она вообразила, что это дело можно замолчать. Ведь Стейн и Гейр тоже не хотят, наверное, чтобы об истории с ядом узнали. Разве так будет не лучше для всех?.. Но только если они выживут и выздоровеют.

И есть же принятый порядок действий, руководства, закон и право. Принципы, которыми руководствуются в обществе. Дорте смотрит, как Уле засовывает противень с булочками в духовку, и пытается угадать, что он думает о ней. Карл идет за чашками. Дорте переливает кофе в большой кофейник. Из него поднимается кофейный аромат — домашний, утренний запах.

— Сегодня обещают солнце. — Уле смотрит на экран мобильного.

— Солнце… — говорит Дорте.

Как-то странно складываются губы в это слово. Втроем они смотрят друг на друга. А потом Карл первый вдруг усмехается, качая головой. За ним и Уле издает смешок. И вот они уже втроем всхлипывают от неудержимого смеха. Дорте слышит, что ее собственный смех больше похож на икоту.

— Господи, — еле выговаривает Карл; смех разбирает их все сильнее.

— Ох, — говорит в конце концов Уле, — хоро-

шо.

Отрывает от рулона бумажных полотенец большие куски и раздает каждому — отереть слезы и высморкаться.

— Ладно, — говорит Карл, комкая бумажку. — Попробуем все-таки разобраться, как это произошло.

Сердце у Дорте пускается вскачь. Смех позволил сбросить напряжение, но теперь еще тяжелее принять суровую правду. Сердце колотится, в ушах шумит. А хочется ли ей, собственно, знать, как это произошло? Она последней уходит из кухни, перед ней две спины: любимого брата и любовника, которого она совсем еще не знает. Случившееся на хуторе представляется немыслимым, невозможным. Ей хочется остановить Карла и Уле, крикнуть им: стойте, не надо!

Вскоре они уже устроились широким полукругом перед камином, у каждого в руке чашка с кофе. Дорте с краю, с другого края Уле. Он чуть отодвинул свое кресло назад, наполовину спрятавшись за Карла и тем самым как бы отделившись от семейного круга. Мать и отец укутали колени пледами. Анетте потягивает кофе и не отрывает взгляд от огня. Кожа вокруг глаз у нее воспаленная, сухая и красная, как при экземе.

Дорте чувствует себя виноватой. Знает, что это нелогично, но все равно чувствует свою вину в том, что Лабана с ними нет. Ее вина, что он не лежит у ног сестры. Что не моргает своими круглыми блестящими глазами, радуясь, что они вместе, что он член стаи. Собака наша, собака. Добрая, хорошая. И чтобы ее жизнь закончилась вот так. Дорте чувствует, что в глазах и носу свербит, и зажмуривается, чтобы удержать слезы.

К булочкам с корицей никто не притрагивается. Огонь в камине шипит и потрескивает, отец громко прихлебывает кофе. Дорте умоляюще взглядывает на Карла, но тот и не думает взять инициативу на себя. В конце концов тишину нарушает Ян Инге.

— Когда мы узнаем, что обещают врачи? — спрашивает он.

— Можем через пару часов позвонить в больницу, — отвечает Уле.

— Они ведь выкарабкаются?

Вопрос повисает в воздухе. Мать покашливает; Дорте видит, что она собирается с мыслями, чтобы ответить.

— Если лечение начнут сразу, то, вероятно, они выживут. Но всегда существует опасность осложнений.

— Но раз врачи знают, что это за яд, они смогут начать лечение сразу же, — говорит Карл.

Мать кивает.

— Конечно, это важно.

Дорте оглядывает такие дорогие, такие знакомые лица. Вот отец, опустил взгляд, молчит.

Мать выглядит на удивление бодрой после практически бессонной ночи. Ян Инге берет руку Анетте в свою и пожимает. Анетте бледно улыбается. В лице у Карла проступила какая-то резкость, чуть ли не язвительность. Позади него мужчина, который совсем недавно был таким близким; теперь же между ним и ей пролегло огромное расстояние. Уле встает и начинает расхаживать по комнате.

— Давайте уж напрямик, — говорит он. — Как бы все ни сложилось, нужно разобраться в том, что произошло. Выяснить, кто это сделал.

Карл наклоняется вперед, уперевшись обеими руками в колени. Смотрит на всех по очереди.

— В самом деле, — говорит он. — Неужели пока не приехала полиция, так и будем томиться в неизвестности? Подозревать друг друга?

Тут подает голос отец.

— Вы с Дорте весь день толкались на кухне, — говорит он.

— Окей, — говорит Карл. — это правда. Я даже поставил кастрюлю разогреваться. Но я готов поклясться, что не клал в эту кастрюлю ничего-шеньки.

Дорте покашливает.

— Я тоже, — говорит она, запинаясь. Губы не слушаются, будто застыли. — Даю честное слово, это не я. Я…

Слова не идут с языка, во рту и в горле пересохло. Ей хочется сказать, что для нее подобное совершенно немыслимо, но язык не поворачивается. Ведь рядом сидит кто-то, для кого это не оказалось немыслимым. Она сглатывает. Из глаз текут слезы. Она не пытается скрыть их, даже не вытирает. Отец перевел холодный, пронзительный взгляд с Карла на нее. Неужели он правда думает, что она могла такое сотворить? Или она вместе с Карлом?

— Мы, конечно, можем все по очереди клясться, что не делали этого, — говорит Уле. — Но я сомневаюсь, что это сильно нам поможет.

Теперь внимание присутствующих обращено на него, и Дорте может ненадолго выдохнуть.

— Конечно, я мог бы это сделать. Но зачем? — Уле демонстративно вскидывает руки в воздух.

— Н-ну… Откуда нам знать, может, у тебя какие-

то старые счеты с этой парочкой, — осторожно говорит Карл.

Дорте глубоко втягивает воздух. Такая мысль не приходила ей в голову.

Уле явно раздражен.

— Ну конечно, если вы думаете, что я готов рисковать делом, которым зарабатываю на жизнь, из-за этих двух идиотов…

— На кухне не только мы трое были, — говорит Дорте. Ей удалось совладать с голосом. — Ты тоже туда заходила, Анетте.

— Да, — говорит Анетте, не глядя на нее.

— И я несколько раз заходил, — говорит Ян Инге. — Но ненадолго, просто спросить.

— И никто, кто заходил на кухню, не трогал мясо? Никто не заметил ничего подозрительного? — нетерпеливо допытывается Карл.

Никто ничего не говорит, и никто не смотрит в глаза друг другу.

— Вроде бы только мама с папой вообще не заходили на кухню, — говорит наконец Дорте.

— Во всяком случае, насколько нам известно, — говорит Карл.

Отец качает головой. Мать с изумлением смотрит на Карла; он пожимает плечами.

— Тут ведь что ни предположи, все покажется

немыслимым, разве я не прав?

Дорте закрывает глаза. Отключается на мгновение. Это искусство, представить себе немыслимое. Отец изумил их всех своей тирадой перед обедом. Кто знает, что еще накопилось у него на уме? А Уле… Дорте холодеет.

Не слишком ли он хорош, бывают ли такие на самом деле? Эта мысль не покидала ее с самого начала, с момента, когда она увидела его на крыльце. Слишком хороший, слишком красивый, просто-напросто слишком классный. А вдруг он совсем не такой, каким кажется? И Карл… Нет ничего более немыслимого, чем чтобы это сделал Карл. Но ведь она видела, как он стоял один на кухне с бокалом в руке, и этого уже не забыть. Ни у кого другого не было столько времени, чтобы достать и нарезать мясо.

Стены старого деревянного дома скрипят, потом раздается глухой стук. Дорте открывает глаза. По комнате будто ветер пронесся и развернул всех лицом в одну сторону. К окошку, выходящему на площадку между домами. Кто там? Да нет, наверное, порывом ветра опрокинуло что-то на крыльце.

— Ладно; значит, кастрюлю на плиту поставил ты, Карл.

Уле пытается вернуть их к теме разговора.

Карл выпрямляется.

— Да. Я принес кастрюлю из холодной кладовой и поставил ее на маленький огонь. Она и выглядела, и пахла совершенно обычно.

— Так ведь у охлаждающей жидкости почти нет запаха, — вставляет Ян Инге.

— Спасибо, мы уже догадались, — сухо откликается Анетте.

— Мы же были там, — говорит Дорте, глядя на Анетте. — Мы там были, когда Карл принес кастрюлю и поставил на плиту. А потом я ушла принять ванну, а ты — накрыть на стол.

Уле слегка покачивается на пятках.

— Значит, у тебя было на это время, Карл. И у Дорте, и у Анетте, которая ходила туда-сюда.

— Ну и у кого угодно другого! — Дорте чувствует, как в ней поднимается раздражение на Уле: стоит себе, раскачивается и смотрит на них как бы свысока. — До этого кастрюля тоже долго оставалась без присмотра, — добавляет она.

— Вопрос тогда, пожалуй, в том, кто знал, что отравленное мясо хранится в холодной кладовке, — говорит Карл.

— Да все, наверное, знали? Разве не все присутствовали, когда Стейн уносил рюкзаки? — спра-

шивает Анетте.

— Ну да, все видели, что он несет их на кухню… Но все ли знали, что мясо убрали в холодную кладовку? — Карл оглядывает лица окружающих.

— Все это поняли тогда, Ян Инге? Папа?

Мужчины смотрят друг на друга, Ян Инге пожимает плечами.

— Вроде упоминали кладовку, но…

— Нет-нет, так мы ничего не добьемся! — Уле снова усаживается и пододвигает стул ближе к Карлу. — Разве в первую очередь нас не мотив должен интересовать? Если отвлечься от твоей довольно нелепой теории, что я жажду разделаться с двумя жителями села…

— Так ведь никто другой тоже не выигрывает от произошедшего, — спокойно парирует Карл.

— Но кто-то же сделал это, и есть два человека, имеющие все основания злиться, — говорит Уле.

— Это ты обо мне и об Анетте, — выпрямляется Ян Инге. — По мне, так пусть бы эти мерзавцы отдали концы, лишь бы у нас не было неприятностей из-за этого. Но уж чтоб я их отравил, это ни в какие ворота.

Он смотрит на Анетте, ждет, что она поддержит его. На лице у Анетте застыло непроницаемое, отстраненное выражение; она молчит. Ян Инге

пробует снова.

— Анетте?

На время воцаряется тишина. Постепенно во взгляд Анетте возвращается осмысленность.

— Это я сделала.

Она говорит тихо, и ее слова медленно добираются до их сознания. Три коротких слова. Дорте начинает бить внутренняя дрожь. Ноги слабеют.

— Это я положила мясо в кастрюлю, — немного громче говорит Анетте.

— Но это ж черт…

Ян Инге выпускает ее руку из своей. Его рука бессильно соскальзывает с подлокотника и свешивается вниз. Он весь как-то увядает на глазах у всех.

Дорте смотрит на отца; он так сжал в пальцах чашку с кофе, что костяшки побелели. Отец осторожно взглядывает на сидящую рядом с Анетте мать. Та не сводит с дочери глаз, губы подрагивают.

— Я не знаю, почему я это сделала, — говорит Анетте, без выражения глядя на мать. Глаза у нее кажутся больше и темнее обычного. — Так вышло.

— Ой-ой-ой, — бормочет кто-то. Голос мужской, это Карл или Уле? Во всяком случае, не Ян Инге: он

выглядит так, будто ему требуется реанимация.

Дорте встает, неуверенная, что ноги ее удержат. Делает пару неустойчивых шагов. Ее тянет привести в порядок волосы Анетте, они так спутались, особенно на затылке, что похожи на стальную губку. Но она просто подходит к сестре сзади и обнимает ее. Наклоняется пониже и крепче сжимает объятия. Анетте не реагирует. Щека у нее горячая, как огонь.

— Ты думала, что делаешь? — слышит Дорте вопрос матери.

— Ничего я не думала, — отвечает Анетте.

Дорте выпрямляется и взглядывает на брата. Карл растерянно кусает нижнюю губу. Дорте рада, что стоит позади кресла Анетте и не может посмотреть ей в глаза. Дорте потрясена тем, что это дело рук старшей сестры, но в то же время чувствует огромное облегчение. Ведь, значит, это не Карл и, значит, не Уле. И не отец… Как она могла хоть на минуту подумать на него?

— А когда ты успела? — мягко спрашивает она.

— Когда накрывала на стол, — говорит Анетте хрипло. — Нужно было сходить за чистыми бокалами, и на кухне никого не было. В кастрюле булькало, пришлось подлить воды, чтобы рагу не подгорело.

— И ты зашла в холодную кладовую и взяла отравленного мяса? — спрашивает Уле. — Нарезала и положила в кастрюлю?

— Да, — отвечает Анетте.

— А сколько?

— Все, что оставалось в одном рюкзаке. Большой такой кусище. И еще я специй добавила.

Большой такой кусище. Дорте вздрагивает и плотнее запахивается в куртку. Понятно, что сестра была ужасно разозлена и расстроена, но трудно себе представить, как она режет отравленное мясо, ведь сестра такая правильная, не сказать занудная. Еще и специй добавила, чтобы закамуфлировать вкус.

— Как же ты могла, ты же медсестра, — стонет мать.

Все начинают ворочаться, переступать ногами. Один только Ян Инге сидит мешок мешком. Карл наклоняется к Анетте и поглаживает ее по плечу.

— Спасибо, что призналась, — говорит он просто. — Теперь все будет намного легче.

— Легче? — жестко бросает отец. — И что нам теперь делать, по твоему мнению?

— Отдохнем чуть-чуть? — Мать трет лицо ладонями. — Не могу больше, засыпаю.

— Нам все равно только и остается ждать новостей из больницы, — говорит Уле.

— Пусть меня накажут, — бормочет Анетте.

— Ах накажут? — раздается голос отца. — Да ты соображаешь, что говоришь? Это годы за решеткой, вот что!

Анетте вздрагивает.

— Но это ведь не… — растерянно говорит мать.

Ян Инге начинает подавать признаки жизни. Покачав руками, он тяжело поднимается с кресла. Ни на кого не глядя, идет к гардеробу. Им слышно, как щелкает замок в двери одного из туалетов. Нет сомнений в том, что для него все это явилось полнейшей неожиданностью.

В воцарившейся тишине Анетте встает и пробирается между кресел.

— Я сейчас… — говорит она и уходит в гардероб. Остальные сидят, не шелохнувшись, прислушиваются. Долгий стук в дверь; еле слышные уговоры; в конце концов Ян Инге отпирает дверь и впускает Анетте.

Дорте снова подсаживается поближе к отцу. Все переглядываются, в глазах безысходность.

— Кто бы мог подумать… — бормочет Карл, барабаня пальцами по подлокотнику. Потом хватает кочергу и разбивает обгоревшие поленья

в камине. Что-то в них, черных, обуглившихся, неприятное. В сером утреннем свете видно, как из камина, извиваясь, поднимается тонкая струйка дыма.

Дорте пытается справиться с беспорядочными и обрывочными мыслями о разных сценариях развития ситуации. То ей представляется, как Анетте сажают в машину полиции. То перед умственным взором предстают заголовки в газетах. Строгий судья с молоточком в руке. Бледный и холодный Гейр в гробу. Уле и Элисабет, выносящие из дома вещи и запирающие двери. Элисабет? Дорте даже не знает, как выглядит жена Уле. В воображении Дорте сменяются разные образы; сейчас она представляет себе жену Уле смуглой и легкой, как фея. Как лесная нимфа.

Языки пламени снова охватили поленья. Карл прислоняет кочергу к облицовке камина, кочерга грохается на пол.

Уле, до этого не отрывавший взгляда от телефона, поднимает глаза.

— Верхняя граница за отравление пятнадцать лет, — говорит он. — Это если с умыслом. А если неумышленно, то верхняя граница шесть лет.

— Как-то так, да, — говорит отец.

— До шести лет, — поправляет себя Уле. Прячет

мобильный в карман. — Так что если все это всплывет полностью, то Анетте будут судить, а наш хутор прекратит существование в качестве точки питания.

— Ну ты нагнетаешь, — сомневается Карл.

— Да нет, в худшем случае именно так и будет.

— Мы в любом случае должны убедить их, что умысла не было, — говорит Дорте. — Ведь… ну правда, ведь так и было в каком-то смысле.

Но то, как на нее смотрят брат и Уле, показывает, что они не могут с ней согласиться.

— Это было сделано в состоянии аффекта, — говорит мать.

— Она должна понести ответственность, — строго говорит отец.

— Ты серьезно, папа? — Дорте хватает его руку в свои. Рука у него ледяная. — Мы же все понимаем, что ее толкнуло на это?

— Неважно. Поступок чудовищный.

— Но несколько лет в тюрьме! Подумай о Каролине и Кристине! Подумай о Яне Инге!

Отец хранит молчание. На щеке ходит желвак; это у него ритмично сжимаются и разжимаются зубы.

— Но если они выживут и не проболтаются… — начинает Карл.

— Тогда ведь на этом все и закончится? — говорит Дорте.

— Слишком много всяких “если”! — срывающимся голосом произносит Уле. Разумеется, он устал, но наверняка еще и раздосадован: его до печенок достала эта жуткая семейка и эти жуткие деньки. — Если они выживут, если они ничего не расскажут; ну, положим так. Но врачи-то, разве они не поднимут тревогу? Ведь к ним поступит два человека с отравлением, оба на волосок от смерти!

— Медики обязаны извещать полицию, — кивает мать. — В случае подозрительной смерти. Но в остальных случаях они должны соблюдать врачебную тайну…

— Вот и еще одно “если”, — буркает Уле. Его мобильный начинает вибрировать, Уле бросает быстрый взгляд на экран. — Это Элисабет, — говорит он и ждет, пока телефон не замрет. — Ума не приложу, что ей сказать! И что мне отвечать, если позвонят из больницы и начнут задавать вопросы? Или из полиции позвонят?

— Нам просто надо договориться, — говорит Дорте, — расскажем ли мы все, как было, или представим как несчастный случай.

Отец с матерью всматриваются в ее лицо так же

пристально, как народ в продуктовом магазине, где родители делают покупки, когда Дорте изредка навещает их. Ты кто такая? Откуда взялась? Что ты здесь делаешь?

— Надо выручать Анетте. Чтобы ее не посадили. И чтобы Санитарная служба не вцепилась в Уле с женой.

— Ты считаешь, мы должны наврать полиции? — Уле окидывает ее скептическим взглядом.

— Только если понадобится. — Дорте, в голове которой вот только что теснились обрывки мыслей, вдруг четко понимает, как быть. И ей это кажется очевидным. — Надо просто подать правду под чуточку другим углом, и все.

Из гардероба доносятся какие-то звуки. Оттуда выходят понурые Анетте и Ян Инге, останавливаются посреди комнаты. Лицо у Анетте красное и опухшее. Уле встает и подвигает им кресла, усаживает их. Ян Инге роется в карманах в поисках носового платка, находит и сморкается.

— Мы разобрали шаг за шагом, как это случилось, — говорит он. — Если вам что-то непонятно…

— Да вроде мы все понимаем, что произошло, — говорит Карл.

— Да. И мы вот думаем, может быть, это был несчастный случай? — Дорте налегает на слова “может быть” и не обращает внимания на неодобрительное выражение на лице брата.

Ян Инге смотрит на нее непонимающим взглядом. Потом до него доходит наконец.

— А, так ты считаешь?..

Никто не помогает ему закончить фразу. Дорте озирается по сторонам и видит сплошь смятение, беспокойство, сомнение. Она что, что-то не то сказала? Они не понимают, что ли, что речь идет всего лишь о том, чтобы чуть-чуть иначе подать пару подробностей? Она ловит взгляд Уле. Уж он-то в первую очередь должен быть заинтересован в том, чтобы не всплыла вся правда. Похоже, он взвешивает все за и против.

— Ну… можем назвать это минимизацией последствий, — говорит он в конце концов.

Карл переводит глаза с Уле на Дорте.

— И что же вы собираетесь насочинять? — спрашивает он.

— Да не нужно ничего сочинять, — говорит Дорте. — Всего и надо сказать, что Анетте не нарочно взяла это мясо, а по ошибке.

— Ну совсем мелочь, — язвительно говорит Карл.

— Понимаю, куда ты клонишь, Дорте, — говорит Уле. — Но это же все равно неправда.

Отец, практически непрерывно качавший головой под конец этой дискуссии, теперь кивает.

— Про рюкзаки знали все, — говорит он. — И про отравленное мясо. Никто не поверит, что Анетте достала мясо из рюкзаков случайно.

— Значит, кому-то придется сказать неправду, — говорит Карл. — Мне или Уле. Мол, один из нас достал мясо из рюкзаков и положил на полку. Только при таком раскладе Анетте могла бы ошибиться.

Анетте так ничего и не говорит. Ян Инге притрагивается к ней.

— Как ты думаешь, Анетте?

— Ради меня можете не врать, — отвечает она глухим голосом.

Остальные неуверенно переглядываются.

— Не будем забывать, что это просто запасной вариант, — прерывает Уле молчание. — Но должен признаться, мне совсем не хочется выкладывать Элисабет всю правду. Я должен ей сейчас позвонить, и я был бы всем очень признателен, если бы мог ей сказать, что у нас тут произошел… э-э-э… несчастный случай.

Он смотрит в глаза каждому по очереди.

— Договорились?

Кто-то кивает, никто не возражает. Только у Карла на губах играет подобие улыбки.

— Хорошо бы поспать пару часов, — говорит Уле. — А потом можем пообедать пораньше.

Дорте смотрит на часы. Скоро восемь. Первым поднимается отец, медленно пересекает комнату на негнущихся ногах. Мать сидит и смотрит на Анетте.

— Тебе тоже нужно отдохнуть, — говорит она тихонько. Анетте кивает.

— Ладно, вздремнем — будем лучше соображать, — говорит Ян Инге. Встает и протягивает Анетте руку.

Вскоре у камина остаются только Карл и Дорте. Уле убежал на кухню, прижимая к уху телефон. Карл тянется за булочкой и откусывает приличный кусок. Дорте не чувствует ни голода, ни усталости. Только в ушах шумит.

— Чему ты улыбался? — спрашивает она.

— А я улыбался? — Карл перестает жевать.

— Да, непонятно так улыбался. Ты не согласен?

— С ложной версией? Ну почему, она может прокатить. Странно только, что ты ее восприняла с таким энтузиазмом. Спишь и видишь, чтобы мы сговорились скрыть преступление? Ты, я, Анетте,

родители! Ведь так оно и есть.

Преступление. Ложная версия. Непривычные слова, кажется, что эти слова не могут иметь к ней никакого отношения. Но Карл прав.

— Я понимаю. Но давай представим, что дело все-таки завели и что поверят, будто Анетте случайно взяла это мясо… но это же не изменит факта, что отравленное мясо принесли на хутор охотники, верно? И что они собирались разбросать его в лесу. Ведь тогда и их привлекут. Разве не так?

— Ты права, сестренка. Их привлекут за экологическое преступление. — На лицо Карла вернулась улыбка, а что за ней скрывается, разгадать непросто.

— Но это ведь хорошо? — спрашивает Дорте.

— Да, это хорошо, — говорит Карл, отправляя в рот остатки булочки.

Раздается слабое треньканье, и Дорте вспоминает, что ее мобильник остался в куртке. Идет за ним в гардеробную. Сообщение от Уле: “Мне нужно сделать пару звонков, потом я тебя найду”.

Дорте не в состоянии сдержать радость. Закидывает куртку на плечо.

— Пойду я, пожалуй, прилягу.

— Я тоже собираюсь вздремнуть, — говорит

Карл. — Только отправлю одно сообщение.

Анетте

Ян Инге сидит на кровати спиной к ней. Смотрит на занавешенное окно. Анетте сбрасывает туфли и прислоняет подушку к изголовью. Садится в постель полностью одетая и натягивает одеяло до подбородка. Сначала так и сидит, выпрямив спину, не шевелясь. Потом соображает, что можно прислонить голову к стене, а телом опереться на подушку. Навалиться на нее всем весом. Так-то лучше.

Анетте загадывает, сколько времени пройдет, пока муж откроет рот. Думается ей, что его распирает от тяжелых дум.

В конце концов Ян Инге встает и уходит в ванную. Проходя мимо Анетте, мельком взглядывает на нее. Запирается и долго не выходит. Анетте прислушивается, пытаясь угадать, чем он занят. Из ванной ни звука, странно. Может быть, он просто сидит на крышке стульчака, спрятав лицо в ладонях. Бедный Ян Инге. И бедные девочки, им еще предстоит узнать об этом ужасе.

Мысли, которые ей долгие часы удавалось отгонять от себя, теперь беспрестанно прокручиваются в голове. Не может она больше защищаться от них, да и не хочет. В кого я превратилась? Вопрос

возвращается в разных вариантах. Что я теперь за человек?

Анетте постепенно осознает, что ей придется разбираться не только с тем, как после случившегося на нее смотрят другие. Нет, ей придется найти силы, чтобы разобраться в себе самой. Женщина в состоянии аффекта. Женщина, которую переклинило. А в худшем случае — отравительница. Может, в ней всегда дремала такая чокнутая, обозленная тетка?

Поначалу она позволила себе поверить, что все можно как-то уладить. Что остальные захотят ее спасти. Ведь Дорте права, между правдой и ложью расстояние невелико. Все, что требуется от Анетте, это забыть про рюкзаки. Остальные хотят, чтобы она сказала, будто взятое ею мясо лежало на полке. Она может сказать, будто увидела, что в кастрюле осталось мало мяса, и пошла посмотреть, нет ли еще мяса в холодной кладовке. На полке лежал кусок мяса, похожего на лосятину. Она нарезала мясо и добавила в кастрюлю, искренне заблуждаясь.

Это так легко, так легко, она может думать об этом, пока сама в это не поверит. Она вполне справится с тем, чтобы наврать об этом полицейским. Но как быть с другими?

Анетте не в состоянии представить себе, чтобы мать с отцом пошли на это даже ради нее. Насчет Карла она не уверена, брат в основном поступает по собственному усмотрению. А почему Дорте так озабочена спасением шкуры Анетте? Пожалуй, это она жаждет спасти шкуру Уле. А разве для Уле не лучше будет, если Анетте сознается и всю вину возьмет на себя?

А дальше сплошной мрак. Когда в своих метаниях она доходит до этой точки, то мгновенно уносится мыслями назад, на кухню, к тому моменту, когда она это сделала. Перед ней кастрюля, жидкость в которой почти начисто выкипела. Анетте хватает ума добавить немного воды и помешать, чтобы не пригорело. Она это делает, хотя знает, что блюдо предназначено людям, по чьей вине Лабан сейчас корчится от боли. И ей хочется, чтобы им было так же больно, как ее собаке.

Вот здесь она и пересекла рубеж. Потому что могла хотеть и перехотеть. Мечтать об отмщении не запрещено. Не запрещено желать другим плохого. Но она пересекла рубеж и не просто взяла маленький кусочек отравленного мяса, как собиралась поначалу. Подумала — брошу-ка я кусок побольше, чтобы их прихватило. Чтобы испытали на своей шкуре. Но она взяла целиком

весь кусище, остававшийся в рюкзаке. Тот самый, до которого добрался Лабан всего несколько часов назад. Кусок и был-то не ахти какой большой. Но она взяла его весь, целиком. Вот в этом-то и дело, думает Анетте. Это показывает, кто она такая. Какой она может быть. И нечестно будет списать это на стечение обстоятельств. Не было там никакого стечения обстоятельств.

Под одеялом ей становится слишком жарко. Неудобно в блузке и юбке, они врезаются в мягкую кожу живота. Анетте откидывает одеяло и спускает ноги на пол. А там уже нет собачьей лежанки. Анетте понятия не имеет, кто ее убрал, наверняка Ян Инге. Странно, что она не заметила этого раньше, должно быть, он успел все убрать до того, как они легли. И помыть. Чего еще она не заметила? Последние сутки она существовала будто в параллельной вселенной.

Дверь из ванной открывается, выходит Ян Инге. Присяжные возвращаются из совещательной комнаты; вердикт вынесен? Анетте поднимает на мужа вопрошающий взгляд. Он закрывает дверь и подсаживается к ней на кровать.

— Я одно хочу сказать.

— Что?

Анетте ждет. Он продолжает не сразу.

— Если я сделаю это, то ради девочек. Ради Каролины и Кристины.

— Сделаешь что? — Анетте не вполне понимает.

— Навру о том, что произошло. Ну, если будет необходимо. Иными словами, подтвержу, что все так и было, как в придуманной вами истории.

— Но слушай, Ян Инге, я не хочу врать. Я хочу повиниться.

Он поворачивается к ней: отчаявшийся, измученный, исстрадавшийся, глаза вылезают из орбит.

— Ты думаешь, что говоришь? Не хочешь врать? А это теперь не тебе решать, пойми!

— Не мне решать, рассказать правду или нет?

— Не тебе! — Ян Инге всплескивает руками. — Не понимаешь, что ли? Сколько ты бед наделаешь… Подумай о семье. О наших дочерях. Неужели Каролина и Кристина… нет, я даже помыслить этого не могу! А твои отец и мать… им же придется позориться на суде, и ты, ты же можешь угодить в тюрьму, ты правда этого хочешь? Тут слишком многое поставлено на кон, Анетте!

Анетте чувствует, что ей трудно дышать. Вот оно как, значит. Они не ее хотят спасти, а себя самих. Ну это даже и проще, в каком-то смысле.

Но ощущение, что она загнана в угол, все усиливается.

— Я могу сделать по-твоему, Ян Инге. А как с остальными? Что-нибудь да всплывет. Достаточно, чтобы один из нас проболтался, что-нибудь перепутал, и станет ясно, что мы все врем. Сочинили историю, значит, мы в сговоре. А это неправильно. Увлечь за собой в пропасть всю семью.

— Я поговорю с каждым по отдельности. Пройду по всем номерам, чтобы убедиться, все ли с нами заодно. Нам придется это сделать, Анетте.

Она вздыхает.

— Но все же ушли к себе поспать. Может, и мы попробуем вздремнуть? Хотя бы часок?

Звякает мобильный, и Ян Инге вытаскивает его из кармана.

— А, вот это хорошо. Йенс заедет сюда на своем семиместном кроссовере и заберет нас.

— Какой Йенс, сосед?

— Он. Я тут сообразил, что он совсем недавно купил новый семейный автомобиль.

— Но мы же не знаем, когда можно будет уехать.

— Не знаем, но его нужно просто предупредить за пару часов. И он приедет и подкинет Дорте с

Карлом до железнодорожной станции, а нас и твоих родителей — до дома.

— Просто фантастика. — Анетте переводит взгляд на свои руки, вяло лежащие на коленях. — И ты обо всем этом договорился, пока…

— Ну кто-то должен был, — говорит Ян Инге, вставая. Переходит на свою сторону кровати и начинает стаскивать с себя брюки и рубашку. Анетте тоже раздевается. Ян Инге прав, она вообще еще не задумывалась о том, как жить дальше, когда их вывезут отсюда. Как-то даже не верится, что сегодня они окажутся дома. А завтра утром ей нужно будет, как обычно, встать и отправиться на работу.

— Ой! — восклицает Ян Инге. Анетте видит, что он нагнулся и поднял что-то со своей тумбочки. Стоит и держит в руках маленький пакетик.

— Вкусняшки Лабана, — хрипло бормочет он.

Анетте не знает, что и сказать. Похоже, Ян Инге не в состоянии расстаться с этим пакетиком.

— Неужели выкинем, и все? — беспомощно спрашивает он наконец.

Она чувствует, что ответить “да” будет неправильно. Совсем неправильно. И она говорит, что можно немножко подождать. Вообще со всем этим подождать. И забирается под одеяло в май-

ке и трусах. И замечает, что в конце концов он кладет пакетик в свой чемодан. Потом закутывается поплотнее в одеяло и поворачивается к ней спиной.

Анетте лежит плашмя на спине. Знает, что ей не уснуть. Пульс скачет, как бешеный, жестко и настойчиво колотится сердце. Словно чтобы удержать его на месте, чтобы хоть как-то приглушить его стук, она кладет руку себе на грудь. А другую на живот. Надо дышать ровно и спокойно. Стараться думать о чем-нибудь, не имеющем отношения к этим дням. Отбрасывать неприятные мысли, как только они возникают. Она начинает с того, что представляет себе сад на их участке, этим летом он был необычайно красив. Еще не отцвели розы, а уже пора высаживать луковицы тюльпанов. Не забыть бы сделать это, как только они окажутся дома. Но Лабан не будет больше крутиться у ее ног, обнюхивая клумбы, пока она возится в земле; никогда больше не будет. Сердце вновь пускается вскачь. Анетте глубоко вдыхает, потом полностью выдыхает.

Ян Инге засопел. Спит; так спится тем, у кого совесть чиста. Вскоре начинает похрапывать.

Думать о другом, о приятном. О том, что дни становятся все темнее, а она и рада. Долгими

вечерами можно устроиться поуютнее и отдаться любимым занятиям, вязанию и чтению. Она начала уже вязать подарки к Рождеству. А еще ведь и книжный клуб. В чемодане лежит ни разу не открытая книга, которую они собираются обсудить в ноябре. “Волчья шкура” Черстин Экман[9], все говорят, что книга очень хорошая. Анетте думала, что тутошняя глушь — подходящее место, чтобы ее читать. Но ничего из этого не вышло. В тюрьме у тебя будет сколько угодно времени на вязание и чтение, подкидывает мыслишку дьявол, и сердце опять бросается с места в карьер, прыгает и скачет.

Придется сесть, чтобы легче было дышать. Ян Инге лежит себе в своем коконе, спокойный и безмятежный. Ему спокойно и безмятежно с самим собой. Жена-то у него оказалась ведьмой, но он решил стать спасителем семьи. Анетте представляет себе личико такой ранимой Кристины, складывающееся в несчастную мину с дрожащими губами от малейшей ерунды, вот уж настоящая роза-мимоза. И зрелую, рассудительную Каролину с ее обостренным чувством справедливости. Как им жить дальше, если они

[9] Примечания: 9

“Волчья шкура” *(шв. Löpa varg)* — трилогия шведской писательницы Черстин Экман. По одной из ее частей снят фильм “Волк” (2008).

узнают, что натворила их мать? Ян Инге прав, об этом даже думать нельзя. Но ведь если их родители будут жить во лжи, на них это тоже скажется?

Анетте тихонечко натягивает брюки и набрасывает на майку шерстяную кофту. Приоткрывает дверь и выглядывает в коридор. Никого, но слышны голоса. Она осторожно прикрывает за собой дверь и застывает на месте. Это мать с Карлом переговариваются вполголоса. Должно быть, сидят в стеклянном коридоре. У Анетте нет желания общаться ни с кем, но больше идти некуда. Она подбирается чуть ближе, чтобы расслышать, о чем речь.

— Ты должна сказать отцу, — доносятся слова Карла.

— Я скажу, скажу. Просто так много всего навалилось сразу, — жалуется мать.

— Но я могу не успеть. — В голосе Карла звучит нетерпение. — Если он сейчас не согласится, я смогу еще вернуть деньги и придумать другой выход. Позже будет труднее. Если бы не это, я не приставал бы к тебе, мама, ты же понимаешь.

— Я ему скажу, когда мы вернемся домой. Сейчас я просто не в состоянии, Карл. С Анетте и всеми делами.

Анетте старается не дышать. Теперь она уже

не может показаться им на глаза. Но о чем они, собственно, говорят? Что, Карл одолжил у матери денег?

— Очень уж момент неподходящий, — мямлит мать.

— Понимаю. Но ты должна была сразу же сказать ему!

Слышно, что теперь Карл встал, и Анетте не смеет оставаться рядом. Она шмыгает назад, в свой номер. Ян Инге тяжело поворачивается в постели и смотрит на нее.

— Ты куда ходила?

— Да так, думала размяться, и все, но нечаянно услышала, как мама разговаривает с Карлом. Я не собиралась подслушивать, просто…

Анетте так и стоит у двери, держась за ручку. Ян Инге садится в постели.

— А о чем они говорили? О тебе? О том, что случилось?

— Нет, только… Кажется, Карл одолжил у мамы денег, а она не сказала об этом отцу.

— На свою фирму?

— Понятия не имею. Но на что еще-то.

— Да уж, я как раз диву давался, откуда у него средства. Один только распальцованный фирменный автомобиль стоит, наверное, целое

состояние.

Ян Инге встает и отдергивает занавеску. Комнату заливает чистый белый свет. На фоне дымчато-голубого неба четко вырисовываются остроконечные верхушки елей.

— А ты не видела, кто-нибудь еще встал? Может, скоро обедать уже?

— Не знаю, — вяло откликается Анетте. — Я далеко не отходила.

Ян Инге натягивает рубашку и застегивает ее.

— Ладно, пойду тогда пообщаюсь со всеми, как мы договорились.

Анетте смотрит куда-то мимо него.

— Ну что, начну-ка я паковаться.

Дорте

Дорте укладывает в дорожную сумку последние вещи и пытается затянуть молнию. Странно, что, когда собираешься домой, багаж всегда занимает больше места, даже если к нему не добавилось и крохотного пузырька с гостиничным мылом. В конце концов ей удается закрыть сумку. Дорте вешает обе сумки на плечо, прихватывает сумочку и на мгновение застывает, глядя на незаправленную постель. Они все утро пролежали там, просто за разговорами. Хорошо поговорили. Потом Уле стало клонить в сон, а под конец он и совсем

отрубился. Сама она старалась не заснуть, чтобы не упустить за этот последний час ни секунды с его дыханием, его теплом, его запахом.

Дорте толкает дверь и выходит на свет. Солнце тут как тут, как и обещали. Природа вокруг четко проступила в разнообразных оттенках бурого с мелкими вкраплениями золотистого. Со ступеней каменной лесенки Дорте видны очертания гор на другой стороне долины. Вот чего она ожидала. Но случилось совсем иначе. Она спускается по лесенке и по пути к машине внимательно смотрит себе под ноги. Солнце еще недостаточно пригрело, чтобы высушить раскисшую глину на дворовой площадке. Она только собралась закинуть сумки на заднее сиденье, как сообразила, что поедет отсюда не на своей машине. Вздохнув, она захлопывает дверцу. Пожалуй, она устала сильнее, чем ей представлялось. В холле никого. Но там стоят сумки и чемоданы, из стеклянного коридора слышен голос Карла. Дорте обрадовалась, увидев, что мать с отцом сидят в креслах и любуются видом.

— Я здесь сегодня ночью сидел, смотрел на звезды, — говорит Карл. — А потом Стейн начал колотить в двери.

— Свейн, — смеется мать.

— Нет, ему больше подходит имя Стейн[10]. — Отец тоже смеется.

— Привет, — говорит мать, поворачиваясь к Дорте. — Только что приходил Уле, сказал, что и Гейр, и Стейн выкарабкаются.

Так вот почему все в таком приподнятом настроении. Дорте реагирует так же; ощущение, будто им удалось избежать страшной опасности.

— Мама с папой радуются, что поедут на гусеничной машине, — говорит Карл, подмигивая Дорте.

— Ничего подобного, — говорит мать. — Ну иди сюда, посмотри, красота какая!

— Хорошо, что вы хотя бы сейчас это увидели, — говорит Дорте. — А где Анетте с Яном Инге?

— Да все пакуются, — говорит Карл.

Дорте направляется в столовую. Там Уле накрывает стол для плотного завтрака: лососина с яичницей-болтуньей и богатый выбор мясной нарезки и сыров. Дорте помогает расставлять посуду.

— Говорят, ты принес хорошие новости?

— Да, ты ведь догадалась какие?

— Никто не умер, — произносит она без вы-

---

[10] Примечания: 10
Stein — камень *(норв.)*

ражения.

— Никто не умер. И они, похоже, не проболтались о том, что произошло.

— Невероятно.

— Должно же хоть в чем-то повезти. — Уле ставит на стол последнюю тарелку. — Знаешь, Дорте…

— Что?

— Когда за вами приедут, то… Ну, так получилось, что Элисабет тоже приедет с ними.

— Ну вот я с ней и познакомлюсь, — говорит Дорте как можно более нейтральным тоном.

— Да. Мне жаль, что так вышло, но… Я тебе говорил уже, мне нужно время, чтобы переварить все, что произошло. Мне нужно подумать.

— Да нам всем не вредно подумать.

Уле разводит руки в стороны, и она дает себя обнять.

— А как Анетте себя чувствует? — спрашивает он, пряча лицо в ее волосах.

— Ни малейшего понятия.

— Не забудь, у нее ведь шок.

— Ничего, пройдет. Может быть, все будет как прежде.

— А ты этого хочешь?

— Вообще-то нет. — Она улыбается.

Звонит его мобильник; Дорте чувствует бедром, как вибрирует телефон. Увидев номер, Уле темнеет лицом. Дорте отходит в сторонку, но слышит, что голос у него озабоченный. Уле отвечает звонящему коротко и формально. Договаривается о чем-то, видимо, кто-то собирается приехать. Разговор заканчивается.

— Вот ведь черт… Не так уж мы легко отделались.

Дорте не сводит с него глаз. Изнутри ее опять начинает бить мелкая дрожь. Дорте знает, что услышит сейчас.

— Это из местной полиции звонили. Их начальник и еще один сотрудник подъедут сюда побеседовать со мной. С нами.

— Господи помилуй…

— Да уж. Они приедут вместе с людьми, которые должны увезти вас отсюда. Мне нужно поехать встретить их у развилки где-нибудь через час.

Дорте качнуло, и Уле обхватывает ее за плечи.

— Но мы же знаем, что говорить, правда? — Он чуть отстраняет ее от себя. — Правда же, Дорте? Это же ты придумала. А Ян Инге с самого утра ходит проверяет, чтобы все запомнили каждую мелочь, так что теперь уж все должны знать, что говорить.

— Мне кажется, меня сейчас стошнит.

— Послушай, Дорте. Они же понимают, что мы все потрясены случившимся. Ничего странного в том, что мы нервничаем, или плачем, или нас тошнит. Это все нормальная реакция. Справимся?

— Справимся, — повторяет Дорте.

Уле чмокает ее в лоб.

— Ну давай, сходи, позови их перекусить.

Потом идет к окну раздвинуть кружевные занавески, чтобы впустить побольше света. На пороге Дорте на мгновение останавливается и оглядывается. Старается запечатлеть в памяти эту картину. Красный передник Уле, белые занавески. И большое круглое блюдо с желтой болтуньей, эдакое солнышко посреди стола.